

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Марков Максим Геннадиевич

**ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА ДЕЛ, ВЫТЕКАЮЩИХ
ИЗ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Исаенкова Оксана Владимировна

Саратов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ДЕЛАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» .	17
1.1. Предмет, признаки и категории дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».....	17
1.2. Субъектный состав дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».	34
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПОСТАДИЙНОГО ДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ.....	62
2.1 Стадия возбуждения гражданского судопроизводства по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»	62
2.2. Подготовка дел по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет» к судебному разбирательству.	85
2.3. Судебное разбирательство по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».....	107
Заключение.....	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

В настоящее время сеть «Интернет» быстро развивается и имеет большое значение как в качестве информационного пространства, так и коммуникационной системы. Подавляющее большинство граждан РФ пользуются сетью «Интернет» на постоянной основе. Из практически любого взаимодействия между гражданами и организациями в сети «Интернет» вытекают гражданские правовые отношения, участники которых могут недобросовестно использовать (и используют) данные им гражданские права и свободы. Быстрое развитие информационных технологий и расширение вовлеченности в них граждан порождают не только появление новых форм материально-правовых отношений в сети «Интернет», но и способствует появлению новых особенностей в рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства, вытекающих из таких правоотношений, нуждающихся в особом внимании правоведов в целях разработки оптимального научно-обоснованного механизма судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».

Специфика цифровой среды предопределяет трансформацию классических институтов гражданского процесса. Удаленный характер правоотношений, анонимность участников, трансграничность распространения информации и сложность фиксации противоправных действий в динамике создают существенные препятствия для оперативной и эффективной судебной защиты. Особую остроту приобретают проблемы доказывания: определение достоверности и допустимости электронных доказательств, фиксация содержания веб-страниц, установление субъекта, ответственного за действия в сети.

Следует отметить, что высокая степень вовлеченности граждан в цифровую среду и их зависимость от интернет-сервисов в повседневной жизни и профессиональной деятельности превращает недобросовестное поведение в сети

из частнопроводного деликта в фактор, способный оказывать негативное влияние на состояние защищенности широкого круга лиц. Отсутствие четко выстроенных и предсказуемых процессуальных алгоритмов рассмотрения соответствующих категорий дел способно не только затруднить восстановление нарушенного права конкретного лица, но и подорвать общее доверие граждан к институту судебной защиты в современных условиях цифровизации общественных отношений.

Государство должно быть активным участником интернет-пространства, формировать ориентиры для совершенствования и повышения информационно-коммуникативной культуры пользователей, с помощью правовых механизмов закреплять критерии законного-незаконного, правомерного-неправомерного поведения граждан в интернет-среде, устанавливать санкции для нарушителей электронного правопорядка¹.

Представляется, что существующие процессуальные механизмы не в полной мере адаптированы к скорости обновления информации в цифровой среде, что влечет риски утраты доказательств, затягивания судебных разбирательств и неправильного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Все вышеуказанное определяет актуальность избранной темы диссертационного исследования и обуславливает ее социальную значимость в направлении выработки оптимальных основ рассмотрения споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования.

Своевременность настоящего диссертационного исследования определена недостаточной научной разработанностью поднимаемых в нем проблем. На момент написания работы собственно процессуальным особенностям рассмотрения дел, вытекающих из недобросовестного использования сети

¹ См: Комкова Г.Н. Юридизация интернет-пространства как способ повышения информационно-коммуникативной культуры граждан / Г.Н. Комкова, Н.В. Тюменева, Е.Н. Тогузаева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 34, № 2. – С. 154.

«Интернет», диссертационных и иных монографических исследований не посвящалось.

В то же время следует отметить, что в 2024 г. В.Д. Мельник была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, имеющая своим предметом онлайн-урегулирование интернет-споров, связанных с приобретением товаров и услуг. Также стоит упомянуть кандидатскую диссертацию А.В. Незнамова, защищенную в 2010 г. по теме «Особенности компетенции по рассмотрению Интернет-споров: национальный и международный аспекты».

Отдельные содержательные моменты предмета настоящего исследования были отражены в работах ученых, внесших существенный вклад в развитие теоретической основы деликтных правоотношений в сети «Интернет» и особенностей их рассмотрения, таких как: Б.Э. Алиусманов, В.В. Богомолова, А.Т. Боннер, Ю. Ф. Вацковский, С.Б. Вепрев, А.К. Жарова, М.Н. Зарубина, Е.М. Кобзаренко, Е.А. Кондратьева, В.В. Котлярова, Е.Н. Кузнецов, Ю.А. Максименкова, С.В. Малахов, И.Р. Медведев, М.А. Митрофанова, А.А. Савинова, Т.В. Сахнова, Ю.А. Свирин, М.К. Треушников, Н.М. Тулина, А.К. Шереметьева и другие.

Труды перечисленных авторов создали необходимую методологическую и доктринальную базу для изучения правоотношений, осложненных использованием цифровых технологий. Однако проведенный анализ позволяет заключить, что комплексные монографические исследования, специально посвященные именно процессуальным особенностям рассмотрения гражданских дел о защите прав, нарушенных в результате недобросовестного использования сети «Интернет» (включая аспекты доказывания, обеспечения иска, определения надлежащего ответчика и юрисдикции), в науке гражданского процессуального права до настоящего времени отсутствовали.

Приведенные выше положения об актуальности и степени разработанности темы настоящего исследования предопределили и **цель диссертационной работы:** формирование комплексного научного

представления о процессуальных особенностях рассмотрения судами споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», с определением специфики реализации процессуальных институтов на каждой стадии гражданского судопроизводства.

Для достижения сформулированной цели в работе были поставлены и решены следующие **задачи**:

- определить предмет и признаки дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- провести категоризацию споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- установить специфику субъектного состава при рассмотрении в судах споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- определить процессуальные особенности стадии возбуждения судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- выявить процессуальные особенности стадии подготовки дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- раскрыть процессуальные особенности стадии судебного разбирательства по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения при рассмотрении в судах споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Объектом исследования являются гражданские процессуальные правоотношения, возникающие в ходе рассмотрения судами споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Предмет исследования образуют нормы права процессуально-отраслевой и материально-отраслевой принадлежности, регулирующие отношения, связанные с рассмотрением дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», судебная практика их применения, а также

доктринальные положения в области цивилистического процесса, материальных отраслей права и общей теории права.

Теоретическая основа исследования исходит из гипотез, научных разработок, концепций, содержащихся в трудах правоведов, среди которых: А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.Б. Алиева, Б.Э. Алиусманов, С.Ф. Афанасьев, Н.П. Афанасьева, А.Т. Боннер, К.Л. Брановицкий, Н.А. Брежнева, Д.Х. Валеев, Ю.Ф. Вацковский, С.Б. Вепрев, М.А. Викут, А.К. Жарова, М.Н. Зарубина, Н.И. Ивуть, К.А. Исмаилова, Н.О. Князькина, Е. М. Кобзаренко, Е.А. Кондратьева, В.В. Котлярова, А.Н. Кузбагаров, Е.Н. Кузнецов, Р.А. Кушхов, В.В. Лазарев, Н.В. Ласкина, Ю.А. Максименкова, С.В. Малахов, Т.Н. Маслова, И.Р. Медведев, М.А. Митрофанова, Р.В. Новиков, И.Б. Новицкий, А.Г. Нуриев, И.Н. Поляков, И.К. Пискарев, А.Г. Плешанов, М.И. Проскурякова, И.В. Решетникова, Е.В. Рузанова, А.А. Савинова, Т.В. Сахнова, Ю.А. Свиринов, М.К. Треушников, Л.В. Туманова, Г.В. Хамидуллина, С.Н. Федулова, М.С. Шакарян, Д.М. Шараев, А.К. Шереметьева, Л.Р. Юлбердина, В.В. Ярков и другие авторы.

Нормативную базу исследования составили правовые акты разной юридической силы: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, Постановления Правительства Российской Федерации, ведомственные акты, которые так или иначе затрагивают вопросы правового регулирования гражданского судопроизводства и правоотношений, возникающих вследствие недобросовестного использования сети «Интернет», а также ряд других нормативных правовых актов.

Эмпирической основой исследования является практика Верховного Суда РФ, районных судов РФ и арбитражных судов РФ.

Методологическую основу исследования составила совокупность методов познания, разработанных наукой и апробированных практикой. Диссертационная работа основывается на всеобщем диалектическом методе научного познания, позволившем выявить сущность процессуальных особенностей рассмотрения споров, вытекающих из недобросовестного

использования сети «Интернет», с учетом стадийности движения гражданского судопроизводства. При помощи системного подхода были исследованы предмет и признаки дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», а также проведена категоризация указанных споров. Кроме того, при написании были использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия, типология, индукция, дедукция, и др.) и частнонаучные (формально-юридический, метод сравнительного правоведения и межотраслевой метод юридических исследований), позволившие раскрыть процессуальные особенности всех стадий гражданского судопроизводства по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые выработано комплексное авторское научное представление о процессуальных особенностях рассмотрения споров в судах, возникающих из деликтных правоотношений в сети «Интернет». По-новому определен предмет и признаки дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»; проведена категоризация споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»; установлена специфика субъектного состава при рассмотрении в судах споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»; выявлены процессуальные особенности стадии возбуждения судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»; показаны процессуальные особенности стадии подготовки дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»; раскрыты процессуальные особенности стадии судебного разбирательства по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».

Результаты исследования нашли отражение в выводах и положениях, выносимых на защиту:

1. Дела, вытекающие из недобросовестного использования сети «Интернет», представляют собой самостоятельную категорию гражданских дел, объединенных единством трех сущностных признаков: 1) особой средой

совершения юридически значимых действий, порождающих спорные правоотношения – сетью «Интернет», определяемой как международная информационно-телекоммуникационная сеть, в которой информация маршрутизируется с помощью средств вычислительной техники на основе единого протокола TCP/IP; 2) материально-правовой природой требований, вытекающих преимущественно из деликтных обязательств (обязательств вследствие причинения вреда), где термин «недобросовестное использование» трактуется шире традиционного принципа добросовестности и охватывает все действия, повлекшие вред личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, независимо от характера правомерности действий лица; 3) смешанной процессуальной компетенцией, обусловленной субъектным составом дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», и характером спорных правоотношений, что выражается в возможности рассмотрения таких дел как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами в зависимости от статуса сторон и содержания спора.

2. На основе материально-правовой общности регулируемых отношений выделяется классификация дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», включающая четыре основные категории: 1) дела о нарушении прав субъектов персональных данных в сети «Интернет»; 2) дела о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет»; 3) дела, связанные с распространением ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренцией в сети «Интернет»; 4) дела об опровержении порочащих сведений (защите чести, достоинства и деловой репутации) в сети «Интернет». Предложенная классификация обладает признаком устойчивости и охватывает наиболее значимые и распространенные группы правонарушений в цифровой среде, однако является открытой в силу динамичного развития самого объекта регулирования – сети «Интернет».

3. Субъектный состав дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», характеризуется единством процессуального и

материально-правового статусов участников, что позволяет рассматривать их как «форму» и «содержание» соответствующих правоотношений. Выделен «специальный» субъектный состав дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет» и разделенный на следующие категории субъектов: 1) владельцы информации; 2) поставщики и модераторы информации; 3) потребители информации.

4. Выявлено, что определение надлежащего ответчика по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», не обладает однородностью и единообразием, в отсутствие прямых законодательных разъяснений провайдер хостинга зачастую становится ответчиком в силу невозможности идентификации конечного нарушителя. Вместе с тем, научно обосновано, что определение ответчика по подобного рода делам зависит от возможности и осведомленности истца подать исковое заявление в отношении конкретного известного ему лица. Предлагается перенести правила субсидиарной ответственности на деликтные правоотношения в части возможности обратиться с требованием к субсидиарному должнику, что установит прерогативу гарантии судебной защиты прав над невозможностью защитить свои права любым возможным способом.

5. В целях устранения правовой неопределенности и противоречивой судебной практики по делам о недобросовестном использовании сети «Интернет» научно обоснована необходимость выделения «электронных доказательств» в качестве самостоятельного средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Существующая квалификация электронных сообщений и документов в качестве письменных доказательств не учитывает специфику их формирования, фиксации и оценки (легкость модификации, недокументированный статус, зависимость от технической инфраструктуры), что требует установления дефиниции и критериев допустимости электронных доказательств. В частности, следует установить, что документы, полученные посредством информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», могут быть представлены в суд в форме

распечаток соответствующих материалов (скриншотов). Такие распечатки признаются допустимыми доказательствами, если они заверены лицами, участвующими в деле, и содержат указание на адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также на точное время её получения.

6. Ввиду того, что большинство деликтов в сети «Интернет» носят длящийся характер (непрерывный доступ к информации, ее неограниченное распространение), а понятие «длящегося правонарушения» разработано преимущественно в публичных отраслях права, сделан вывод о необходимости официального толкования данной категории применительно к гражданско-правовым отношениям. Предлагается унификация подходов к определению момента начала течения срока исковой давности по интернет-деликтам, выражающаяся в установлении презумпции, согласно которой по требованиям, вытекающим из нарушения прав и законных интересов лиц в сети «Интернет», факт обнаружения потерпевшим лицом нарушения своего права считается юридически неопределимым, а, следовательно, срок исковой давности не может считаться пропущенным, пока нарушителем или иным заинтересованным лицом не будет доказано обратное – то есть не будет представлено достоверных доказательств того, что истец узнал или заведомо должен был узнать о нарушении в конкретную, более раннюю дату.

7. Выявлена объективная потребность в дифференциации сроков рассмотрения интернет-споров в зависимости от их категории. Обосновано, что для дел о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет», характеризующихся высокой степенью динамичности правонарушения (в частности, появлением копий сайтов в сети «Интернет») и массовостью обращений, целесообразно установление сокращенного срока их рассмотрения (до одного месяца), что позволит обеспечить оперативность судебной защиты и будет способствовать реализации принципа процессуальной экономии.

8. Аргументирована необходимость законодательного признания доменного имени самостоятельным средством индивидуализации юридического лица. Отсутствие такого статуса порождает неопределенность в определении

предмета доказывания по делам о киберсквоттинге, вынуждая суды квалифицировать действия ответчика через призму нарушения прав на товарный знак либо акта недобросовестной конкуренции, что не всегда позволяет в полной мере защитить права потерпевшей стороны.

9. Выявлена и обоснована доказательственная ценность метаданных, лог-файлов, данных с онлайн-сервисов и иных «специфических» электронных источников по делам об интернет-деликтах. Доказано, что метаданные выполняют двойственную функцию: в материально-правовом аспекте они являются персональными данными (цифровым следом пользователя), а в процессуальном – выступают в качестве самостоятельного и зачастую ключевого средства верификации иных доказательств (подтверждение авторства, времени создания/изменения контента, факта распространения информации).

10. Обоснована необходимость введения в категорию «электронных доказательств» процессуальной нормы, регламентирующей порядок работы со сведениями, доступ к которым ограничен. В частности, целесообразно законодательно закрепить право суда и участников процесса использовать программно-аппаратные средства доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, в целях доступа к таким ресурсам в случаях, когда это необходимо для исполнения судебных полномочий.

Сформулированные автором выводы и рекомендации позволяют научно обоснованно усовершенствовать порядок применения норм, регулирующих процессуальные особенности рассмотрения споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», с учетом соблюдения баланса интересов субъектов таких отношений.

Проведенное исследование позволило сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, в частности:

1. В целях дополнения существующего перечня средств доказывания «электронными доказательствами» внести следующие изменения:

1) Внести изменение в абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ и изложить в следующей редакции:

«Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, электронных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов».

2) Внести изменения в ч. 2 ст. 64 АПК РФ и изложить в следующей редакции:

«В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, электронные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы».

3) Исключить из содержания ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ упоминание документов, полученных посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документов, подписанных электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

4) Дополнить гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ статьями под названием «Электронные доказательства» со следующей легальной дефиницией: «Электронными доказательствами являются, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.»

5) Включить в содержание статьи «Электронные доказательства» В ГПК РФ и АПК РФ нормы со следующим содержанием: «Документы, полученные посредством информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», могут быть представлены в суд в форме распечаток соответствующих материалов (скриншотов). Такие распечатки признаются

допустимыми доказательствами, если они заверены лицами, участвующими в деле, и содержат указание на адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также на точное время её получения.»

2. Дополнить ч. 2 ст. 154 ГПК РФ нормой, согласно которой дела о нарушении авторских и (или) смежных прав кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», рассматриваются и разрешаются до истечения месяца со дня поступления заявления в суд.

Теоретическая значимость исследования. Сформулированные в диссертации выводы представляют собой решение задач, имеющих существенное значение для развития теории гражданского процессуального права, а также отечественной правовой науки в целом.

Автором внесен личный вклад в учение о процессуальных особенностях рассмотрения российскими судами отдельных категорий гражданских дел на примере споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Полученные результаты способствуют уточнению доктринальных подходов к процессу доказывания, особенностям определения надлежащей стороны в обязательстве, определению подсудности интернет-деликтов, а также особенностям гражданского судопроизводства на отдельных его стадиях в суде первой инстанции.

Практическая значимость исследования заключается в формировании актуальных выводов и положений по теме исследования, которые могут быть использованы органами законодательной власти для формирования новых норм действующего законодательства относительно порядка и особенностей рассмотрения дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет». Содержащиеся в диссертационном исследовании выводы также могут быть значимы для правоприменительной деятельности. Кроме того, результаты представленного исследования могут быть использованы в учебном

процессе в рамках преподавания курсов «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс» и др.; в процессе подготовки соответствующей учебной литературы, лекций и учебно-методических пособий.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечена использованием методологии, соответствующей целям и задачам настоящего исследования, изучением научной и учебной литературы, нормативной базы, судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Выводы и предложения, сделанные в процессе исследования, являются достоверными и аргументированными, основанными на изучении нормативно-правовых актов, всестороннем анализе научных работ прежних лет по исследуемой теме, а также применением апробированного научно-исследовательского материала.

Апробация и внедрение результатов исследования. Настоящая диссертационная работа была подготовлена, обсуждена и одобрена на кафедре гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Основные положения и выводы настоящего диссертационного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, докладывались диссертантом на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Вторые всероссийские научно-практические чтения с международным участием «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 16 сентября 2023 г.); IV Саратовский юридический форум «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» (г. Саратов, 4-8 июня 2024 года); X Международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и магистрантов «Источники гражданского процессуального права» (г. Гродно, 15 мая 2025 года.).

Также автором было принято участие в VII Всероссийском ежегодном конкурсе «Российская юстиция в XXI веке: проблемы, реалии, перспективы» (г. Екатеринбург, 2025 г.), занято третье место во Всероссийском конкурсе 2022

года на лучшую законодательную инициативу по совершенствованию судебных и внесудебных форм разрешения споров, проводимом Комиссией по анализу, развитию и совершенствованию процессуальных и внепроцессуальных форм разрешения споров Ассоциации юристов России (г. Москва, 2022 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в семи научных публикациях, три из которых – статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов докторских и кандидатских исследований.

Структура работы обусловлена указанной выше целью и задачами диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих пять параграфов, заключения, списка используемых источников.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ДЕЛАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

1.1. Предмет, признаки и категории дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет»

Формулировка предмета исследования представляет собой фундаментальный элемент методологии любого научного изыскания, поскольку именно он детерминирует сущность изучаемого объекта в рамках познавательного процесса. Анализируемое понятие «дела, вытекающие из недобросовестного использования сети «Интернет» не встречается в юридической науке и может иметь сразу несколько значений в зависимости от особенностей познавательной деятельности субъекта, изучающего указанную тему. В целях устранения неясности и более подробного изучения данной темы, в том числе особенностей рассмотрения указанных дел, следует определить предмет исследования, основные признаки и провести категоризацию дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Настоящее исследование носит комплексный характер, охватывая различные аспекты юридической науки. Изучение рассматриваемых правоотношений предполагает использование ряда устоявшихся терминов из сферы информационных технологий. Эти термины, будучи закрепленными в законодательстве Российской Федерации, применяются в данной работе в своем общепринятом значении без детального теоретического обоснования.

Дела о недобросовестном использовании сети «Интернет» подлежат анализу в контексте различных отраслей права:

- 1) Процессуальное право;
 - а. Гражданское процессуальное право;
 - б. Арбитражное процессуальное право;
- 2) Материальное право;
 - а. Гражданское право;
 - б. Информационное право.

Одним из важнейших аспектов вышеуказанных дел является особая форма пространства, в которой возникают правоотношения между субъектами гражданских правоотношений – информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее – сеть «Интернет»).

Правовое регулирование сети «Интернет» является достаточно молодым, особенно на фоне правовых институтов, которые формировались на основе общественных отношений, зародившихся еще в древние времена. Формирование правовых норм, регулирующих сеть «Интернет», в российском законодательстве началось относительно недавно. Как считает В.Б. Наумов, российскую историю правового регулирования сети «Интернет» стоит вести с даты принятия Федерального закона от 20 декабря 1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»². Однако, анализ норм, приведенных в указанном нормативно-правовом акте, показывает стремление государства урегулировать исключительно информационные отношения в обществе, не касаясь самой сети «Интернет» и установления соответствующего понятийного аппарата.

Отправной точкой развития правового регулирования сети «Интернет» в Российской Федерации следует назвать Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (далее – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). С этого момента российское законодательство обозначило и закрепило некоторые ключевые понятия, связанные с сетью «Интернет», а также включило в себя нормы, регулирующие общественные отношения в интернете.

² См.: Наумов В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века. СПб., 2016. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf> (дата обращения: 26.01.2024); Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации». СЗ РФ. – 1995. – № 8. – ст. 609.

³ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – ст. 3448.

В последующем законодателем была осуществлена поэтапная имплементация новых норм, регулирующих отношения в сети «Интернет», в различные нормативно-правовые акты. В качестве иллюстрации данного процесса можно привести как изменения, внесенные в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и новеллы, затронувшие нормативно-правовые акты, регламентирующие частноправовую сферу.

К примеру, законодатель вводил правовые нормы, связанные с правовым регулированием сети «Интернет», внося изменения в положения ст. 152, 494, 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГК РФ), а также ввел новую правовую норму – ст. 152.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГПК РФ).

Сеть «Интернет» неоднократно упоминается в действующем российском законодательстве, но легальная дефиниция установлена только для информационно-телекоммуникационной сети. Так, согласно ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационно-телекоммуникационная сеть - технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Однако, сеть «Интернет» имеет некоторые признаки и особенности, которые индивидуализируют ее на фоне остальных компьютерных сетей. Так, С. В. Малахов выделяет следующие взаимосвязанные элементы сети «Интернет»: 1) Интернет – это информационная компьютерная сеть, состоящая из совокупности отдельных информационных компьютерных сетей, объединенных на основе единого межсетевого протокола; 2) Интернет – это информационное

⁴ См.: Гражданский кодекс РФ. Ч. 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301; Гражданский кодекс РФ. Ч. 2 от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Рос. газета. – 1996. – № 23; Гражданский кодекс РФ. Ч. 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – ст. 5496.

⁵ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – ст. 4532.

пространство; 3) Интернет – это виртуальная среда обитания субъектов общества, в которой возникают, развиваются и прекращаются реальные общественные отношения; 4) Интернет – это совокупность существующих в виртуальной среде информационных общественных отношений⁶. По мнению А.А. Савинова сеть «Интернет» – это глобальная информационная сеть, части которой логически взаимосвязаны посредством единого адресного пространства, основанного на протоколе TCP/IP⁷.

В Новом кратком словаре иностранных слов дается следующее определение Интернета: «Интернет – всемирная компьютерная сеть, обеспечивающая доступ информации на сайтах, объединенных с помощью современных коммуникационных средств»⁸.

По нашему мнению, учитывая позиции отдельных ученых, следует дать следующее определение сети «Интернет»: сеть «Интернет» – это международная информационно-телекоммуникационная сеть, в которой информация маршрутизируется с помощью средств вычислительной техники на основе единого протокола TCP/IP. Благодаря критериям международного характера и единого протокола, данное определение позволяет наиболее точно отграничить сеть «Интернет» от иных цифровых сетей.

Неотъемлемость международного характера сети «Интернет» подтверждается заложенной в ней сутью и природой, описанной разными учеными⁹.

⁶ См.: Малахов С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. – С. 50.

⁷ См.: Савинова А.А. Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – С. 88.

⁸ См.: Новый краткий словарь иностранных слов / отв. ред. Н.М. Семенова. М.: Русский язык медиа, 2005. – С. 214.

⁹ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: НОРМА, 2003. – С. 92; Абдульманов А.А., Кузьмин И.С. Характеристика сети Интернет и ее значение в системе информатизации общества // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 77; Хужина А.В. Правовая природа сети Интернет: вопросы регулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – № 1. – С. 101–107.

Отсутствие четкой физической топологии и возможность доступа в сеть «Интернет» только с помощью средств ЭВМ порождают возникновение особой формы общественных отношений, которые в свою очередь имеют отдельные особенности. В связи с этим имеет актуальность вопрос, что понимается под недобросовестным использованием сети «Интернет».

Добросовестность часто встречается в российском законодательстве и имеет отражение как в гражданском процессуальном праве, так и гражданском материальном праве. К примеру, добросовестность упоминается в ч. 1 и ч. 2 ст. 10 ГК РФ, которые гласят, что недобросовестное осуществление гражданских прав не допускается, а сама добросовестность в действиях участников гражданских правоотношений предполагается. Также, согласно ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Тем не менее, законодатель не дает понятие добросовестности в существующем законодательстве, вследствие чего добросовестность как принцип остается оценочной категорией.

И.Б. Новицкий рассматривал принцип добросовестности на основе двух категорий: объективном и субъективном значении. В объективном значении принцип добросовестности понимается, как внешнее «мерило» поведения, а в субъективном это определенное сознание лица, находящегося в некотором неведение обстоятельств, вследствие чего возникают юридические последствия. И.Б. Новицкий считал, что для доброй совести характерны такие элементы, как знание об интересах другого, знание, связанное с доброжелательством, нравственные основы, от которых исходит лицо в своем поведении¹⁰.

По мнению А.В. Волкова, исследовавшего указанный принцип применительно к современному гражданскому праву, принцип добросовестности исходит из принципа юридического равенства и включает в себя: а) добросовестное установление гражданских прав; б) добросовестное осуществление гражданских прав; в) добросовестную защиту гражданских прав;

¹⁰ См.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 64–65.

г) добросовестное исполнение гражданских обязанностей; д) запрет на извлечение любых преференций из своего недобросовестного поведения¹¹.

С.А. Краснова полагает, что добросовестность – это понятие, характеризующее субъективную сторону поведения участников гражданских правоотношений, наличие которой в предусмотренных законом случаях позволяет субъекту беспрепятственно осуществлять свои права и требовать исполнения обязанностей, а ее отсутствие (недобросовестность) влечет неблагоприятные материально-правовые последствия, в том числе и применение мер ответственности к недобросовестному лицу-правонарушителю¹².

Применительно к гражданским процессуальным правоотношениям категория добросовестности, по мнению Р.Е. Коренченко, проявляется в виде процессуального фильтра, который предназначен для проверки поведения участников судопроизводства путем его сопоставления с правами и законными интересами иных участников судопроизводства, а также с целью и задачами гражданского судопроизводства¹³.

В наиболее ярком смысле понятие добросовестности демонстрируется известной фразой «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». По нашему мнению, добросовестность заключается в осуществлении своих прав в тех пределах и рамках, в которых права другого субъекта не будут нарушены или ущемлены в целях собственной выгоды.

Однако, в рамках настоящего исследования недобросовестное использование сети «Интернет» имеет более широкое значение и не привязано к традиционному принципу добросовестности. Так под недобросовестным использованием сети «Интернет» в первую очередь имеется ввиду причинение

¹¹ См.: Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3 (20). – С. 44–50.

¹² См.: Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2003. – № 3. – С. 67.

¹³ См.: Коренченко, Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.15 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. Е. Коренченко. – Саратов, 2024. – С. 10.

вреда личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица и иное нарушение прав вне зависимости от характера правомерности действий лица.

Стоит также упомянуть, что при соотношении понятий «обязательство вследствие причинения вреда» и «деликтное обязательство», как отметил Р.А. Кушхов, большинство ученых не возражают против употребления этих понятий как равнозначных¹⁴.

В юридической литературе даются различные, но близкие по смыслу определения этого обязательства. Так, И.Н. Поляков обязательством вследствие причинения вреда именует «такое гражданско-правовое отношение, по которому потерпевший (кредитор) вправе требовать от причинителя вреда (должника) полного возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) причинителя вреда, а должник обязан возместить вред в полном объеме»¹⁵. Нередко обязательства вследствие причинения вреда характеризуются также как внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда. Иногда под данным обязательством понимают гражданско-правовое обязательство, в силу которого потерпевший вправе требовать от лица, ответственного за причинение вреда, возместить имущественный вред в натуре или возместить убытки, а также в предусмотренных законом случаях – компенсировать неимущественный (моральный) вред, приостановить или прекратить производственную деятельность причинителя¹⁶. Встречается и определение обязательства

¹⁴ См.: Кушхов Р.А. Проблема соотношения кондикционного и деликтного требований о защите гражданских прав // Право и политика. – 2006. – № 7. – С. 15.

¹⁵ См.: Поляков И.Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М.: Юрид. бюро «Городец», 1998. – С. 10.

¹⁶ См.: Гражданское право: учебник. Ч. 2 / под общ. ред. А.Г. Калпина. М.: Юристъ, 2000. – С. 506–507.

вследствие причинения вреда как «правоотношения по возмещению вреда, причиненного деликтом»¹⁷.

По нашему мнению, удачным представляется определение Е.В. Рузановой, которая под обязательствами вследствие причинения вреда понимает «внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения носящих абсолютный характер имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда»¹⁸.

Следует отметить, что деликты, возникающие из правоотношений в сети «Интернет», также затрагивают сферу предпринимательской деятельности, что обуславливает их рассмотрение через призму как гражданского, так и арбитражного процессуального законодательства.

Учеными часто упоминается такое понятие как «цивилистический процесс», в содержание которого, по мнению М.Р. Загидуллина и с позиции наиболее широкого толкования, следует относить гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство¹⁹.

Однако, в предмет настоящего исследования не предполагается включать административное судопроизводство в связи публичным характером правоотношений, рассматриваемых в порядке указанного судопроизводства.

Обращаясь к теоретическому осмыслению сущности гражданского судопроизводства, следует отметить многообразие доктринальных подходов. В частности, по мнению С.В. Никитина, предметом гражданского процессуального права являются общественные отношения, которые складываются при осуществлении судами общей юрисдикции деятельности по рассмотрению и

¹⁷ См.: Кузбагаров А.Н. Обязательства вследствие причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. – С. 16.

¹⁸ См.: Рузанова Е.В. Понятие обязательства вследствие причинения вреда // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 5-2 (45). – С. 113.

¹⁹ См.: Загидуллин М.Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 120–130.

разрешению гражданских дел, а также исполнению судебных актов²⁰. В свою очередь, Ю.А. Свирин рассматривает предмет гражданского процессуального права как общественные отношения, возникающие в сфере гражданского судопроизводства между судом и иными участниками процесса, урегулированные нормами процессуального права, в силу чего такие общественные отношения становятся гражданскими процессуальными отношениями²¹. В связи с вышесказанным, гражданское судопроизводство в настоящем исследовании понимается с позиции расширительного толкования и охватывает нормы как гражданского процессуального, так и арбитражного процессуального законодательства.

Таким образом по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», можно выделить следующие признаки:

- 1) особая сфера действия правоотношений – сеть «Интернет»;
- 2) правоотношения возникают из деликтных обязательств субъектов сети «Интернет»;
- 3) смешанная процессуальная компетенция при рассмотрении дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Неотъемлемой частью настоящего исследования является классификация всех дел, возникающих вследствие деликтных обязательств в сети «Интернет», на отдельные категории. Так, И.К. Пискарев, утверждает, что «практическими работниками юстиции и представителями юридической науки давно замечено, что когда речь заходит о достаточно большой группе дел, споров, разрешение которых основано на применении регулятивных норм, входящих в одну и ту же отрасль права либо в один из институтов этой отрасли, то для правильного

²⁰ См.: Гражданский процесс: учебник / 2-е изд.; под ред. С.В. Никитина. – М.: РГУП, 2024. – С. 18.

²¹ См.: Арбитражный процесс: учебник / Ю.А. Свирин. – М: КНОРУС, 2021. – С. 51.

применения этих норм возникает необходимость в учете определенной специфики процессуального характера»²².

По нашему мнению, основываясь на материально-правовой основе отдельных правоотношений, дела, вытекающие из недобросовестного использования сети «Интернет», целесообразно подразделить на следующие категории:

- 1) дела, связанные с нарушением прав субъектов персональных данных в сети «Интернет»;
- 2) дела, вытекающие из нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет»;
- 3) дела, возникающие вследствие распространения ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции в сети «Интернет».
- 4) дела об опровержении информации в сети «Интернет», содержащей порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения.

Предложенная систематизация, охватывающая ключевые сферы деликтных правоотношений, тем не менее, не претендует на исчерпывающую полноту в силу экспансивного характера самого объекта регулирования – цифровой среды.

Динамичное развитие технологий и социальных практик в сети «Интернет» непрерывно порождает новые, зачастую уникальные, формы противоправного поведения, которые либо не укладываются в рамки традиционных юридических конструкций, либо требуют их адаптации. Следовательно, любой перечень деликтов, возникающих вследствие недобросовестного использования сети «Интернет», по своей природе является открытым.

Формирование указанного перечня обусловлено не стремлением к охвату всех гипотетически возможных правонарушений, а применением принципа

²² См.: Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / Е.Я. Баскаков [и др.]; под ред. И.К. Пискарева. М.: Городец, 2005. – С. 5.

научной репрезентативности, в соответствии с которым для глубокого структурно-правового анализа избираются наиболее показательные и значимые группы дел, которые к тому же наиболее часто встречаются в правовом поле и имеют доктринальную проработанность.

Сформированная классификация создает основу для последующего детального анализа предмета исследования. В соответствии с избранной структурой, представляется необходимым последовательное углубленное исследование споров, возникающих из недобросовестного использования сети «Интернет», с учетом специфики каждой из выделенных категорий деликтных правоотношений.

Перейдем к детальному рассмотрению выделенных категорий дел.

Дела, связанные с нарушением прав субъектов персональных данных в сети «Интернет».

Основные положения, связанные с защитой прав субъектов персональных данных, были заложены в Федеральном законе «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ²³ (далее – ФЗ «О персональных данных») и ГК РФ.

Оборот персональных данных представляет собой неотъемлемый и фундаментальный элемент функционирования цифрового пространства, в связи с чем соответствующие правоотношения свойственны современной информационной среде.

Правовой режим персональных данных, согласно действующему законодательству, имеет правовой дуализм. Как отмечено в ст. 128 ГК РФ, информация, а, следовательно, и персональные данные не являются объектами гражданских прав. Вместе с тем, ГК РФ признает информацию, являющуюся персональными данными (то есть информация, которая позволяет идентифицировать отдельное лицо) нематериальным благом, которое подлежит защите в соответствии с гражданским законодательством.

²³ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 3451.

Так, в соответствии со ст. 152.2 ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

К тому же, в то время как сведения, относящиеся прямо или косвенно к определенному или определяемому лицу, являются объектом личных неимущественных прав, в сфере персональных данных также возникают имущественные права (например, в случае утечки персональных данных и понесенного ущерба).

Если вести речь о частноправовых началах в делах, возникающих из последствий нарушений прав на обработку персональных данных и прав субъектов персональных данных, то становится достаточно очевидной близость (если не тождественность) целей законодательства о персональных данных и гражданского законодательства, учитывая ст. 10 ФЗ «О персональных данных», таковыми являются обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защита прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Как справедливо отмечает А.И. Савельев, право на неприкосновенность частной жизни является совокупностью правомочий, обеспечивающих свободу реализации личности²⁴.

Вопрос о правовой природе требований, возникающих из нарушения законодательства о персональных данных, остается дискуссионным. Ключевая проблема заключается в квалификации соответствующего обязательства: является ли оно по своей сути деликтным, вытекающим из факта причинения вреда, или же договорным, основанным на нарушении условий согласия на обработку персональных данных, либо же формирует самостоятельный, сингулярный вид охранительного правоотношения.

²⁴ См.: Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. – С. 43.

С одной стороны, обработка персональных данных вытекает либо из договора, либо из согласия на их обработку, что также устанавливает между сторонами соответствующие права и обязанности, и обуславливает договорной характер таких правоотношений. С другой стороны, нарушения в сфере персональных данных по своей сути являются посягательством на нематериальные блага личности – право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В этом аспекте обязательство по защите данных и ответственность за их нарушение возникают непосредственно из закона, а не из договора, что сближает их с конструкцией деликта или внедоговорного обязательства.

Во-первых, при таком подходе к внедоговорным относятся лишь охранительные обязательства, что фактически приводит к их тождеству и отсутствию необходимости их выделения в самостоятельную группу обязательств. Во-вторых, исследователями отмечается, что основание возникновения обязательств не является единственным отличием договорных и внедоговорных обязательств²⁵.

Предметом гражданско-правовых споров, связанных с нарушением прав субъектов персональных данных, являются:

- предположительно неправомерные действия (бездействие) операторов персональных данных, выразившиеся в обработке данных без согласия субъекта (ч.1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных»), несоблюдении требований к их защите (ст. 19 ФЗ «О персональных данных») либо распространении информации с нарушением закона (ст. 152.2 ГК РФ);

- возможное нарушение специальных обязанностей, таких как обеспечение конфиденциальности, своевременное удаление или уточнение данных по запросу субъекта (ст. 21 ФЗ «О персональных данных»);

²⁵ См.: Новиков Р.В. К вопросу о классификации обязательств и критериях их разграничения в доктрине гражданского права // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 02 апреля 2020 г.). Т. I. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2020. – С. 86–89.

- возможное причинение вреда (материального или морального) в результате неправомерного использования персональных данных, влекущее обязанность возмещения вреда (ст. 151, 1099 ГК РФ).

Дела о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет».

Дела о нарушении интеллектуальных прав часто имеют гражданско-правовой характер, когда автор или правообладатель подает иск о защите своего исключительного права, личных неимущественных прав и иных прав. Для дел данной категории присуща дисперсия предмета судебной защиты, охватывающего различные интеллектуальные права, в сочетании со смешанной процессуальной компетенцией.

В соответствии со ст. 1252 ГК РФ способами защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности являются предъявление требований: о признании права; о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; о возмещении убытков; об изъятии материального носителя; о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

Основное внимание при рассмотрении указанных споров уделяется доказательствам незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности и оценке понесенного ущерба.

Поскольку квалифицирующим признаком исследуемой категории дел выступает факт возникновения правоотношений в сети «Интернет», анализ всего широкого спектра деликтов в сфере интеллектуальных прав является нецелесообразным. Тем не менее, в стремительно развивающемся цифровом пространстве становится все труднее найти незатронутые указанной областью объекты интеллектуальных прав, даже когда это не является очевидным. В качестве примера можно привести хэштег, символ, который широко распространился по сети в первое десятилетие 21 века и стал популярным средством обмена информацией. Как отмечает Б.Э. Алиусманов, в определенный момент хэштег перешел в рамки гражданского оборота и стал защищаться в

качестве средства индивидуализации (товарного знака) при условии его оригинальности²⁶.

Также актуальным является вопрос защиты прав на доменное имя в сети «Интернет», которое в настоящее время не признается в качестве средства индивидуализации в соответствии с действующим ГК РФ.

Дела, возникающие вследствие распространения ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции в сети «Интернет».

В названных делах понятия «ненадлежащая реклама» и «недобросовестная конкуренция» коррелируют друг с другом. В Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²⁷ закреплено понятие «недобросовестная конкуренция», в качестве которой указываются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Как отмечает О.А. Малютина, соотношение понятий «ненадлежащая реклама» и «недобросовестная конкуренция» следует представлять не как часть и целое, а как взаимопересекающиеся области, где ненадлежащая реклама может одновременно отвечать признакам недобросовестной конкуренции и входить в состав сложного деяния²⁸.

²⁶ См.: Алиусманов Б.Э. Объекты интеллектуальных прав в сети Интернет и их правовая охрана // Теория и практика современной юридической науки: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15 апреля 2021 г.). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 11.

²⁷ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 3434.

²⁸ См.: Малютина О.А. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция: коллизия или конкуренция норм // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 500.

Факт того, что ненадлежащая реклама в том числе является инструментом недобросовестной конкуренции, позволяет нам объединить эти два понятия в одну категорию дел и рассматривать их в совокупности.

Предметом рассмотрения по указанной категории дел могут быть следующие аспекты:

- 1) факт распространения ненадлежащей рекламы или осуществления недобросовестной конкуренции;
- 2) вред, причиненный потребителям или конкурентам;
- 3) компенсация убытков или морального вреда;
- 4) признание действий незаконными и требование прекратить их.

В качестве показательного примера можно привести решение Городецкого городского суда Нижегородской области от 06 марта 2017 г. по делу № 2-607/2017²⁹, которое наглядно иллюстрирует предмет рассмотрения по указанной категории споров. Прокурор обратился в суд с заявлением о признании информации, содержащейся на сайте в сети Интернет, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Основанием заявления выступила незаконная продажа билетов на ЧМ-2018 и Кубок конфедераций FIFA 2017, а также использование символики этих мероприятий без разрешения FIFA. Суд установил, что сайт предлагал билеты к продаже, принимал оплату различными способами и размещал официальную символику, не имея на то согласия FIFA, что, в частности, является актом недобросовестной конкуренцией. Суд признал указанную информацию, содержащуюся на сайте в сети «Интернет», запрещенной на территории Российской Федерации.

Также показательными являются дела о защите прав на доменное имя. Суд по интеллектуальным правам в своем постановлении от 27 ноября 2025 г. № С01-1240/2025 по делу № А41-68226/2024³⁰ установил, что использование

²⁹ См.: Решение Городецкого городского суда Нижегородской области от 06.03.2017 по делу № 2-607/2017. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

³⁰ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.11.2025 № С01-1240/2025 по делу № А41-68226/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

доменного имени, схожего до степени смешения с фирменным наименованием юридического лица, является актом недобросовестной конкуренции.

Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, возникающие из недобросовестного использования сети «Интернет».

В структуре исследуемых дел, связанных с недобросовестным использованием сети «Интернет», обособленную категорию составляют дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. Предмет судебного рассмотрения по данной категории дел носит сложный, комплексный характер и подлежит конкретизации через установление юридически значимых обстоятельств, образующих фактический состав деликта. К ним относятся:

1) Установление факта распространения сведений.

Под распространением в контексте сети «Интернет» понимается совершение действий, результатом которых стала доступность информации для неопределенного круга лиц. Это может быть публикация на новостном портале, в блоге, социальной сети, на форуме, в комментарии, а также пересылка информации через мессенджеры или электронную почту, если она была направлена третьим лицам.

2) Квалификация содержания распространенных сведений как порочащих.

Суд обязан установить, что распространенная информация носит именно порочащий характер, то есть содержит утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, недобросовестности в осуществлении предпринимательской или иной деятельности, нарушении деловой этики или обычаев, которые умаляют их честь, достоинство или деловую репутацию. Предметом оценки являются не оценочные суждения или мнения, но именно утверждения о фактах.

3) Определение соответствия распространенных сведений действительности.

Ключевым элементом предмета доказывания является установление ложности (несоответствия действительности) распространенных порочащих

сведений. Бремя доказывания их соответствия действительности лежит на ответчике (лице, распространившем информацию). Истцу необходимо подтвердить сам факт распространения и порочащий характер сведений.

4) Идентификация субъектов спорного правоотношения.

5) Определение способа и порядка опровержения.

Поскольку общим принципом является приведение последствий правонарушения в первоначальное положение, суд не только удовлетворяет исковое требование по делам указанной категории, но и определяет адекватный способ и порядок опровержения. Применительно к сети «Интернет» это влечет специфические требования: опровержение должно быть размещено в том же источнике (на той же странице, в том же сообществе, тем же аккаунтом), тем же шрифтом, на том же месте и быть доступным не меньшему кругу лиц. Суд может обязать ответчика удалить недостоверную информацию, разместить опровержение в виде отдельного поста или закрепить его в качестве комментария к исходной публикации на установленный срок.

Таким образом, предметная часть исследования дает представление о категориях рассматриваемых дел и обстоятельствах, подлежащих выяснению в ходе судопроизводства, где вопросы установления подсудности, идентификации нарушителя, представления, исследования и оценки доказательств, применения обеспечительных мер приобретают особую актуальность в условиях возникновения таких правоотношений в специфической среде сети «Интернет».

1.2. Субъектный состав дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет».

Рассматривая вопрос о правовом статусе того или иного субъекта гражданского процесса и его роли в процессе, стоит прежде всего учитывать характер и предмет возникших материальных правоотношений.

По мнению М.С. Шакарян, субъектом гражданских процессуальных правоотношений является лицо, занимающее в процессе по конкретному делу

определенное процессуальное положение³¹. Исходя из ранее обозначенного предмета и признаков дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», можно прийти к выводу, что следует учитывать как процессуальный статус субъекта, так и его статус, установленный нормами материального права. По нашему мнению, подобное соотношение можно трактовать как «форму» и «содержание».

Говоря о процессуальном статусе субъекта правоотношений, в цивилистическом процессе традиционно выделяют следующие три группы субъектов:

- 1) суд;
- 2) лица, участвующие в деле;
- 3) лица, содействующие осуществлению правосудия³².

Суд. Суд является обязательным субъектом цивилистического процесса. В соответствии с Конституцией РФ³³ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Рассматривая суд в качестве субъекта любых процессуальных правоотношений, стоит подчеркнуть, что правосудие осуществляется только судом, а любое вмешательство в деятельность суда по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой ответственность. В связи с этим суд является основным и обязательным субъектом процесса, вопрос участия которого не может обсуждаться.

Как было отмечено ранее, одним из признаков дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», является широкая судебная компетенция. В связи с тем, что в сети «Интернет» нарушаются права и

³¹ См.: Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М.: ВЮЗИ, 1970. – С. 31.

³² См.: Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Вкут. М.: Юристъ, 2004. – С. 57–58.

³³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 25.03.2026).

законные интересы физических лиц, в том числе их имущественные и неимущественные права, а также предметом процессуальных правоотношений, возникших в результате неправомерных действий лиц всемирной сети, являются экономические споры, указанные категории дел могут рассматриваться как в судах общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства, так и в арбитражных судах.

Суд руководит ходом процесса и направляет действия всех лиц, участвующих в деле. Именно суд, будучи наделенным властными полномочиями, выступает гарантом выполнения и осуществления сторонами их процессуальных прав и обязанностей, для чего он оценивает доказательства, выносит различного вида судебные постановления и прочее³⁴. Суд занимает весьма важное положение в правовой системе и, как отмечает В.В. Лазарев, является неким посредником в споре между государством и гражданским обществом³⁵. Данная мысль имеет большое значение, когда предметом спора являются правоотношения в сети «Интернет», так как в настоящее время остро стоит вопрос правового регламентирования возникающих в телекоммуникационных сетях социальных связей, действий пользователей, осуществления предпринимательской деятельности и т.д.

Действующая концепция построения гражданского судопроизводства на состязательных и диспозитивных началах предусматривает перенаправление активности суда к руководству процессом, повышение активности и инициативы самих спорящих сторон и третьих лиц в защите своих прав и интересов на суде, их ответственность за свои действия.

Анализируя мнение В.М. Жуйкова, предполагается, что диспозитивная роль суда состоит в том, чтобы «создать лицам, участвующим в деле,

³⁴ См.: Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. – С. 69.

³⁵ См.: Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. – 2014. – № 10 (214). – С. 17–30.

необходимые и равные процессуальные условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела»³⁶.

Суд наделен соответствующими основным принципам процессуальными правами и обязанностями. В частности, суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, а в случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств (ст. 57 ГПК РФ). Обязательства суда вытекают из установленной процессуальной формы и заключаются в осуществлении действий, направленных на надлежащее исполнение процессуальным норм. К примеру, судья обязан в установленных законодательством случаях и срок принять исковое (или иное) заявление к своему производству.

Как отмечает Н.В. Ченцов, судебная власть осуществляет по меньшей мере две функции: функцию осуществления правосудия и функцию судебно-конституционного контроля³⁷. Вместе с тем, по нашему мнению, основная функция суда заключается в управлении ходом процесса, в действиях, направленных на соблюдение правомерности и развитие процесса правосудия, а также осуществление правоприменительной деятельности, правильной реализации норм процессуального и материального права. Полагаем, что в настоящее время судебно-конституционный контроль имеет лишь опосредованное отношения к гражданскому судопроизводству, так как при сомнениях относительно соответствия закона, подлежащего применению при рассмотрении гражданского дела, Конституции Российской Федерации, судья обязан приостановить производство по гражданскому делу и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом.

³⁶ См.: Жуйков В.М. Проблемы гражданского процессуального права. М.: Городец-издат, 2001. – С. 118.

³⁷ См.: Ченцов Н.В. Реализация судебной власти при отправлении правосудия по гражданским делам // Проблемы административного судопроизводства: материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 19 апреля 2017 г. / Тверской государственный университет, Юридический факультет. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – С. 124.

Стоит отметить, что понятия «суд» и «судьи» не являются полностью равнозначными. Судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа (ч. 1 ст. 1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-І «О статусе судей в Российской Федерации»³⁸; ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³⁹).

Вместе с тем, как отмечает Е.И. Холодова, суд в русском языке толкуется расширительно, включая как учреждение, так и полномочие одновременно⁴⁰. Тождественность указанных понятий подтверждается также тем фактом, что нормы, установленные ГПК РФ, и регулирующие деятельность суда, с точки зрения буквального семантического толкования не должны распространяться на деятельность мировых судей, хотя в действительности они на них распространяются.

С другой стороны, процессуальный закон в разграничении понятий «суд» и «судья» акцентирует внимание на судье как личности, обладающим своим мнением и позицией касательно рассматриваемого дела. К примеру, судьи подлежат отводу в случае их заинтересованности в исходе дела и иных предусмотренных законом случаях.

Лица, участвующие в деле. ГПК РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ⁴¹ (далее – АПК РФ) содержат схожие положения касательно лиц, участвующих в деле, но с небольшими отличиями, которые исходят из основных целей, задач и принципов судопроизводства.

³⁸ См.: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-І «О статусе судей в Российской Федерации» // Рос. газета. – 1992. – 29 июля.

³⁹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – ст. 1.

⁴⁰ См.: Холодова Е.И. К вопросу о соотношении понятий «суд», «мировые судьи» и «мировая юстиция» // Международное и отечественное право : сб. науч. статей по итогам VI Севастопольского юрид. форума (Севастополь, 22–23 сентября 2023 г.). Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. – С. 24.

⁴¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 30, ст. 3012.

Согласно ст. 34 ГПК РФ лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства.

В соответствии со ст. 40 АПК РФ лицами, участвующими в деле, признаются: стороны; третьи лица; заявители и заинтересованные лица - по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных предусмотренных АПК РФ случаях; прокурор; органы местного самоуправления; иные органы и организации; граждане, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных АПК РФ.

В обоих видах судопроизводства обязательными субъектами процессуальных правоотношений при рассмотрении дел в порядке искового производства будут являться стороны (истец и ответчик). Как отмечает Е. В. Михайлова, сторона в процессе – это не конкретное физическое или юридическое лицо, а категория, статус, роль, представлять которую может численно неограниченный круг физических и юридических лиц⁴².

Истец – это лицо, в защиту прав и законных интересов которого возбуждено гражданское судопроизводство; ответчик – лицо, привлекаемое судом к ответу по требованию, заявленному истцом⁴³.

Как отмечает М.Ю. Лебедев, понятие стороны в гражданском судопроизводстве отличается от понятия стороны в материальном правоотношении. До вступления вынесенного судебного решения в законную силу стороны гражданского судопроизводства являются не действительными, а предположительными субъектами спорного материального правоотношения⁴⁴.

⁴² См.: Михайлова Е.В. Правовой статус сторон в гражданском процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. – С. 7.

⁴³ Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. – С. 51.

⁴⁴ Там же.

Раскрывая понятие сторон по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», стоит упомянуть, что каждое лицо в процессе имеет свой особый правовой статус в материальных правоотношениях, которые стали предметом судебного разбирательства. При этом указанный материально-правовой статус субъекта, преимущественно сторон, имеет большое значение в процессе, о чем будет также сказано далее.

Высокая степень участия субъектов в гражданско-правовых отношениях, осложненных цифровым элементом, превращает недобросовестное поведение в сети из частноправового деликта в фактор, способный оказывать негативное влияние на состояние защищенности широкого круга лиц. В связи с этим целесообразно рассмотреть участие прокурора в рассматриваемом круге дел.

Деятельность прокурора в сфере регулирования отношений, возникающих при неправомерном использовании сети Интернет, приобретает все большую значимость в условиях глобализации и цифровизации общества. Участие прокурора в таких делах включает несколько обозначенных нами ранее категорий, что обусловлено его основной функцией – защитой прав и свобод граждан, а также поддержанием законности и правопорядка.

По мнению Г.И. Залюковой, можно выделить следующие три основные функции прокурора, определяющие сущность деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве: правозащитная, правообеспечительная и законоохранительная⁴⁵.

При изучении условий участия прокурора в гражданском судопроизводстве выделяют правовые основания участия и фактические основания.

– правовые основания, т.е. норму закона, предусматривающую случаи, при которых прокурор может или должен вступить в гражданский процесс;

⁴⁵ См.: Залюкова Г.И. Унификация участия прокурора в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. – С. 12.

– фактические основания, т.е. фактические обстоятельства, обладающие характеристиками, указанными в норме закона, и позволяющие прокурору применить эту норму и вступить в гражданский процесс⁴⁶.

Ст. 45 ГПК РФ предусмотрено, что прокурор при самостоятельном обращении в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Вместе с тем, прокурор в определенных законом случаях вступает в процесс для дачи заключения по делу.

Согласно ст. 52 АПК РФ прокурор также при самостоятельном обращении в суд имеет права и обязанности истца. При этом прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. Как замечают Ю.А. Свирин и Н.В. Филиппов, прокурор вступает в арбитражный процесс и является лицом, участвующим в деле, однако в законе не закрепляется его обязанность дать заключение по делу, что детерминирует правовую неопределенность правового статуса прокурора в арбитражном процессе⁴⁷.

Более того, анализируя указанные правовые нормы, встает вопрос о правовом статусе прокурора как лица, участвующего в деле. А.Л. Иванов считает, что «прокурор имеет процессуальную заинтересованность в исходе дела, так как он отстаивает свою точку зрения на протяжении процесса. Также, наличие ответчиков подразумевает наличие истца, чье место и занимает

⁴⁶ См.: Иванов А.Л. Об основаниях участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2009. – № 2 (32). – С. 41.

⁴⁷ См.: Свирин Ю. А., Филиппов Н. В. Усиление роли прокуратуры и ограничение принципа независимости судебной власти // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 4(67). – С.52.

прокурор»⁴⁸. М.С. Шакарян, напротив, утверждала, что прокурор, участвуя в исковом производстве, пользуется процессуальными правами и обязанностями истца за некоторыми исключениями, но он не имеет юридическую заинтересованность и не может ее иметь⁴⁹.

По нашему мнению, процессуальный статус прокурора не сводится к статусу истца. Его заинтересованность носит публично-правовой характер и не затрагивает его личные права, что позволяет считать прокурора самостоятельным участником процесса.

Наиболее частой формой участия прокурора в процессе по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», является его обращение в суд в интересах неопределенного круга лиц о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной на территории Российской Федерации.

Так, Первомайский районный суд г. Ростова-на-Дону Ростовской области в 2017 г. удовлетворил заявление прокурора о признании запрещенной к распространению информации на сайте в сети «Интернет», на котором предлагалось купить копии часов Armani, нарушая права правообладателя товарного знака⁵⁰.

По нашему мнению, в особенных условиях, присущих распространению информации в сети «Интернет», прокурор является важным субъектом при рассмотрении дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет». Сеть «Интернет», представляя из себя некую «информационную воронку», содержит информацию, которая потенциально может нарушать права как большой определяемой группы лиц, так и граждан Российской Федерации в целом. Именно прокурор, реализуя свои основные функции, имеет право

⁴⁸ См.: Иванов А.Л. Прокурор как лицо, участвующее в деле в российском гражданском судопроизводстве: проблемы определения правового статуса // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 84–87.

⁴⁹ См.: Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право России. М., 2012. – С. 134.

⁵⁰ См.: Решение Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 27.11.2017 по делу № 2-3794/2017. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

обратиться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц, в связи с чем ценность его участия при рассмотрении дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», трудно переоценить.

Лица, содействующие осуществлению правосудия. Список лиц, содействующих осуществлению правосудия, достаточно широк и является дискуссионным среди ученых. Так, по мнению В.В. Яркова лицами, содействующими осуществлению правосудия, являются свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые и другие лица, которые «...привлекаются в гражданский процесс по инициативе суда или лиц, участвующих в деле, для выполнения обязанностей по сообщению доказательственной информации, по осуществлению иных обязанностей в гражданском процессе, необходимых для успешного разрешения спора и выполнения судом своих функций»⁵¹. Как можно заметить, этот список не является исчерпывающим, и в учебной литературе указывается, что лицами, содействующими осуществлению правосудия, также являются судебные представители и судебные приставы⁵².

Вместе с тем, статус судебного представителя остается дискуссионным, так как ГПК РФ не относит его к какой-либо из категорий субъектов процесса. Касательно представительства в суде ГПК РФ содержит отдельную главу, что говорит нам о том, что институт представительства в целом рассматривается обособленно от остальных субъектов гражданских процессуальных правоотношений. Во всяком случае, судебный представитель занимает определенное процессуальное положение, в связи с чем утверждать, что он не является субъектом процесса, попросту нельзя.

Обращаясь к ст. 54 ГПК РФ, следует отметить, что представитель вправе совершать все процессуальные действия от имени представляемого, то есть он имеет все права, предусмотренные ст. 35 ГПК РФ. Исключение в данном случае

⁵¹ См.: Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2017. – С. 72

⁵² См.: Гражданское процессуальное право России / Н. Д. Эриашвили, Л. В. Туманова, П. В. Алексий. 5-е изд. М.: Юнити-Дана, 2015. – С. 48.

составляет право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег, что в свою очередь должно быть оговорено в доверенности. Наличие у представителя полномочий сторон косвенно позволяет предположить, что он является лицом, участвующим в деле. Также представитель имеет процессуальную заинтересованность в деле – аргумент о том, что он не лицо, содействующее осуществлению правосудия⁵³.

Так, по мнению Л.В. Тумановой, И.М. Ильинской, Л.Ф. Лесницкой, А.А. Мельникова, С.А. Халатова, В.М. Шерстюка, Е.А. Трещевой и др., представитель относится к лицам, участвующим в деле⁵⁴.

С другой стороны представитель не выступает лицом процессуально независимым, то есть не имеет каких-либо полномочий на совершение процессуальных действий в отсутствие дозволения другого лица. В свою очередь мнение о том, что представитель – это лицо, содействующее осуществлению

⁵³ См.: Брежнева Н.А., Тулина Н.М. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III междунар. науч. конф. (Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. – С. 77–79.

⁵⁴ См.: Туманова Л.В. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений: традиции и новации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – № 3 (39). – С. 56; Ильинская И. М. Судебное представительство в гражданском процессе. М.: Юрид. лит., 1964. – С. 14; Мельников А. А. Курс советского гражданского процессуального права. Теоретические основы правосудия по гражданским делам: в 2 т. / отв. ред. А. А. Мельников. М.: Наука, 1981 Т. 1. – С. 212, 301–305; Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. – С. 56–67, 122–128; Шерстюк В. М. Судебное представительство по гражданским делам. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 5–23, 38–53; Трещева Е. А. Субъекты арбитражного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. – С. 10.

правосудия, придерживаются следующие ученые: Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Н.В. Ласкина, И.В. Решетникова, М.С. Шакарян⁵⁵.

Вместе с тем, исходя из норм ГПК РФ, а также мнения С.Н. Федуловой, считаем, что представителя не следует относить к какой-либо группе вышеуказанных лиц, а рассматривать его в качестве самостоятельного субъекта процессуальных правоотношений⁵⁶.

Рассматривая деликтные правоотношения в сети «Интернет», наибольший интерес с точки зрения предмета исследования представляют эксперт и специалист. Установить обстоятельства дела в такой сложной системе, не имеющей физической топологии, как Интернет, достаточно затруднительно как для суда, так и лиц, участвующих в деле.

В цивилистическом процессе эксперт и специалист помогают суду установить обстоятельства дела, когда указанные обстоятельства содержат круг вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла. А.А. Мохов определяет эксперта и специалиста как сведущих лиц, то есть лиц, обладающих специальными знаниями и навыками, не заинтересованных в исходе дела и не являющихся лицами, участвующими в деле, привлекаемые в установленном законом порядке в гражданское судопроизводство с целью содействия в разрешении дела и выполнения отдельных процессуальных действий⁵⁷.

⁵⁵ См.: Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. М.: Статут, 2010. С. – 78; Ласкина Н. В. Судебные представители – лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? // Современное право. 2010. № 3. – С. 94–98.; Решетникова И. В. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2018. – С. 164.; Шакарян М. С. К вопросу о понятии и составе лиц, участвующих в гражданских делах // Труды ВЮЗИ. 1970. Т. 16 (ч. 2). – С. 181–182.

⁵⁶ См.: Федулова С.Н. Правовой статус представителя в гражданском процессе // Адвокатская практика. – 2013. – № 1. – С. 26–28; Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. – С. 8.

⁵⁷ См.: Мохов А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. – С. 56.

Экспертная деятельность в РФ регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁵⁸.

Статус эксперта определен статьями с 79 по 87 ГПК РФ и статьями с 82 по 89 АПК РФ. Правовой статус эксперта по разному раскрывается в указанных кодексах, в первом случае нормы, касающиеся эксперта, находятся в гл. 6 ГПК РФ «Доказательства и доказывание», в то время как в АПК РФ такие нормы находятся не только в главе о доказательствах, но и в гл. 5 «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса». Иными словами, эксперт в гражданском процессе, в отличие от арбитражного к участникам процесса прямо не отнесен. Тем не менее, ГПК РФ также как и АПК РФ содержит положения касательно прав и обязанностей эксперта в процессе.

При этом гражданский процесс предъявляет к эксперту более жесткие требования, отдавая приоритет обязанностям над правами. Как пример, ч. 2 ст. 85 ГПК РФ устанавливает для эксперта обязанность не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением суда, ее назначившего. АПК РФ такой обязанности для эксперта не содержит. Различия проявляются и в ситуации, когда поставленные перед экспертом вопросы выходят за рамки его специальных знаний, либо материалы и документы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения. ГПК РФ предусматривает в таком случае обязанность эксперта направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение, а АПК РФ предоставляет эксперту право отказаться от дачи заключения.

Особенность участия эксперта в процессе заключается в том, что он проводит специальное исследование, требующее от него особых знаний, и дает обоснованное и объективное заключение, имеющее доказательственное значение

⁵⁸ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – ст. 2291.

в процессе. Как отмечает Т.В. Сахнова, эксперт не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание судебного доказательства – заключение эксперта⁵⁹, которое нередко имеет решающее значение по делам исследуемой категории.

При этом в отличие от эксперта, статус специалиста по настоящее время остается неоднозначным. Роль специалиста в гражданском процессе описывает ст. 188 ГПК РФ. В ней сказано, что в необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества).

К тому же задача специалиста в судебном заседании состоит в оказании содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств. Согласно абзацу второму п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2008 №13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»⁶⁰ если из консультации специалиста следует, что имеются обстоятельства, требующие дополнительного исследования или оценки, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства либо ходатайствовать о назначении экспертизы. Стоит отметить, что специалист играет большую роль при исследовании заключения эксперта, так как в данном заключении зачастую отражены специальные знания, которыми судья не обладает и, следовательно, не может проверить полноту и обоснованность выводов без участия специалиста. Таким

⁵⁹ Сахнова Т.В. Доказательственное значение специальных познаний // эж-Юрист. – 2004. – № 21. – С. 4–5.

⁶⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 (ред. от 09.02.2012) «О применении норм ГПК РФ при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Рос. газета. – 2008. – 2 июля.

образом, специалист помогает суду исследовать доказательства, а также оказывает техническую помощь при рассмотрении дел, связанных с недобросовестным использованием сети «Интернет».

Исходя из смысла ч. 3 ст. 188 ГПК РФ и абзаца второго ч. 1 ст. 55 ГПК РФ консультация специалиста проводится без специальных исследований и не имеет доказательственного значения, что отличает ее от заключения эксперта. Напротив, в ч. 1 ст. 157 ГПК РФ говорится о том, что суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу, одними из которых являются консультации и пояснения специалиста. Так, А.Т. Боннер отмечал: «Если такие консультации специалиста содержат информацию, позволяющую суду установить те или иные факты, имеющие значение для разрешения дела, то следует признать их доказательственное значение»⁶¹. К тому же в соответствии с ч. 4 ст. 188 ГПК РФ в целях разъяснения и дополнения консультации специалисту могут быть заданы вопросы как лицами, участвующими в деле, так и судьей. По мнению Т.В. Сахновой алгоритм данной процедуры схож с алгоритмом допроса эксперта и общим алгоритмом исследования судебного доказательства, а значит, законодатель де-факто признает доказательственное значение консультации специалиста⁶². Вместе с тем, законодатель указывает в качестве главной цели участия специалиста в процессе не представление суду доказательств, а их исследование.

В гражданском процессуальном законодательстве нет норм, которые бы полностью описывали права и обязанности специалиста. Таким образом, это может вызвать проблемы при участии специалиста в процессе, так как на него возложено мало обязанностей и ограничений. Например, эксперт в соответствии с ч. 2 ст. 85 ГПК РФ не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела.

⁶¹ См.: Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2014. – С. 424.

⁶² См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 356.

О таком запрете для специалиста напрямую нигде не написано, что может повлиять на процесс доказывания.

Подводя итоги, можно сказать, что процессуальный статус специалиста неоднозначен. Его права и обязанности недостаточно подробно описаны, а консультация и пояснения напрямую не имеют доказательственного значения, хотя некоторые положения говорят об обратном. Таким образом, у суда могут возникать разногласия по поводу применения норм, касающихся консультации специалиста. Как отмечает О.В. Исаенкова, у суда сложилась практика, согласно которой консультацию специалиста использовать можно, но как источник доказывания не упоминать, выдавая за собственные умозаключения суда⁶³.

Возвращаясь к вопросу определения материально-правового статуса субъектов дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», будет верным решением классифицировать субъекты в зависимости от рассматриваемого предмета правоотношений. Исходя из ранее данного предмета исследования и категоризации дел, субъекты можно рассматривать с точки зрения двух разных сторон: 1) как субъекты правоотношений по ранее выделенным категориям дел; 2) как специальные субъекты деликтных правоотношений в сети «Интернет».

Исследуя материально-правовой статус субъектов в рамках выделенных категорий деликтных правоотношений в сети «Интернет», необходимо констатировать их существенную дифференциацию, обусловленную спецификой охраняемого законом блага и характером нарушения.

Данная неоднородность предопределяет сложность выработки универсального подхода к определению прав и обязанностей участников таких правоотношений. В этой связи представляется методологически верным проанализировать статус субъектов применительно к каждой категории дел.

Субъекты дел, связанных с нарушением прав субъектов персональных данных.

⁶³ См.: Исаенкова О.В. Нерешенные вопросы доказательств / [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

Круг субъектов дел, возникающих вследствие нарушения прав субъектов персональных данных в сети «Интернет», характеризуется строгой биполярностью.

Исходя из норм, приведенных в ФЗ «О персональных данных», можно выделить два основных субъекта рассматриваемых правоотношений: субъект персональных данных и оператор персональных данных.

При этом в законе отсутствует четкое понятие субъекта персональных данных. Однако, исходя из положений п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных», а также мнения М.И. Проскуряковой, субъектами персональных данных являются только физические лица⁶⁴. Остается дискуссионным определение момента, с которого физическое лицо приобретает правовой статус субъекта персональных данных. С одной стороны, правосубъектность в данной сфере возникает у индивида не с момента формальной идентификации, а с юридического факта, порождающего правовые основания для осуществления обработки его персональных данных. С другой стороны, сама природа отношений, связанных с оборотом персональных данных, которая характеризуется, в частности, непрерывным процессом обмена сведениями в цифровом пространстве и существованием глобальных массивов информации, свидетельствуют о том, что в современных условиях практически любой индивид *de facto* уже обладает статусом субъекта персональных данных.

Вместе с этим ФЗ «О персональных данных» дает четкое определение оператора персональных данных, согласно которому оператор – это государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными.

⁶⁴ См.: Проскурякова М.И. Персональные данные: российская и германская национальные модели конституционно-правовой защиты в сравнительной перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 84–98.

Права субъекта персональных данных могут быть нарушены не только по причине нарушения правил обработки персональных данных, но и вследствие их «утечки», когда оператор персональных данных предпринимал все меры касавшие правил их обработки. При этом исходя из норм действующего законодательства о персональных данных можно прийти к выводу, что все правоотношения в сфере персональных данных действуют по формуле «нарушение прав субъекта персональных данных» = «ответственность оператора персональных данных», исключая ответственность лиц, не осуществляющих напрямую обработку ПД.

По нашему мнению, в случаях неправомерных действий лиц в сети «Интернет», направленных на «кражу» персональных данных, к примеру с помощью неправомерного доступа к компьютерной информации, оператор персональных данных не может нести ответственность вследствие отсутствия вины.

Анализ судебной практики показывает крайне низкий стандарт доказывания по данным делам. Формула, заложенная в основу большинства судебных решений, заключается в следующем: сам факт утечки персональных данных является обработкой персональных данных в не предусмотренных законом случаях, что образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ⁶⁵ (далее – КоАП РФ).

Юридическое лицо должно нести ответственность за недостаточные меры по защите персональных данных, на практике же оно несет ответственность за сам факт их утечки.

Такой подход приводит к объективному вменению, то есть привлечению юридического лица к ответственности без установления вины.

Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если у него имелась возможность для

⁶⁵ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026). // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – ст. 1.

соблюдения правил и норм, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

Вышесказанное актуально и в рамках рассмотрения дел в порядке гражданского судопроизводства.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции в своем определении от 03 июля 2024 г. по делу № 8Г-12573/2024⁶⁶ установила, что на оператора персональных данных возложена обязанность по обеспечению конфиденциальности собираемых и обрабатываемых им персональных данных, а сам факт утечки персональных данных пользователей сервиса является нарушением правил обработки персональных данных.

Субъекты дел, вытекающих из нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет».

Действующий ГК РФ провозглашает в качестве носителя правомочия на защиту любое лицо, чье субъективное гражданское право было нарушено. Однако сфера защиты интеллектуальных прав имеет особый субъектный состав. Согласно ч. 2 ст. 1250 ГК РФ способы защиты интеллектуальных прав могут применяться по требованию правообладателей, организаций по управлению правами на коллективной основе, а также иных лиц в случаях, установленных законом. Таким образом, правом на обращение в суд с требованием о возмещении вреда вследствие нарушения интеллектуальных прав, имеют только специальный круг субъектов, при этом расширительное толкование перечня субъектов не допускается.

Интерес вызывает такой субъект как организация по управлению правами на коллективной основе. В соответствии со ст. 1242 ГК РФ авторы, исполнители, изготовители фонограмм и иные обладатели авторских и смежных прав в случаях, когда осуществление их прав в индивидуальном порядке затруднено

⁶⁶ См.: Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2024 по делу № 8Г-12573/2024[88-14058/2024]. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

или когда ГК РФ допускается использование объектов авторских и смежных прав без согласия обладателей соответствующих прав, но с выплатой им вознаграждения, могут создавать основанные на членстве некоммерческие организации, на которые в соответствии с полномочиями, предоставленными им правообладателями, возлагается управление соответствующими правами на коллективной основе.

Таким образом, субъектный состав дел, вытекающих из нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет», характеризуется ограниченностью круга лиц, имеющих право на судебную защиту. Материально-правовой статус таких лиц зависит от вида охраняемой интеллектуальной собственности. К примеру, ГК РФ выделяет переводчика как автора перевода, либо иной переработки другого (оригинального) произведения.

Субъекты дел, возникающих вследствие распространения ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции в сети «Интернет».

Данная категория дел имеет достаточно широкий перечень субъектов правоотношений.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»⁶⁷ (далее – ФЗ «О рекламе») можно выделить следующие субъекты:

- 1) рекламодатель – изготовитель или продавец товара либо иное определившее объект рекламирования и (или) содержание рекламы лицо;
- 2) рекламопроизводитель – лицо, осуществляющее полностью или частично приведение информации в готовую для распространения в виде рекламы форму;
- 3) рекламораспространитель – лицо, осуществляющее распространение рекламы любым способом, в любой форме и с использованием любых средств;
- 4) потребители рекламы – лица, на привлечение внимания которых к объекту рекламирования направлена реклама.

⁶⁷ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О рекламе» // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – ст. 1232.

Также ФЗ «О рекламе» содержит такие субъекты как спонсор, антимонопольный орган, оператор рекламной системы.

Важно отметить, что центральное место среди субъектов рассматриваемой категории дел занимают хозяйствующие субъекты. Легальное определение хозяйствующего субъекта содержится в ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», согласно которой хозяйствующий субъект – коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но применяющее специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» либо осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

Законодатель не установил исчерпывающий перечень лиц, относящихся к хозяйствующим субъектам, оставив его открытым. Вместе с тем необходимо отметить, что ключевым критерием для признания лица хозяйствующим субъектом выступает осуществление им предпринимательской деятельности⁶⁸.

Субъекты дел об опровержении информации в сети «Интернет», содержащей порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения.

В соответствии со ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

⁶⁸ Богданова Е.А., Сорокина Г.А., Старцева С.В. Хозяйствующий субъект в конкурентном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4-2 (103). – С. 218.

Субъектом по указанной категории споров может быть любой участник гражданских правоотношений. Как отмечает Е.М. Кобзаренко, дела о распространении диффамационных сведений обладают полисубъектностью, то есть множественностью лиц, участвующих в деле⁶⁹.

Следует отметить, что категории чести и достоинства могут относиться исключительно к гражданам, то есть физическим лицам, в то время как деловая репутация связана с осуществлением предпринимательской деятельности и относится как к гражданам, так и юридическим лицам.

Характерной чертой деликтных правоотношений, возникающих в сети «Интернет», является наличие «специального» субъектного состава. Данная особенность свойственна для всех вышеобозначенных категорий дел.

Для определения перечня «специальных» субъектов деликтных правоотношений в сети «Интернет» следует обратиться к ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Так, ст. 2 вышеуказанного Федерального закона перечисляет нам следующие субъекты:

- обладатель информации – лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам;
- владелец сайта в сети «Интернет» – лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети «Интернет», в том числе порядок размещения информации на таком сайте;
- провайдер хостинга – лицо, осуществляющее деятельность по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет»;
- оператор информационной системы – гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

⁶⁹ Кобзаренко Е.М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. – С. 10.

В частности, законодатель рассматривает фигуру информационного посредника. Исходя из положений ст. 1253.1 ГК РФ информационного посредника можно определить как лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет»; лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети; лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Положения гражданского законодательства не содержат четкого перечня лиц, относящихся к той или иной категории информационного посредничества, в связи с чем возникает вопрос о применении вышеуказанной нормы права к определенному субъекту.

По мнению Л.К. Терещенко и О.И. Тиунова, к первой группе информационных посредников (то есть к лицам, осуществляющим передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет») можно отнести операторов связи, операторов информационной системы; представителями второй группы информационных посредников (лицами, предоставляющими возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети) являются владельцы сайтов, регистраторов и администраторов доменного имени; наконец, к третьей группе информационных посредников (к лицам, предоставляющим возможность доступа к материалу в этой сети) относятся провайдеры хостинга⁷⁰.

А.И. Савельев предлагает свое видение системы информационных посредников. Примерами информационных посредников первой группы являются операторы связи, оказывающие телематические услуги по предоставлению доступа к сети Интернет, коммуникационные интернет-

⁷⁰ См.: Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6. – С. 47-50.

сервисы, в том числе, социальные сети. Ко второй группе относится провайдер хостинга, а к третьей – торрент-трекеры, поисковые сервисы, сайты в сети Интернет, на которых размещаются гиперссылки на противоправный контент, сервисы контекстной рекламы⁷¹.

Единство в решении вопроса о принадлежности того или иного лица к категории информационных посредников отсутствует и в судебной практике. Как пример, Тринадцатый арбитражный суд определил, что владелец сайта, являющийся в том числе администратором доменного имени, является информационным посредником⁷².

В другом деле суд не признал администратора домена информационным посредником, «поскольку фактическое использование ресурсов сайта невозможно без участия в той или иной форме администратора домена, являющегося лицом, создавшим соответствующие технические условия для посетителей своего Интернет-ресурса владелец домена несет ответственность за содержание размещенной на соответствующем сайте информации»⁷³.

Между тем, рассматриваемые нормы права не претендуют на исчерпывающую регламентацию всего спектра субъектов, действующих в цифровом пространстве. Их предписания ориентированы на фиксацию базовых, наиболее значимых с точки зрения законодателя участников правоотношений, в то время как иные потенциальные субъекты остаются за пределами прямого нормативного определения.

Ранее исследователи уже предлагали свою классификацию субъектов правоотношений в сети «Интернет». Так, например, А.К. Жарова приводит следующий вариант: государство как отдельный субъект правоотношений;

⁷¹ См.: Савельев А.И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. – 2015. – № 11. – С. 48–49.

⁷² См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2025 № 13АП-26469/25 по делу № А56-44190/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

⁷³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.11.2016 № С01–959/2016 по делу № А49–121/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

юридические лица (операторы связи (технологий), операторы информации, получатели услуг); физические лица (автор, обладатель информации или информационного ресурса, поставщики содержания информации, конечные пользователи – граждане)⁷⁴.

Указанная систематизация обладает существенным методологическим изъяном, поскольку не учитывает функционально-правовой статус субъектов. Применение данного подхода к гражданско-правовым отношениям является проблематичным ввиду некорректного включения в единый классификационный ряд разнородных субъектов. Правосубъектность государства в данном контексте имеет принципиально иную природу – не частноправовую, а публично-властную. Государство реализует функции регулятора и юрисдикционного органа, что исключает его из числа непосредственных участников спорных материальных правоотношений, являющихся объектом судебного разбирательства.

По нашему мнению, весь субъектный состав правоотношений в сети «Интернет» можно разделить на следующие категории:

- владельцы информации в сети «Интернет»;
- поставщики и модераторы информации в сети «Интернет»;
- потребители информации в сети «Интернет».

К первой группе субъектов можно определить неограниченное количество лиц, включая как владельцев сайтов, так и простых пользователей, непосредственно разместивших информацию в сети. Именно эта группа субъектов формирует правоотношение на основе размещенной в сети информации. При этом их правовой статус и ответственность напрямую зависят от характера размещенной информации (диффамационная, нарушающая интеллектуальные права, недостоверная и т.д.).

В процессуальной плоскости владельцы информации в сети «Интернет» выступают в качестве ответчика, поскольку указанная группа субъектов является

⁷⁴ См.: Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // Бизнес-информатика. – 2011. – № 3 (17). – С. 61.

непосредственным создателем или инициатором распространения информации, то есть совершает действия, которые формируют фактический состав потенциального правонарушения.

Ко второй группе – поставщикам и модераторам информации – следует относить лиц, обеспечивающих техническую возможность размещения, хранения, распространения и модерации информации. К ним относятся хостинг-провайдеры, владельцы социальных сетей, платформ для блогов, форумов и иные информационные посредники. Их правовой статус в значительной степени определяется ст. 1253.1 ГК РФ («Особенности ответственности информационного посредника»), а также ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Деятельность данной категории субъектов порождает одну из самых дискуссионных проблем в контексте недобросовестного использования сети «Интернет» – вопрос об их обязанности пресекать нарушения и о пределах их гражданско-правовой ответственности. В частности, судебная практика вырабатывает критерии, при которых информационный посредник может быть привлечен к ответственности за действия пользователей (уведомление о нарушении, заведомое знание о незаконности контента, непринятие мер к его удалению).

Также как и первая группа субъектов, поставщики и модераторы информации, с точки зрения распределения процессуальных ролей, будут иметь статус ответчика в процессе.

Третью группу составляют потребители информации – неограниченный круг лиц, которые получают доступ к информации в сети «Интернет». Их правовой статус характеризуется пассивной ролью в создании контента, однако они могут выступать в гражданском процессе в качестве истцов, чьи права (например, на доброе имя, на изображение, на неприкосновенность частной жизни) были нарушены в результате распространения недобросовестной информации. Кроме того, в определенных ситуациях (например, при репосте, комментировании) потребитель может трансформироваться во владельца информации, порождая для себя соответствующие риски ответственности.

Предложенное разграничение субъектов на три категории, безусловно, является доктринальной моделью, призванной структурировать многообразие участников цифровых коммуникаций. Однако важно понимать, что в реальном гражданском обороте одно и то же лицо может совмещать в себе несколько ролей одновременно или переходить из одной категории в другую в зависимости от конкретного действия (юридического факта).

Наиболее ярким примером такой множественности правовых статусов является владелец сайта (или платформы). В зависимости от осуществляемых им функций и технической роли в конкретный момент времени его можно отнести сразу к нескольким группам субъектов. В частности, владельца сайта можно отнести к поставщикам и модераторам информации в случаях, когда он обеспечивает техническую инфраструктуру, хранение данных, доступ к сайту третьих лиц и осуществляет модерацию пользовательского контента. В ином случае владелец сайта будет являться владельцем информации, когда он самостоятельно наполняет сайт контентом (текстами, изображениями, видеозаписями), размещая информацию от своего имени и по своей воле.

Данный подход в определении субъектного состава рассматриваемых правоотношений создает методологическую основу для дальнейшего выделения особенностей рассмотрения дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет» на каждой стадии судопроизводства.

Проведенный анализ субъектного состава дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», позволяет сделать ряд основополагающих выводов.

Во-первых, специфика данных дел обуславливает необходимость комплексного учета процессуального и материально-правового статусов участников, что нами интерпретируется как единство «формы» и «содержания». Традиционная процессуальная триада субъектов (суд, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие правосудию) при рассмотрении интернет-споров наполняется особым содержанием, требующим от суда применения специальных знаний и активной роли в управлении процессом доказывания.

Во-вторых, материально-правовой статус субъектов характеризуется значительной дифференциацией и наличием специальных субъектов, чей круг и ответственность определяются конкретной категорией деликта (нарушение интеллектуальных прав, нарушение прав субъектов персональных данных, недобросовестная конкуренция и т.д.).

В-третьих, в качестве методологической основы для цивилистического исследования была предложена и обоснована трехуровневая классификация субъектов правоотношений в сети «Интернет»: владельцы информации; поставщики и модераторы информации (информационные посредники); потребители информации.

Данная классификация, в отличие от смешивающей частноправовые и публично-правовые начала, позволяет четко определить функциональную роль каждого участника и выявить специфические гражданско-процессуальные проблемы, связанные с каждой категорией: для владельцев информации – это проблема их идентификации; для поставщиков и модераторов – проблема объема обязанностей и вторичной ответственности; для потребителей – проблема эффективной защиты их нарушенных прав.

Таким образом, предложенный подход создает системное представление о субъектах деликтных правоотношений в цифровой среде, что является необходимой теоретической предпосылкой для последующего выявления и анализа особенностей гражданского судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», на всех его стадиях – от возбуждения производства по делу до судебного разбирательства, завершающегося вынесением итогового судебного решения.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПОСТАДИЙНОГО ДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

2.1 Стадия возбуждения гражданского судопроизводства по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»

Выявление процессуальных особенностей рассмотрения дел, связанных с недобросовестным использованием сети «Интернет», требует предварительного формирования методологического инструментария для их идентификации и анализа.

По мнению В.М. Шерстюка, изучение процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел может осуществляться по двум направлениям: через исследование соотношения общих процессуальных норм, закрепленных в ГПК РФ, и специальных процессуальных норм, включенных в непроцессуальные нормативные акты; посредством анализа подлежащих применению норм материального права с целью правильного решения основных вопросов процессуального права по каждому конкретному гражданскому делу⁷⁵.

Следовательно, структура процессуальных особенностей дел о недобросовестном использовании сети «Интернет», сгруппированных в ранее представленной нами классификации, может быть раскрыта при комбинации двух методических ориентиров: во-первых, посредством выявления универсальных процессуальных характеристик, общих для всей совокупности таких дел, и, во-вторых, через определение специфики судопроизводства по отдельным их категориям.

⁷⁵ См.: Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / под ред. И.К. Пискарева. М.: Городец, 2005 (автор главы – В.М. Шерстюк). // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К тому же, важнейшей задачей является поэтапное установление и четкая фиксация для каждой стадии судопроизводства спектра процессуальных вопросов, определенных действующим порядком рассмотрения дела, что позволит выявить процессуальные особенности для каждой отдельной стадии процесса.

Исходя из смысла правовых норм, декларированных в ст. 4. 5, 133 ГПК РФ, а также ст. 127 АПК РФ, первой стадией цивилистического процесса является возбуждение производства по гражданскому делу.

Под возбуждением производства по гражданскому делу (возбуждением гражданского судопроизводства) понимается гражданский процессуальный институт, представляющий собой совокупность гражданских процессуальных норм, регламентирующих судебную деятельность по принятию решения о возникновении гражданского процесса⁷⁶.

Исходя из мнения Н.И. Ивуть, целью стадии возбуждения гражданского судопроизводства является реализация права на обращение в суд за судебной защитой, а также обеспечение последующего правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел⁷⁷.

Правовые последствия возбуждения гражданского судопроизводства делятся на процессуальные и материально-правовые. Процессуальное последствие принятия заявления судом – это возникновение между ним и сторонами совокупности процессуальных правоотношений, в рамках которых осуществляется производство по конкретному делу. Материально-правовые последствия данного действия включают в себя прерывание течения сроков исковой давности⁷⁸.

⁷⁶ См.: Новицкий В.А. Возбуждение гражданского дела в суде / В.А. Новицкий, Л.Ю. Новицкая // Гражданский процесс: учебник. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 321.

⁷⁷ См.: Ивуть Н.И. Возбуждение гражданского дела в суде первой инстанции: понятие и сущность // Управление в социальных и экономических системах. – 2015. – № 24. – С. 148.

⁷⁸ См.: Саенко Л.В., Щербакова Л.Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. – С. 235.

Для определения круга исследуемых вопросов на указанной стадии необходимо, в частности, установить момент, с которого начинается стадия возбуждения гражданского судопроизводства. Как отмечал М.К. Треушников, в гражданском процессе возбуждение искового производства является результатом двух процессуальных действий: обращение заинтересованного лица и принятие судьей поданного заявления⁷⁹. По нашему мнению, судопроизводство не ограничено только действиями суда в отношении подлежащего рассмотрению дела, а включает в себя также активные действия заинтересованных лиц, включая составление искового заявления. Также стоит обратить внимание на обязательный досудебный порядок урегулирования спора по отдельным категориям гражданских дел (п. 3 ст. 132 ГПК РФ, ч. 5 ст. 4 АПК РФ), в отсутствие соблюдения которого у суда есть основания для возвращения искового заявления. В связи с вышесказанным, можно сделать вывод о том, что стадия возбуждения судопроизводства начинается с момента возникновения у истца субъективного права и активных действий с его стороны.

Таким образом, на стадии возбуждения судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», ключевое значение приобретает следующий комплекс процессуальных проблем и задач:

- 1) установление компетенции органа, полномочного рассматривать дело, а также подсудности данного дела;
- 2) определение надлежащего ответчика в судопроизводстве (на указанной стадии ответчика определяет сам истец, а на последующих суд проверяет правильность такого определения);
- 3) анализ наличия предпосылок права на предъявление иска и отсутствия препятствующих этому обстоятельств.

Как говорилось ранее, одним из признаков дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», является смешанная процессуальная компетенция при рассмотрении таких споров. Многообразие

⁷⁹ См.: Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. – С. 218.

современных правовых отношений, определяемое спецификой их содержания и субъектного состава, предполагает необходимость развитой системы мер правового воздействия, в том числе совокупности юрисдикционных органов, наделенных полномочиями по разрешению правовых споров⁸⁰. Правильный выбор компетентного органа имеет важное значение, поскольку ошибочное обращение в суд влечет возвращение искового заявления, что в свою очередь может затянуть процесс или повлечь нарушение сроков исковой давности.

Так как предметом исследования выступают дела, возникающие из деликтных правоотношений в сети «Интернет», компетентный орган по рассмотрению таких споров варьируется: они могут быть отнесены как к компетенции судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов.

Критерием разграничения является характер спора и статус его участников. Так, споры о распространении ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции в сети «Интернет», в силу их экономической природы и связи с предпринимательской деятельностью сторон, преимущественно отнесены к компетенции арбитражных судов. Данный вывод подтверждается и тем, что участниками соответствующих правоотношений в силу ФЗ «О защите конкуренции» являются хозяйствующие субъекты.

Напротив, к компетенции судов общей юрисдикции в основном будут относиться споры о нарушении прав субъектов персональных данных и об опровержении информации в сети «Интернет», содержащей порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения. В основе указанных споров лежит нарушение личных неимущественных прав и нематериальных благ, не сопряженное с осуществлением предпринимательской деятельности и извлечением прибыли. В то же время применительно к спорам о защите деловой репутации прослеживается разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, критерии которого раскрыты в

⁸⁰ См.: Потапенко Е.Г. Механизм определения компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2026. – № 1(168). – С. 139

Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»⁸¹. Так. Согласно п. 3 указанного постановления дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности относятся к компетенции арбитражных судов. Если сторонами спора о защите деловой репутации будут юридические лица или индивидуальные предприниматели в иной сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, то такой спор будет относиться к суду общей юрисдикции.

Споры о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет» подлежат рассмотрению в равной степени как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, в зависимости от субъектного состава участников и характера спорного правоотношения. Компетенция судов по делам, возникающим вследствие нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет», во многом поясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁸². Споры о защите интеллектуальных прав относятся к компетенции арбитражных судов, в том числе Суду по интеллектуальным правам, а также судам общей юрисдикции, к числу которых вместе с тем принадлежит Московский городской суд.

Применительно к Суду по интеллектуальным правам стоит сказать, что создание Суда по интеллектуальным правам именно как специализированного судебного органа по защите интеллектуальной собственности имело своей задачей передать часть дел в обозначенной сложной правовой сфере в компетенцию наиболее квалифицированных судей, имеющих опыт и правовые навыки в области защиты интеллектуальных прав.

⁸¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Рос. газета. – 2005. – 15 марта.

⁸² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Рос. газета. – 2019. – 6 мая.

Вместе с тем, в полномочия Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции, исходя из норм, приведенных в ст. 43.4 АПК РФ, отнесена только малая часть дел в сфере интеллектуальных прав.

Как утверждает А.К. Шереметьева, координации дел о защите интеллектуальной собственности в созданном специализированном суде не произошло⁸³. Действительно, до тех пор, пока к полномочиям Суда по интеллектуальным правам будут отнесены только возбуждение, рассмотрение и разрешение дел о существовании права (об оспаривании нормативных правовых актов, об оспаривании решений федерального монопольного органа, об установлении патентообладателя и т. п.), эффективное разрешение наиболее часто встречающихся в практике споров, связанных с деликтными обязательствами лиц, возникающих из последствий действий по нарушению интеллектуальных прав в сети «Интернет», вряд ли возможно.

Стоит упомянуть, что Суд по интеллектуальным правам в качестве кассационной инстанции рассматривает все дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации в качестве суда первой инстанции, арбитражными апелляционными судами. Однако, по нашему мнению, данное обстоятельство не решает полноценно задачу, которую поставил законодатель при создании Суда по интеллектуальным правам, так как согласно действующим правовым нормам, суд в порядке кассационного производства проверяет исключительно законность решений, постановлений, принятых судом первой и апелляционной инстанций. Потенциал профессионального опыта судей Суда по интеллектуальным правам нивелируется при исключении возможности проверки обоснованности принятых судебных актов.

Следует также обратить внимание на весьма важную роль Московского городского суда в рассмотрении дел о защите интеллектуальных прав. Его

⁸³ См.: Шереметьева А.К. Перспективы совершенствования правил подведомственности и подсудности по делам о защите интеллектуальных прав // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 1150.

важность подчеркивает Федеральный закон от 02.07.2013 № 187 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»⁸⁴. Благодаря указанному закону вступила в силу ст. 144.1 ГПК РФ, устанавливающая порядок принятия предварительных обеспечительных мер защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». В соответствии с дефиницией этой же статьи заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав и соответствующее исковое заявление подаются в Московский городской суд.

Институциональное закрепление полномочий по рассмотрению указанной категории дел за Московским городским судом является обоснованным шагом в развитии судебной системы. Рациональность данной меры подтверждается действием двух взаимосвязанных факторов: эффекта специализации, возникающего в условиях повторяемости юридических казусов, и эффекта от аккумуляции уникального экспертного опыта судей.

Однако создание специализированного судебного корпуса по делам о защите интеллектуальных прав не было доведено до конца. В результате подавляющее большинство споров, подобных рассматриваемым нами, остаются за пределами компетенции профильных судов, таких как Суд по интеллектуальным правам и Московский городской суд.

Объективная необходимость территориальной доступности правосудия вступает в противоречие с целесообразностью создания узкоспециализированных судебных органов. Формирование профильных судов по интеллектуальным правам в каждом субъекте Федерации либо в рамках

⁸⁴ См.: Федеральный закон от 02.07.2013 № 187 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // СЗ РФ. – 2013. – № 27. – ст. 3479.

отдельных судебных округов представляется экономически неэффективным, что делает данную институциональную реформу маловероятной.

Говоря о подсудности дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», следует обратить внимание на дела о защите прав субъектов персональных данных.

Исходный правовой характер дел данной категории обусловлен фактом нарушения субъективных гражданских прав субъектов персональных данных. Указанное обстоятельство однозначно определяет подсудность таких споров судам общей юрисдикции и необходимость их разрешения в порядке гражданского судопроизводства.

Решение вопроса о родовой подсудности дел о защите персональных данных отличается неоднозначностью. С одной стороны, если утечка данных привела к материальному ущербу (например, их использованию в мошеннических схемах), спор приобретает имущественный характер. Такой иск подлежит рассмотрению мировым судьей при цене иска до пятидесяти тысяч рублей. С другой стороны, большинство споров в этой сфере носят личный неимущественный характер, связанный с самим фактом неправомерной обработки данных без согласия субъекта, в связи с чем такое дело будет рассматриваться районным судом.

Учитывая характер правоотношений, складывающихся в сфере персональных данных, законодатель также предусмотрел специальную территориальную подсудность. Так, согласно ч. 6.1 ст. 29 ГПК РФ иски о защите прав субъекта персональных данных, в том числе о возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда, могут предъявляться в суд по месту жительства истца.

Подсудность споров, возникающих из деликтных правоотношений в сети «Интернет», не исчерпывается национальными судами Российской Федерации. Предмет и сфера таких правоотношений, то есть сеть «Интернет», существует вне материального мира и не привязана к какой-либо определенной территории.

А.С. Кемрадж отмечает: «вопрос о юрисдикции государства (о праве государства устанавливать общеобязательные правила поведения и применять в случае их нарушения предусмотренные законом меры ответственности) в различных отраслях современного права решается исходя прежде всего из территориального принципа, в то время как отношения, возникающие в связи с использованием Интернета, весьма часто просто невозможно привязать к какой-либо территории и, следовательно, к какому-либо правопорядку вследствие их сложности и отягощенности иностранным элементом»⁸⁵.

Тем не менее процессуальный закон частично регулирует подсудность споров с иностранным элементом, возникающих в сети «Интернет».

Так, согласно ч. 3 ст. 402 ГПК РФ суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если: ответчик имеет имущество, находящееся на территории Российской Федерации, и (или) распространяет рекламу в сети «Интернет», направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации; по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации истец имеет место жительства в Российской Федерации; по делу о защите прав субъекта персональных данных, в том числе о возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда, истец имеет место жительства в Российской Федерации; по делу о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», истец имеет место жительства в Российской Федерации.

Вместе с тем, анализ нормативной конструкции, закрепленной в ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, позволяет заключить, что ее целью выступает не формирование системного и непротиворечивого механизма определения подсудности споров, возникающих в цифровой среде, а реализация процессуальной защиты уязвимой

⁸⁵ См.: Правовые аспекты использования интернет-технологий / Д.В. Головеров, А.С. Кемрадж, Д.В. Морозов [и др.]; под ред. А.С. Кемрадж, Д.В. Головерова. М.: Кн. мир, 2002. – С. 10.

стороны правоотношения. Приведенные в законе основания свидетельствуют о том, что законодатель, сохраняя фрагментарный характер регулирования, ориентировался прежде всего на обеспечение доступа к правосудию для российских потребителей, а также на судебную защиту личных неимущественных прав граждан Российской Федерации в условиях трансграничного распространения информации. Таким образом, глобально вопрос о юрисдикции интернет-споров остается нерешенным.

Касаясь вопросов компетенции по рассмотрению интернет-споров, существуют разные взгляды на решение указанной проблемы. К примеру, Р. Михальс указывает на возможность либерализации государственного регулирования интернет-отношений, посредством ретерриториализации сети «Интернет», универсализации юрисдикций и отсутствия специального правового регулирования этой сферы⁸⁶. Альтернативным подходом к разрешению коллизий интернет-юрисдикции могло бы стать формирование национальных сегментов глобальной сети, функционирующих под суверенным контролем каждого государства. В рамках такой модели территориальная привязка информационного пространства позволила бы унифицировать правила подсудности, подчинив трансграничные по своей природе интернет-отношения внутригосударственному правопорядку. А.В. Незнамов отмечает, что вопросы интернет-юрисдикции могут быть решены на конвенциональном уровне, посредством создания сообществ внутри сети, которые на добровольных началах примут на себя определенные обязательства и юрисдикцию⁸⁷.

Представляется, что ни один из рассмотренных подходов не может быть признан рациональным и прагматичным, поскольку их эффективность напрямую обусловлена унификацией вектора правового регулирования на межгосударственном уровне. Как либерализация, так и усиление

⁸⁶ См.: Michaels R. Territorial Jurisdiction after Territoriality // Globalisation and Jurisdiction / ed. by J.P. Slot, M. Bulterman. The Hague: Kluwer Law International, 2004. – P. 123–130.

⁸⁷ См.: Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению Интернет-споров (науч. ред. В.В. Ярков). [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

государственного контроля интернет-среды способны привести к желаемому результату исключительно при условии, что все вовлеченные субъекты (отдельные государства) выберут единообразную модель правового воздействия. В отсутствие же согласованности предпринимаемые меры неизбежно утрачивают системный характер и порождают юрисдикционные коллизии.

В настоящее время подсудность множества споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», за исключением случаев предусмотренных ст. 402 ГПК РФ, определяется согласно общему правилу – по месту домицилия (месту жительства) ответчика.

Е.Б. Леанович обращает внимание на необычные подходы в определении правил подсудности в американском законодательстве. По ее словам, суды в США руководствуются правилом «персональной юрисдикции», которое предполагает рассмотрение дела по месту нахождения ответчика. Однако в ходе коммерциализации сети «Интернет» этот принцип дополнился концепцией «минимальных контактов»: теперь наличие устойчивых связей ответчика с территорией может служить основанием для юрисдикции, даже если физически это лицо там не присутствует⁸⁸.

Представляется, что основной проблемой является общая динамика развития правового регулирования интернет-отношений как в Российской Федерации, так и иных государствах, в последствии чего в настоящий момент трудно говорить о кардинальных изменениях в правилах определения подсудности, к примеру, посредством предъявления иска по месту нахождения сервера или о каком-то ином правиле. Наиболее реальным вариантом решения указанного вопроса является разработка и принятие международных правовых актов, содержащих коллизионные нормы права и регулирующих компетенцию по рассмотрению интернет-споров. Также возможно создание специального международного арбитража в рамках такого международного акта.

⁸⁸ См.: Леанович Е.Б. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 41.

Центральным вопросом на стадии возбуждения судопроизводства для дел, возникающих вследствие недобросовестного использования сети «Интернет», является определение надлежащего ответчика.

Как уже ранее отмечалось, среди специальных субъектов рассматриваемых правоотношений следует выделить владельцев информации в сети «Интернет»; поставщиков и модераторов информации в сети «Интернет»; потребителей информации в сети «Интернет».

Для разрешения вопроса определения надлежащего ответчика стоит разобраться в том, кто по общему правилу является ответчиком в гражданском судопроизводстве. Т.Н. Маслова считает, что в определении надлежащего ответчика проблемой является отсутствие в законодательстве таких дефиниций как «стороны», «надлежащая» и «ненадлежащая» сторона⁸⁹. По нашему мнению, ст. 44 АПК РФ устанавливает такую дефиницию, указывая, что ответчиками являются организации и граждане, к которым предъявлен иск, что также является верным и для гражданского судопроизводства. Таким образом, ответчик является лицом, предположительно нарушившим материальное право истца, из чего также следует, что понятия «надлежащего» и «ненадлежащего» ответчика связывает наличие либо отсутствие материального правоотношения между сторонами.

Определение надлежащего ответчика по спорам, возникающим из размещения информации в сети «Интернет», зависит от конкретной ситуации предполагаемых нарушений, среди которых, в частности, можно назвать распространение результатов интеллектуальной деятельности в сети «Интернет» без согласия правообладателя, распространение диффамационных сведений в сети «Интернет», обработку персональных данных без согласия субъекта.

⁸⁹ См.: Маслова Т.Н. Проблемы правового регулирования института замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 18 февр. 2016 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 232.

Наиболее интересным субъектом для всех категорий подобных дел является провайдер хостинга. Как отмечалось ранее, ответчиком по делу является лицо, которое непосредственно нарушило права истца, а также имеет прямую материально-правовую связь с ним. Однако, провайдер хостинга самостоятельно не размещает какую-либо информацию в сети «Интернет», а только предоставляет вычислительную мощность для размещения информации. В связи с этим при установлении обязанности провайдера хостинга ограничивать доступ к сайту или странице сайта в сети «Интернет» стоит исходить из признаков договора оказания услуг хостинга, заключенного с провайдером. Так, например, анализируя публичный договор-оферту оказания услуг хостинга (п.п. 2.1.4, 2.1.5 Договора), размещенный на официальном сайте Общества с ограниченной ответственностью «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ», можно заключить, что провайдер хостинга при обнаружении информации, нарушающей нормы законодательства, а также по запросу государственных органов и/или третьих лиц имеет право на удаление такой информации, приостановку работы сайта и прекращение доступа Абонента к услуге⁹⁰. При этом ни одно из вышеуказанных действий провайдера хостинга по ограничению доступа к неправомерной информации не установлено в качестве обязанности.

С.Б. Вепрев отмечает, что судебные органы придерживаются позиции, при которой провайдер хостинга несет ответственность в случае, если он является инициатором передачи данных и заведомо знает о существовании на своем сервере вредоносных данных⁹¹.

Особый интерес к вопросу определения надлежащего ответчика возникает в случае нарушения авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет». Так, согласно ст. 144.1 ГПК РФ суд по письменному заявлению организации или

⁹⁰ См.: Договор оказания услуг хостинга, размещенный на официальном сайте ООО «РЕГ.РУ» URL: https://img.reg.ru/faq/dogovor_okazaniya_uslug_hostinga_site_170423.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

⁹¹ См.: Вепрев С.Б. Об ответственности провайдера при распространении информации в сети интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 1 (19). – С. 52.

гражданина вправе принять предварительные обеспечительные меры, направленные на защиту авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, заявителя в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», до предъявления иска. При этом закон обязывает заявителя подать исковое заявление в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня вынесения судом определения. Подобные ситуации априори предполагают решение вопроса о том, кто будет являться ответчиком, так как зачастую сайты, на которых незаконно размещены результаты интеллектуальной деятельности, являются анонимными и не содержат сведений о провайдере хостинга или владельце сайта.

Вместе с тем, суд обязан направить копию определения в Роскомнадзор, который в свою очередь на основании ст. 15.2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в течение трех рабочих дней определяет провайдера хостинга или иное лицо, обеспечивающее размещение в сети «Интернет», указанного информационного ресурса, обслуживающего владельца сайта в сети «Интернет», на котором размещена информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав (кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии), или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, без разрешения правообладателя или иного законного основания. Соответственно можно прийти к выводу, что ответчиком в данном случае будет являться именно провайдер хостинга, так как определить иное лицо, отвечающее за размещение информации, нарушающей права автора, зачастую не представляется возможным.

Анализируя судебную практику Московского городского суда по рассмотрению дел о нарушении авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет», можно прийти к выводу, что в качестве ответчика по таким спорам, как правило, привлекается провайдер хостинга (Решение Московского

городского суда от 15 января 2026 г. по делу № 3-0021/2026⁹², Решение Московского городского суда от 22 декабря 2025 г. по делу № 3-1453/2025⁹³, Решение Московского городского суда от 19 ноября 2025 г. по делу № 3-1247/2025⁹⁴).

Похожие правила определения надлежащего ответчика действуют в отношении исков о признании информации порочащей честь, достоинство и деловую репутацию.

Анализируя мнение Е.М. Кобзаренко относительно установления надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети «Интернет»⁹⁵, можно сделать вывод о том, что идентифицировать лицо, непосредственно разместившее на сайте в сети «Интернет» диффамационные сведения в виде публикации или комментария, как правило, возможно только в случае регистрации владельца электронного ресурса в качестве СМИ и размещения выходных данных об авторе на сайте, но большинство социальных сетей, форумов и иных сайтов, дающих пользователям функцию модерации данных на сайте, не зарегистрированы в качестве СМИ, в связи с чем целесообразно подавать исковое заявление в отношении так называемого интернет-посредника (провайдера хостинга или владельца сайта).

Как показывает практика, лица, являющиеся информационными посредниками и не имеющие прямого отношения к размещению информации в сети «Интернет», достаточно часто являются ответчиками по рассматриваемым категориям дел, вследствие невозможности определить лицо, непосредственно разместившее информацию.

⁹² Решение Московского городского суда от 15.01.2026 по делу № 3-0021/2026 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

⁹³ Решение Московского городского суда от 22 декабря 2025 г. по делу № 3-1453/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

⁹⁴ Решение Московского городского суда от 19 ноября 2025 г. по делу № 3-1247/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

⁹⁵ См.: Кобзаренко Е.М. Установление надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 6 (149). – С. 146–155.

Однако действующим законодательством ограничивается ответственность информационного посредника при рассмотрении дел о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет».

В соответствии с ч. 2 ст. 1253.1 ГК РФ информационный посредник, осуществляющий передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате этой передачи, при одновременном соблюдении следующих условий:

1) информационный посредник не являлся инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала;

2) информационный посредник не изменял указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала;

3) информационный посредник не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Также согласно ч. 3 ст. 1253.1 ГК РФ информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате размещения в информационно-телекоммуникационной сети материала третьим лицом или по его указанию, при одновременном соблюдении информационным посредником следующих условий:

1) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, содержащихся в таком материале, является неправомерным;

2) в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого

адреса в сети «Интернет», на которых размещен такой материал, информационный посредник своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав. Перечень необходимых и достаточных мер и порядок их осуществления могут быть установлены законом.

Приведенные положения ст. 1253.1 ГК РФ наглядно демонстрируют существенный дисбаланс в механизме защиты гражданских прав в цифровой среде. С одной стороны, законодатель сознательно сужает сферу применения понятия «информационный посредник», закрепляя особые условия освобождения от ответственности исключительно для деликтов в сфере интеллектуальных прав. Это создает для посредников специальный, льготный режим ответственности. С другой стороны, сама архитектура сети «Интернет», допускающая анонимность и фактическую неперсонифицированность конечных пользователей, превращает информационного посредника в единственного реально доступного ответчика для потерпевшего. Возникает парадоксальная ситуация: лицо, к которому потерпевший объективно может предъявить иск (посредник), защищено законодательными иммунитетами, а непосредственный нарушитель, который мог бы нести полную ответственность, остается вне юрисдикционного досягаемости. Таким образом, бланкетный характер ст. 1253.1 ГК РФ, призванный стимулировать развитие правового регулирования интернет-отношений, вступает в противоречие с принципом полного восстановления нарушенных прав, ставя эффективность судебной защиты в зависимость от технической возможности идентификации конечного нарушителя.

Получается, что мнение законодателя в вопросе определения ответственного лица за распространение неправомерной информации в сети «Интернет» не является единой и завершенной. Выбор надлежащего ответчика всегда обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов. К числу таких факторов относятся, во-первых, сама техническая и юридическая возможность идентификации лица, ответственного за распространение информации; во-вторых, наличие или отсутствие у лица законодательно

установленных иммунитетов, ограничивающих его ответственность. По нашему мнению, это подчеркивает важность понимания диспозитивной сути гражданского судопроизводства в части, дающей истцу право самому выбирать субъекта, в отношении которого подавать исковое заявление. Стоит подчеркнуть, что ответственность зачастую несет не только лицо, непосредственно распространившее сведения, но и лицо, имеющее право администрирования сайта и информации, находящейся на нем. Тем не менее, считаем, что Верховному Суду РФ следовало бы дать разъяснения, согласно которым определение надлежащего ответчика по подобного рода делам зависит от возможности и осведомленности истца подать исковое заявление в отношении конкретного известного ему лица. В данном случае, стоит перенести правила субсидиарной ответственности на деликтные правоотношения в части возможности обратиться с требованием к должнику, несущему такую ответственность. Подобное разъяснение также установит прерогативу гарантии судебной защиты прав над невозможностью защитить свои права любым возможным способом.

В развитие исследуемого правового института представляется обоснованным законодательно закрепить конкретный перечень субъектов, подпадающих под правовой статус «информационного посредника». Одновременно с этим видится необходимым унифицировать правоприменительную практику путем распространения данного статуса на весь спектр правоотношений, возникающих в цифровой среде и реализуемых посредством сети «Интернет».

Концепция осуществления права на иск является достаточно дискуссионным вопросом, который относится к основам теоретической части гражданского процессуального права.

На основании ст. 46 Конституции РФ каждому гражданину гарантировано право на обращение в судебные органы с иском для судебной защиты своих прав. Согласно ст. 3 ГПК РФ, любой заинтересованный субъект имеет право в порядке, закрепленном нормативно-правовыми актами о

гражданском судопроизводстве, обратиться в судебный орган за защитой нарушенных или же оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Для того чтобы предъявить иск, необходимо:

- обладать правом на предъявление иска;
- выполнить с учетом требований законодателя предварительные условия его реализации;
- соблюсти правила обращения к суду⁹⁶.

Право на иск – это обеспеченная законодательством Российской Федерации возможность обращаться в судебные инстанции для защиты нарушенного права, его восстановления либо устранения неопределенности в нормативно-правовых актах⁹⁷.

Как отмечает В.П. Грибанова, под правом на иск следует понимать обеспеченную законом возможность реализации материально-правового требования одного лица к другому в исковой форме⁹⁸.

По мнению О.В. Исаенковой, О.В. Николайченко и других представителей саратовской процессуальной школы, право на иск – это не само нарушенное или оспоренное материальное право, годное к принудительному осуществлению, а обеспеченная законом возможность получения защиты этого права и принудительной его реализации в исковой форме⁹⁹.

В праве на иск существует не одно, а два правомочия: процессуально-правовое правомочие (право на предъявление иска) и материально-правовое

⁹⁶ Власов А.А. Гражданский процесс: учебник для вузов. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. – С. 215.

⁹⁷ См.: Юлбердина Л.Р. Обеспечительные меры в гражданском процессе / Л.Р. Юлбердина, Г.В. Хамидуллина // *Advances in Science and Technology*. – 2017. – № 11 (12). – С. 225.

⁹⁸ См.: Грибанова В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. – С. 356.

⁹⁹ См.: Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография / О.В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева ; под редакцией О.В. Исаенковой – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – С. 73.

правомочие (право на удовлетворение иска)¹⁰⁰. Оба правомочия тесно связаны между собой. Право на иск есть самостоятельное субъективное право истца. Если у истца имеется право на предъявление иска и право на удовлетворение иска, то его нарушенное или оспоренное право получит надлежащую судебную защиту¹⁰¹.

Материально-правовая сторона права на иск, т. е. право на удовлетворение иска, проверяется и выясняется в ходе судебного разбирательства. Если право истца обоснованно как с правовой, так и с фактической стороны, то у него есть право на удовлетворение иска. Вместе с тем у заинтересованного лица может быть право на предъявление иска и одновременно отсутствовать право на удовлетворение иска. Так, истечение срока исковой давности является основанием для отказа в иске, поскольку у истца нет права на удовлетворение иска¹⁰².

Вместе с тем, реализация права на предъявление иска в судебном порядке обусловлена не только субъективным волеизъявлением заинтересованного лица, но и обязательным наличием совокупности материально-правовых и процессуальных предпосылок, а также неукоснительным соблюдением установленных законом условий реализации данного права. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов влечет предусмотренные процессуальным законодательством последствия в виде возвращения искового заявления, оставления его без движения или отказа в принятии.

Между правом на судебную защиту и правом на предъявление иска существует принципиальное различие. Если первое является неотъемлемой конституционной гарантией, принадлежащей каждому в силу самого факта

¹⁰⁰ См.: Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под редакцией О.В. Исаенковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С.79.

¹⁰¹ См.: Качмазова Д.М. Предпосылки права на предъявление иска / Д.М. Качмазова, М.Я. Хубецов, Э.С. Бутаева // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 356–358.

¹⁰² См.: Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. – С. 157.

правосубъектности и не обусловленной какими-либо дополнительными требованиями, то второе представляет собой сложный юридический состав. Право на иск не исчерпывается наличием у лица гражданской процессуальной право- и дееспособности, но предполагает также обязательное соблюдение специальных предпосылок и условий, императивно установленных процессуальным законодательством для возбуждения производства по конкретному делу в суде.

Как отмечала Г.Л. Осокина, обращение в суд с требованием о защите нарушенного права или охраняемого законом интереса не означает возникновение одномоментной обязанности суда вынести решение соответствующего содержания¹⁰³.

Наибольшую актуальность при рассмотрении дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», приобретает вопрос соблюдения обязательного претензионного досудебного порядка урегулирования спора.

Направление претензии преследует две цели: урегулирование спора в досудебном порядке и получение истцом доказательств соблюдения им претензионного порядка разрешения спора¹⁰⁴.

Согласно ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагаются документы, подтверждающие выполнение обязательного досудебного порядка урегулирования спора, если такой порядок установлен федеральным законом.

В соответствии со ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории дел досудебный порядок урегулирования спора, либо истец не представил документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров.

¹⁰³ См.: Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом производстве / под ред. В.Н. Щеглова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – С. 24.

¹⁰⁴ Зайков, Д. Е. Претензионный (досудебный) порядок разрешения споров (по материалам судебной практики) / Д. Е. Зайков // Гражданин и право. – 2016. – № 7. – С. 88.

Ч. 5 ст. 4 АПК РФ установлено, что гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором. При этом иные споры, возникающие из гражданских правоотношений, передаются на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора только в том случае, если такой порядок установлен федеральным законом или договором.

Действующим законодательством установлено, что в случае, если правообладатель и нарушитель исключительного права являются юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями и спор подлежит рассмотрению в арбитражном суде, до предъявления иска о возмещении убытков или выплате компенсации обязательно предъявление правообладателем претензии.

Стоит отметить, что обязательный досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров в подавляющем большинстве случаев установлен законодателем для разрешения споров, вытекающих из договорных обязательств. Высказано мнение, что цель процедуры досудебного порядка урегулирования гражданского спора – разрешение спорных разногласий сторон до (вне) обращения в суд путем направления одной стороной другой стороне письменного или цифрового обращения (например, претензии) или выполнение иных правил досудебной процедуры¹⁰⁵. Изложенное понимание целей досудебного урегулирования указывает на то, что данный правовой механизм и такая форма его реализации, как претензия, исторически и функционально ориентированы преимущественно на сферу договорных отношений, где наличие

¹⁰⁵ См.: Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Досудебный порядок урегулирования гражданского спора // Гражданский процесс: учебник. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 312.

соглашения сторон создает потенциальную почву для компромисса и урегулирования разногласий без вмешательства суда.

Более того, специфика цифрового деликта, посягающего на исключительное право, находится в неразрывной связи с проблемой идентификации надлежащего ответчика, подробно рассмотренной ранее. Данное обстоятельство не только создает препятствия для соблюдения обязательного претензионного порядка, но и, по существу, нивелирует его процессуальный смысл и практическую целесообразность, превращая данный процесс в формальную процедуру.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стадия возбуждения гражданского судопроизводства по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», обладает значительной процессуальной спецификой, обусловленной особенностями самих спорных материальных правоотношений. Эта специфика проявляется при решении ключевых задач, стоящих перед судом на данной стадии.

Во-первых, центральной проблемой является сложность разграничения судебной компетенции и подсудности ввиду смешанного характера таких споров. Критерием служит экономическая природа правоотношения и статус участников, что приводит к распределению дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. При этом действующая система специализированных судов (Суд по интеллектуальным правам, Московский городской суд) не охватывает подавляющее большинство деликтных споров, возникающих в цифровой среде, что свидетельствует о незавершенности судебной реформы в этой области и порождает проблему доступности квалифицированного правосудия.

Во-вторых, наиболее сложным вопросом на практике оказывается определение надлежащего ответчика. Анализ показал, что круг возможных ответчиков широк и включает непосредственных нарушителей, владельцев и поставщиков информации, а также лиц, имеющих статус интернет-посредника. Подход к их привлечению к ответственности вступает в зависимость от

объективных и субъективных факторов, к числу которых относится сама техническая и юридическая возможность идентификации лица, ответственного за распространение информации; наличие или отсутствие у интернет-посредника законодательно установленных иммунитетов, ограничивающих его ответственность.

В-третьих, особую важность на данной стадии приобретает соблюдение специальных предпосылок права на предъявление иска, в частности, обязательного досудебного порядка урегулирования спора, прямо предусмотренного процессуальным законодательством для отдельных категорий дел.

Таким образом, стадия возбуждения гражданского судопроизводства по исследуемой категории дел носит не технический, а содержательно-квалификационный характер. Ее успешное прохождение требует от истца и суда тщательного анализа юридической природы спорных отношений, точной квалификации применяемых норм материального права и учета складывающейся, зачастую противоречивой, судебной практики. Выявленные процессуальные особенности подтверждают тезис о необходимости формирования специального методологического инструментария для адекватного разрешения споров, возникающих из недобросовестного использования сети «Интернет», уже на самой начальной стадии судопроизводства.

2.2. Подготовка дел по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет» к судебному разбирательству.

Подготовка дела к судебному разбирательству является отдельной стадией цивилистического процесса. В рамках данной стадии формируется необходимый фундамент, на основании которого в дальнейшем будет отправляться правосудие (стороны смогут обосновать свои требования и возражения, представить

необходимые подтверждающие документы, а суд сможет вынести законное и справедливое решение).

Значение указанной стадии также отмечалась в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹⁰⁶, действующем почти 18 лет, вплоть до сего года, в котором было сказано, что соблюдение требований закона о проведении надлежащей подготовки гражданских дел к судебному разбирательству является одним из основных условий правильного и своевременного их разрешения. Принятое недавно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству"¹⁰⁷ оставило приведенный тезис практически неизменным, подчеркнув, что своевременная и полная подготовка дела к судебному разбирательству создает необходимые условия для решения общих задач гражданского судопроизводства, сформулированных в статье 2 ГПК РФ. Непроведение либо формальное проведение подготовки дел к судебному разбирательству, как правило, приводит к отложению судебного разбирательства, волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных решений.

А.В. Чекмарева отмечает, что цель подготовительных процедур в суде первой инстанции имеет двухкомпонентный характер: примирение сторон и обеспечение возможности рассмотрения дела в судебном заседании. В связи с этим, значение подготовительных процедур значительно шире общепринятых параметров, поскольку в случае примирения цель судопроизводства может быть достигнута без судебного разбирательства¹⁰⁸. Вместе с тем, оптимистический прогноз А.В. Чекмаревой о том, что судебное примирение будет способствовать значимому увеличению количества прекращенных производств на этапе

¹⁰⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Рос. газета. – 2008. – 2 июля.

¹⁰⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Рос. газета. – 2026. – 2 июня.

¹⁰⁸ См.: Чекмарева, А.В. Система субъектов гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / А.В. Чекмарева. – Саратов, 2015. С. 10.

подготовки дела¹⁰⁹, к сожалению, не сбылся. И хотя процедура медиации в качестве самостоятельного элемента законодательного регулирования включена в процессуальную деятельность, но в судопроизводственной деятельности ее регулирование все еще не полное и заслуживает, по мнению О.В. Исаенковой, перспективной корректировки¹¹⁰, чтобы стать действительно обязательным и значимым компонентом подготовительных процедур в российском гражданском судопроизводстве.

В.В. Ярков в качестве цели подготовки дела к судебному разбирательству как стадии арбитражного процесса определяет создание условий, направленных на обеспечение правильного и своевременного разрешения спора¹¹¹.

Определяя задачи подготовки дел по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», следует обратиться к действующему процессуальному законодательству.

Так, в соответствии со ст. 148 ГПК РФ задачами подготовки дела к судебному разбирательству являются: уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле; примирение сторон.

Согласно ст. 133 АПК РФ задачами подготовки дела к судебному разбирательству являются определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению законодательства, обстоятельств, имеющих значение

¹⁰⁹ См.: Чекмарева, А. В. Некоторые вопросы подготовки дел к судебному разбирательству в свете изменений гражданского процессуального законодательства // Перспективы развития гражданского процессуального права : сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева, Саратов, 14 сентября 2019 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 408.

¹¹⁰ См.: Исаенкова О. В. Перспективы, цели и задачи современного цивилистического процесса и медиации в России // Bulletin of the Academy of Justice. – 2023. – №. 3. – С.81.

¹¹¹ См.: Арбитражный процесс: Учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7 изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – С. 311.

для правильного рассмотрения дела; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса; оказание содействия лицам, участвующим в деле, в представлении необходимых доказательств; примирение сторон.

Задачи подготовительных процедур в суде первой инстанции направлены на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела¹¹².

Хотя разные авторы по-разному расставляют акценты и переносят положение об обеспечении правильного и своевременного рассмотрения дела то в разряд целей, то в разряд задач, анализ норм ГПК РФ и АПК РФ показывает, что задачи подготовки дела к судебному разбирательству универсальны и сводятся к трем ключевым направлениям: 1) определение фактических обстоятельств дела и применимого права; 2) формирование доказательственной базы и состава участников процесса; 3) содействие примирению сторон.

Под уточнением обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, следует понимать действия судьи и лиц, участвующих в деле, по определению юридических фактов, лежащих в основании требований и возражений сторон, с учетом характера спорного правоотношения и норм материального права, подлежащих применению.

Суд должен учитывать и особенности категории гражданского дела при уточнении фактических обстоятельств дела и соответственно определении предмета доказывания. Так, по мнению Е.Н. Кузнецова, по судебным спорам, связанным с применением технологии блокчейн, судьям придется не только иметь дело с техническими аспектами ее реализации, но и самостоятельно выявлять возможность использования тех доказательств, которые стороны предъявляют для подтверждения своих позиций, причем в ходе подготовки дела, до вызова сторон в предварительное судебное заседание, основываясь на представленных сторонами документах и материалах, поскольку одной из задач,

¹¹² См.: Чекмарева, А.В. Система субъектов гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / А.В. Чекмарева. – Саратов, 2015. С. 10.

стоящих перед судом при подготовке, является определение предмета доказывания¹¹³.

При определении закона и иного нормативного правового акта, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установлении правоотношений сторон следует иметь в виду, что они должны определяться исходя из совокупности данных: предмета и основания иска, возражений ответчика относительно иска, иных обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного разрешения дела.

Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, представляет собой существенную процессуальную задачу при рассмотрении указанных категорий споров. Как отмечалось ранее, в делах, возникающих из недобросовестного использования сети «Интернет», формируется «специальный» круг субъектов, включающий владельцев информации, поставщиков и модераторов информационных ресурсов, а также потребителей информации.

С точки зрения специфики рассматриваемых правоотношений, центральное место в исследовании занимает проблема представления доказательств, поскольку именно через эту процедуру стороны реализуют свою обязанность по доказыванию тех обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений.

При выполнении задачи, связанной с представлением необходимых доказательств, судья учитывает особенности своего положения в состязательном процессе. Судья обязан уже в стадии подготовки дела создать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле, но с учетом характера правоотношений сторон и нормы материального права, регулирующей спорные правоотношения.

¹¹³ См.: Кузнецов, Е. Н. Относимость и допустимость доказательств по делам, связанным с применением технологии блокчейн / Е. Н. Кузнецов // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 84-104.

Судья разъясняет, на ком лежит обязанность доказывания тех или иных обстоятельств, а также последствия непредставления доказательств. При этом судья должен выяснить, какими доказательствами стороны могут подтвердить свои утверждения, какие трудности имеются для представления доказательств, разъяснить, что по ходатайству сторон и других лиц, участвующих в деле, суд оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств.

Также, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, доказательства, представленные сторонами и другими лицами, участвующими в деле, проверяются судьей на их относимость и допустимость.

Вместе с тем обстоятельства рассматриваемых правоотношений, возникают в цифровой среде, которая не обладает четкой физической топологией, что обуславливает специфику как их установления, так и используемых средств доказывания. Остро стоит вопрос, предоставления сведений, полученных из сети «Интернет».

Все сведения, полученные посредством электронной связи, можно подразделить на две категории: 1) электронные документы и 2) электронные сообщения. Согласно ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронное сообщение – это информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, а электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Таким образом электронным документом можно считать любую документированную информацию, созданную в электронной форме без предварительного оформления на бумаге, с реквизитами, позволяющими определить такую информацию. К примеру, электронными документами можно считать любые постановления, подписанные электронной подписью, доверенности, служебные записки и внутренние приказы.

Вместе с тем любую недокументированную информацию, переданную посредством сети «Интернет», стоит считать электронным сообщением. К электронным сообщениям можно отнести скриншоты недокументированной информации, полученной посредством электронной связи, например, с помощью мессенджеров, социальных сетей, sms-сообщений и электронной почты.

Учитывая цифровую природу сети «Интернет», где информация изначально не закреплена на материальном носителе, сведения, полученные из нее, зачастую имеют недокументированный статус. Это порождает в рамках юридической доктрины и правоприменительной практики проблему, связанную с установлением и оценкой допустимости и достоверности электронных сообщений в качестве доказательств, а также определения их места в системе средств доказывания.

Правовая природа электронных доказательств является предметом споров и обсуждений. По этому поводу существуют следующие точки зрения:

- если опираться на процессуальное доказательство, то электронные доказательства можно отнести к письменным;
- электронные доказательства выступают в качестве вещественных;
- можно выделить категорию электронных доказательств в качестве самостоятельного средства доказывания;
- электронные доказательства имеют смешанную правовую природу¹¹⁴.

В связи со спецификой электронных доказательств ученые предлагают внести изменение в их регулирование ГПК РФ. К примеру, А.М. Митрофанова считает, что понятие «письменные доказательства» стоит заменить на «документальные доказательства», которые в свою очередь будут представлять из себя совокупность письменных и электронных доказательств¹¹⁵.

По мнению Л.В. Тумановой, «электронные доказательства» являются таковыми только по форме закрепления информации, а по содержанию остаются

114 См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. / М.К. Треушников. - 3. изд., испр. и доп. - Москва: Издат. дом "Городец", 2004. – С. 35.

¹¹⁵ См.: Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. – С. 10.

письменными доказательствами, поскольку важна не форма, а содержание информации, следовательно, понятие письменных доказательств сохраняет свою терминологическую актуальность независимо от того, на каком носителе и с помощью каких символов эта информация закреплена¹¹⁶.

Стоит отметить, что электронное сообщение, для того чтобы соответствовать критерию допустимости, также должно быть надлежащим образом заверено у нотариуса. Так, Верховный суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10) определил, что суд в силу ст. 55 и ст. 60 ГПК РФ, вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети «Интернет». Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами.

Не менее остро стоит вопрос о нотариальном заверении таких сведений. А.Т. Боннер отмечал, что «существенным недостатком электронного обмена документами через каналы Интернета, равно как и недостатком электронного документа вообще, является легкость внесения в него изменений и, как следствие, отсутствие уверенности в достоверности полученного электронного документа»¹¹⁷. Данное утверждение верно и в отношении электронных сообщений.

¹¹⁶ См.: Туманова Л.В. Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения / Л. В. Туманова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 4(84). – С. 188.

¹¹⁷ См.: Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета / А. Т. Боннер // Закон. – 2007. – № 12. – С. 87.

В методологическом отношении, проблема допустимости и достоверности электронных сообщений в качестве доказательств наиболее рельефно раскрывается на примере их наиболее распространенной и наглядной формы репрезентации – цифрового снимка экрана (скриншота). Для определения возможности заверения скриншота и последующего его принятия судом в качестве доказательства скриншоты можно разделить на две категории: 1) скриншоты страниц сайтов в сети «Интернет» и 2) скриншоты переписок.

В качестве первой категории одним из распространенных примеров можно назвать споры по делам о нарушении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, когда информация о нарушении может быть взята со страницы сайта в сети «Интернет». В указанном случае нотариус совершает нотариальное действие по обеспечению доказательств в рамках ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹¹⁸ путем осмотра страницы в сети «Интернет» и составления протокола осмотра данной страницы¹¹⁹. В протоколе осмотра нотариус отражает содержание страницы в сети «Интернет», время осмотра, а также порядок доступа к содержащимся на странице сведениям.

Неясен порядок действий нотариуса в случае заверения скриншота переписки, так как переписка независимо от электронной платформы, на которой она осуществлялась, доступна в оригинальном и изначальном виде только сторонам переписки, так как одна из сторон может внести изменения в содержание данной переписки, вследствие чего у нотариуса зачастую нет возможности подтвердить достоверность информации, находящейся на подобном скриншоте. Также, И.В. Воронцова и М.Н. Зарубина отмечают, что одной из проблем определения достоверности и допустимости доказательств, полученных в электронной форме, является отсутствие правового регулирования

¹¹⁸ См.: Основы законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, ред. от 28.12.2024) // Рос. газета. – 1993. – 13 марта.

¹¹⁹ См.: Вацковский Ю.Ф. Доменные споры. Защита товарных знаков и фирменных наименований. / Ю. Ф. Вацковский // М.: Статут, 2009. – С. 55.

порядка обеспечения доказательств нотариусом, не являющимся специалистом в IT-сфере¹²⁰.

По мнению Ю.А. Максименковой, изменения содержания информации подобного рода может установить только эксперт, который обладает специальными познаниями в сфере информационных технологий, и нотариус обладает правом назначения такой экспертизы, но это не является его обязанностью¹²¹.

Анализируя судебную практику, можно прийти к выводу, что зачастую суд принимает скриншоты переписок в качестве доказательств по делу без их нотариального заверения. Так, в решении Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу № 2-264/2024 от 20.02.2024 отмечено, что сторона истца представила в материалы дела скриншот переписки, представленный на обозрение суду в судебном заседании на телефонном аппарате истца¹²². К такому же выводу приходит и Первоуральский городской суд Свердловской области в своем решении по делу № 2-88/2024 от 17.01.2024 г., в котором установлено, что представленные истцами скриншоты переписки достоверно подтверждают факты, на которые ссылаются истцы, а также отмечено, что оснований для признания предоставленных истцами доказательств не отвечающими принципам относимости, допустимости и достоверности у суда не имеется¹²³.

Также в качестве примера можно привести следующий казус. Ответчик К., являясь администратором домена ombrella.me, в названии которого использован

¹²⁰ См.: Воронцова И.В. Проблемы аутентификации и идентификации электронных доказательств на примере судопроизводственных правил зарубежных стран / И.В. Воронцова, М.Н. Зарубина // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии. – Казань: Отечество, 2020. – С. 174.

¹²¹ См.: Максименкова, Ю.А. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет / Ю. А. Максименкова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 82.

¹²² См.: Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу № 2-264/2024 от 20.02.2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/u6gaQewWZlBJ/> (дата обращения: 05.05.2025).

¹²³ См.: Решение Первоуральского городского суда Свердловской области по делу № 2-88/2023 от 24.01.2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/98z5vHqxK85b/> (дата обращения: 05.05.2025).

словесный элемент товарного знака Ombrello, осуществлял распространение на сайте в сети «Интернет» информации о товарах, аналогичных тем, правовая охрана которым предоставлена свидетельствами на товарные знаки, а именно товарам автохимии «Умбрелла» и «Аквапель», в целях рекламы товаров и продвижения их на рынке. Названия указанных товаров являются визуально и фонетически сходными до степени смешения с принадлежащими ООО «Кар Гласс Кер» товарными знаками Ombrello и AQUAPEL. Судом было выяснено, что осуществляемая К. на сайте деятельность подпадает под перечень услуг, указанных в регистрационных свидетельствах на товарные знаки Ombrello и AQUAPEL. Факт нарушения ответчиком исключительных прав истца на товарные знаки был подтвержден протоколами проведенных нотариусом в целях обеспечения доказательств осмотров сайта в сети «Интернет». Истец, ООО «Кар Гласс Кер», не давал согласие ответчику на использование товарных знаков. Суд, рассмотрев дело, решил: исковые требования удовлетворить частично, а именно запретить К. осуществлять любые действия в отношении услуг, являющихся однородными товарами, и услуг по зарегистрированному товарному знаку AQUAPEL, взыскать с ответчика в пользу истца компенсацию за нарушение исключительного права на зарегистрированные товарные знаки в размере 150 тысяч рублей¹²⁴.

Как отмечают некоторые ученые, простая распечатка скриншота не может отвечать требованиям гражданского процессуального законодательства, в связи с чем является разумным заверение указанных материалов у нотариуса. Так, В.Б. Юзефович считает, что просто распечатать скриншот страницы сайта в сети «Интернет», на которой размещены спорные сведения, или сохранить ее на каком-либо носителе, а затем представить суду означает не представить ничего,

¹²⁴ См.: Кондратьева Е.А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. М.: Статут, 2014. – С. 71.

необходимо прибегнуть к помощи нотариуса¹²⁵. Подобного мнения придерживаются И.Р. Медведев¹²⁶, В.В. Котлярова¹²⁷ и другие правоведы.

Тем не менее, действующее законодательство не обязывает обеспечивать скриншот нотариальным удостоверением, что также подтверждается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 10, в котором прямо говорится о том, что допустимым доказательством может являться заверенная лицом, участвующим в деле, распечатка материала, размещенная в сети «Интернет» без указания обязательного способа заверения и обеспечения указанного доказательства.

Е.В. Грызунова отмечает, что интернет-доказательства могут быть заверены посредством автоматической фиксации на примере сервиса автоматической фиксации доказательств «Вебджастис», который формирует электронный протокол, включающий скриншот заданной страницы сайта в сети «Интернет» в формате PDF¹²⁸.

В качестве примера можно привести дело о нарушении исключительного права на товарный знак, в ходе рассмотрения которого Арбитражный суд Республики Татарстан отклонил доводы ответчика относительно допустимости и достоверности скриншота, в связи с отсутствием его нотариального заверения, поскольку истцом в дело представлены распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы (сервис Авито), с которой сделана распечатка, а также дат и

¹²⁵ См.: Юзефович В.Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста. / В. Б. Юзефович. - М.: Инфотропик Медиа. – 2012. – С. 63-64.

¹²⁶ См.: Медведев И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) / И. Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 1. – С. 60-61.

¹²⁷ См.: Котлярова, В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе / В. В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 37-42.

¹²⁸ См.: Грызунова Е.В. Интернет-страница как доказательство / Е. В. Грызунова // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 4(32). – С. 79.

точного времени ее получения, заверенные представителем истца по доверенности, в том числе ЭЦП¹²⁹.

На наш взгляд, проблема надлежащего заверения интернет-распечаток сводится к выбору между стоимостью нотариальных услуг и потенциальными процессуальными рисками для истца. Как показывает практика, у судов отсутствует единое мнение касательно указанного вопроса, что в свою очередь создает существенную проблему в области доказывания для истца.

Существенным недостатком в статусе электронных документов и электронных сообщений является их отношение к письменным доказательствам, правила предоставления, исследования и оценки которых не учитывают специфику содержания и обмена информации в информационно-телекоммуникационных сетях, что в свою очередь вызывает противоречивые позиции судов при определении допустимости такого рода средств доказывания.

Вместе с тем, сформулированное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 правило, по сути, является не общеобязательной правовой нормой, а официальным толкованием, которое изначально было выработано в контексте защиты интеллектуальных прав, что ставит под вопрос возможность его применение в отрыве от этой категории дел.

По нашему мнению, для системного разрешения правовых коллизий, связанных с цифровой средой, в процессуальное законодательство Российской Федерации требуются целенаправленные новации. Необходимо введение в перечень средств доказывания самостоятельной категории «электронные доказательства» с последующей детальной регламентацией их представления, исследования и оценки, а также формулированием законодательных критериев допустимости и достоверности. Это создаст единый правовой режим для всех цифровых сведений, преодолев фрагментарность существующего подхода, основанного на аналогии с письменными доказательствами.

¹²⁹ См.: Решение от 28.08.2025 по делу № А65-3218/2025 АС Татарстан [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

Вследствие вышесказанного считаем целесообразным сформулировать предложение по совершенствованию действующего законодательства, в частности:

1) Внести изменение в абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ и изложить в следующей редакции:

«Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, электронных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов».

2) Внести изменения в ч. 2 ст. 64 АПК РФ и изложить в следующей редакции:

«В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, электронные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы».

3) Исключить из содержания ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ упоминание документов, полученных посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документов, подписанных электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

4) Дополнить гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ статьями под названием «Электронные доказательства» со следующей легальной дефиницией: «Электронными доказательствами являются, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.»

5) Включить в содержание статьи «Электронные доказательства» в ГПК РФ и АПК РФ нормы со следующим содержанием: «Документы,

полученные посредством информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», могут быть представлены в суд в форме распечаток соответствующих материалов (скриншотов). Такие распечатки признаются допустимыми доказательствами, если они заверены лицами, участвующими в деле, и содержат указание на адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также на точное время её получения.»

Завершающим и определяющим элементом стадии подготовки дела к судебному разбирательству выступает предварительное судебное заседание. Именно в его рамках осуществляются итоговая систематизация и оценка результатов подготовительных действий, принимаются фундаментальные для дальнейшего движения процесса решения и окончательно формируется модель будущего судебного разбирательства.

Вместе с тем, проведение предварительного судебного заседания носит факультативный, а не императивный характер. Отсутствие законодательной нормы, обязывающей суд к его обязательному назначению, наделяет судью дискреционным правом, которое реализуется исходя из задач подготовки конкретного дела и принципа процессуальной экономии.

Согласно ч. 1 ст. 152 ГПК РФ предварительное судебное заседание имеет своей целью процессуальное закрепление распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке дела к судебному разбирательству, определение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, определение достаточности доказательств по делу, исследование фактов пропуска сроков обращения в суд и сроков исковой давности. Сравнительный анализ показывает, что законодатель закрепляет в АПК РФ схожий процессуальный институт, преследующий идентичные цели подготовки дела к разбирательству.

Полагаем, что достижение вышеуказанных целей имеет особое значение в рамках рассмотрения дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», так как предварительное судебное заседание окончательно и

полностью раскрывает задачу представления сторонами и другими лицами, участвующими в деле необходимых доказательств.

Необходимо обратить внимание, что лица, участвующие в деле, имеют право заявлять ходатайства в предварительном судебном заседании, а ответчик может заявить о пропуске истцом сроков обращения в суд и сроков исковой давности. При этом, согласно ч. 6 ст. 152 ГПК РФ при установлении факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу.

Как отмечает Н.П. Афанасьева, такая процедура несет риски для истца, заключающиеся в том, что как только ответчик заявит возражение против иска, ссылаясь на пропуск срока исковой давности или срока обращения в суд, последует решение об отказе в удовлетворении исковых требований. В случае, когда для истца ссылка ответчика на неуважительный пропуск срока давности или срока обращения в суд является неожиданной, нельзя исключать того, что истец одномоментно не сориентируется, не воспользуется правом собраться с мыслями, выстроить ряд фактов и доказательств того, что срок пропущен из-за серьезной причины¹³⁰. В связи с этим было бы целесообразно предоставить суду право объявлять перерыв в предварительном судебном заседании по аналогии с нормой, установленной ст. 136 АПК РФ.

Важнейшим элементом института исковой давности является начало течения его срока. В соответствии с ч. 1 ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права, если законом не установлено иное.

Данная формулировка представляется неполной и порождает правовую неопределенность в вопросе разграничения моментов исчисления срока исковой давности: требуется уточнить, в каких случаях отправной точкой является дата,

¹³⁰ См.: Афанасьева Н.П. Предварительное судебное заседание // Современное право. – 2008. – № 8. – С. 56-58.

когда лицо фактически узнало о нарушении, а в каких – дата, когда оно объективно могло и должно было о нем узнать.

Проблема определения момента начала течения срока исковой давности приобретает особую остроту и теоретико-прикладную сложность в рамках рассмотрения споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет». Сложность данной проблематики определена сочетанием двух факторов:

1. Внедоговорной характер правоотношений, который означает, что применение ч. 1 ст. 200 ГК РФ, связывающего начало течения срока исковой давности с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении, сталкивается с трудностью доказывания субъективного фактора осведомленности. В отличие от договорных отношений, где стороны осведомлены друг о друге и о сроках исполнения обязательств, при обязательствах, вследствие причинения вреда, потерпевший зачастую не только не знает о персоне нарушителя, но и длительное время может не осознавать сам факт причинения ему вреда (например, при использовании результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде без указания авторства).

2. Специфика сети «Интернет» как среды совершения правонарушения. Технологическая архитектура сети вносит коррективы в классическую доктрину исковой давности. Во-первых, свойство анонимизации и использования инструментов для сокрытия следов затрудняет установление надлежащего ответчика, без чего предъявление иска невозможно. Во-вторых, динамичность цифрового контента (возможность его мгновенного удаления, изменения или копирования) требует от потерпевшего постоянного мониторинга информационного пространства, что вступает в противоречие с традиционным пониманием разумной степени осмотрительности. Таким образом, интернет-среда существенно расширяет границы оценочной категории «должен был узнать», требуя от суда учета не только юридических, но и технологических обстоятельств дела.

В данном контексте заслуживает внимания Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025) (далее – Обзор)¹³¹. В частности, в п. 23 Обзора разъяснено, что срок исковой давности по требованию о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в связи с недействительностью договора о его отчуждении начинает течь с момента, когда истцу должно было стать известно о негативных последствиях, вызванных поведением нарушителя. Суд также обращает внимание на то, что исчисление срока исковой давности по заявленному требованию может быть поставлено в зависимость от даты вступления в законную силу решения суда о признании договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки недействительным, лишь при условии, что вынесение соответствующих судебных актов обусловило осведомленность компании о незаконном использовании товарных знаков обществом. При исчислении трехлетнего срока исковой давности также учитывается, знал или должен был знать истец о допущенном нарушении, то есть возможность его субъективного знания о фактах, порождающих требование к ответчику.

Н.В. Зайцева указывает на то, что природа правоотношений предопределяет особенности исчисления исковой давности. Если в договорных обязательствах отправной точкой служит момент нарушения обязательства, чьи негативные последствия зачастую обнаруживаются позднее, то в недоговорных (деликтных) обязательствах течение срока привязано к самому моменту причинения ущерба. В деликтных обязательствах действует концепция отдаленности и предсказуемости ущерба, задачей которой является расчет вероятности причинения вреда, основанный на особенностях объекта и знаниях субъекта. Предсказуемость негативных последствий требуется в момент совершения противоправного деяния, в то время как в договоре предсказуемость причинения убытков вследствие нарушения его условий предполагается уже на

¹³¹ См.: «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) // [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».

этапе заключения договора. Что касается вероятности, то деликт предполагает более высокий стандарт знаний по отношению к участникам внедоговорных обязательств, поэтому ответственность наступает и за маловероятные результаты противоправного действия¹³².

Начало течения срока давности зависит не от абстрактного момента правонарушения, а от момента возникновения у кредитора реальной процессуальной возможности защитить свое право, что характерно для обязательств с неопределенным сроком исполнения.

Исходя из изложенного, представляется, что при разрешении споров, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», начало течения срока исковой давности должно определяться судом с учетом необходимости подтверждения не только объективной возможности потерпевшего узнать о нарушении, но и его субъективного отношения к факту причинения вреда.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию, при которой лицо, чьи авторские и (или) смежные права нарушены в сети «Интернет», не имеет объективной возможности узнать об этом до момента посещения сайта либо обнаружения правонарушения другим путем. Установить момент начала течения срока исковой давности по дате размещения материала в подобном случае не представляется возможным, также как и момент, когда лицо должно было узнать о нарушении своего права.

Также, требуется определить срок исковой давности по деликтным обязательствам, возникающим в связи с недобросовестным использованием сети «Интернет».

Исходя из норм действующего законодательства, а также Определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.02.2017 №

¹³² См.: Зайцева Н.В. Поведенческие стандарты в системе частноправовых отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 104.

18-КГ16-194¹³³ на требования, вытекающие из обязательств в связи с причинением вреда, распространяется установленный ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности – три года.

Вместе с тем, сроки исковой давности по требованиям, предметом которых являются деликтные обязательства в сети «Интернет», характеризуются определенной спецификой и не исчерпываются общим сроком, установленным ст. 196 ГК РФ.

Из положений ст. 208 ГК РФ следует, что исковая давность не применяется к требованиям о защите личных неимущественных прав и иных нематериальных благ. Соответственно, правила об исковой давности не распространяются, в частности, на дела об опровержении диффамационных сведений, распространенных в сети «Интернет», на некоторые споры о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет», а также на споры, связанные с нарушением прав субъектов персональных данных в сети «Интернет».

По требованиям, предъявляемым в связи с распространением порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений в средствах массовой информации, применяется также специальный давностный срок «один год» и охватывает лишь ситуации распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине в средствах массовой информации.

По нашему мнению, можно констатировать асимметрию в развитии правовой материи: доктринальные исследования в области цивилистики значительно продвинулись в осмыслении состава правонарушения, однако *de jure* указанные теоретические наработки не были восприняты законодателем и не нашли своего закрепления в нормативных правовых актах.

Так, к примеру, С.С. Алексеев выделял следующие элементы состава гражданского правонарушения: субъект, объект (нарушенное правоотношение), объективная сторона (противоправность, вред и причинная связь). В отношении

¹³³ См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.02.2017 № 18-КГ16-194. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

вины (основного признака субъективной стороны) С.С. Алексеев считал, что ей нельзя придавать значение общего, обязательного элемента состава, и рассматривал ее как условие применения гражданско-правовых санкций, не имеющего универсального значения¹³⁴.

С.А. Параскевой было высказано мнение о том, что «термин (состав гражданского правонарушения), привнесенный в частное право из публичного права – отраслей, диаметрально противоположных по своей сущности, целям и функциям, да еще и не имеющий в цивилистике практического значения, является чуждым гражданско-правовой науке»¹³⁵.

Однако, представляется, что развитие рассматриваемой правовой конструкции позволило бы достичь большей степени правовой определенности в вопросах исчисления и применения сроков исковой давности, в частности в случае закрепления понятия «длящегося правонарушения» в гражданско-правовой доктрине.

Понятие «длящегося правонарушения» упоминается в судебной практике. Так, Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что нарушения прав истца обладают признаками длящегося правонарушения, а, следовательно, нормы гражданского законодательства об исковой давности не подлежат применению к рассматриваемым правоотношениям. (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 апреля 2012 г. № 6-В12-1)¹³⁶.

Специфика деликтных обязательств, возникающих в сети «Интернет», предопределяется прежде всего длящимся характером противоправного поведения, что обусловлено техническими возможностями непрерывного доступа к информации и ее неограниченного распространения. Учитывая, что

¹³⁴ См.: Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. – 1958. – № 1. – С. 47–48.

¹³⁵ См.: Параскевова С.А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. – 80

¹³⁶ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.04.2012 № 6-В12-1 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

институт длящихся правонарушений традиционно разработан преимущественно в уголовном и административном праве, а его положения отражены в нескольких постановлениях Пленума Верховного Суда РФ¹³⁷, полагаем необходимым официальное толкование данного понятия применительно к цивилистике. В этой связи представляется целесообразным принятие Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений, которые позволили бы унифицировать подходы судов к определению момента начала течения срока исковой давности по интернет-деликтам, в частности путем введения понятия «длящегося правонарушения».

Предлагается унификация подходов к определению момента начала течения срока исковой давности по интернет-деликтам, выражающаяся в установлении презумпции, согласно которой по требованиям, вытекающим из нарушения прав и законных интересов лиц в сети «Интернет», факт обнаружения потерпевшим лицом нарушения своего права считается юридически неопределимым, а, следовательно, срок исковой давности не может считаться пропущенным, пока нарушителем или иным заинтересованным лицом не будет доказано обратное, то есть не будет представлено достоверных доказательств того, что истец узнал или заведомо должен был узнать о нарушении в конкретную, более раннюю дату.

Проведенное исследование позволяет заключить, что подготовка дела к судебному разбирательству по спорам, возникающим из недобросовестного использования сети «Интернет», требует принципиально иного доктринального осмысления, нежели традиционные категории гражданских дел. Цифровая природа правоотношений не просто привносит техническую специфику в устоявшиеся процессуальные институты, но обнаруживает концептуальное

¹³⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». // Российская газета. – 2005. – № 80; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях». // Российская газета. – 2023. – № 291.

несоответствие между классическими подходами к доказыванию и исчислению процессуальных сроков, с одной стороны, и онтологией виртуальной среды – с другой.

Наиболее рельефно данное несоответствие проявляется в двух аспектах: во-первых, в сфере доказывания, где традиционная композиция «письменное – вещественное» оказывается неспособной вместить феномен электронной информации, существующей вне материального носителя и подверженной мгновенной модификации; во-вторых, в сфере определения сроков защиты права, где конструкция исковой давности, ориентированная на правонарушения с четко фиксируемым моментом совершения, вступает в противоречие с дилатационным характером интернет-деликтов.

Разрешение указанного противоречия, по нашему убеждению, лежит не в плоскости фрагментарных законодательных новелл, а требует системной ревизии процессуальных основоположений применительно к цифровой среде. Введение категории электронных доказательств и доктринальная разработка понятия дилатационного правонарушения в цивилистике являются не просто тактическими мерами, но необходимыми условиями формирования адекватного правового инструментария, способного обеспечить эффективную судебную защиту в условиях новой технологической реальности. Без этого стадия подготовки по исследуемым категориям дел рискует утратить свое фундаментальное значение, превратившись из механизма, обеспечивающего правильное разрешение спора, в зону правовой неопределенности, где процессуальные гарантии нивелируются несоответствием законодательных конструкций природе регулируемых отношений.

2.3. Судебное разбирательство по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».

Судебное разбирательство является центральной стадией гражданского процесса, в ходе которой суд первой инстанции непосредственно исследует

доказательства, устанавливает фактические обстоятельства дела и выносит решение. Специфика дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», накладывает существенный отпечаток на порядок проведения данной стадии. Цифровая природа правонарушения трансформирует традиционные подходы к исследованию доказательств, предъявляет особые требования к фиксации противоправных действий в виртуальном пространстве и ставит перед судом сложные вопросы квалификации поведения сторон как недобросовестного. В связи с этим представляется необходимым проанализировать, каким образом общие правила судебного разбирательства, регламентированные ГПК РФ и АПК РФ, адаптируются к рассмотрению интернет-споров и какие процессуальные особенности возникают в правоприменительной практике.

Так, в ходе судебного разбирательства должна решаться главная задача гражданского судопроизводства – правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела, а также наиболее явно реализуются основные процессуальные принципы (состязательности, диспозитивности, непосредственности, устности и другие).

Особая роль судебного разбирательства в структуре гражданского процесса обусловлена тем, что именно на этой стадии возникает непосредственная процессуальная связь между судом и всеми участниками гражданского судопроизводства. Если на этапе возбуждения гражданского судопроизводства и подготовки дела взаимодействие сторон с судом является фрагментарным и, за редким исключением (предварительное судебное заседание), сводится к обмену состязательными документами, то в судебном заседании данное взаимодействие приобретает характер живого и непосредственного процесса.

Именно на стадии судебного разбирательства функция суда как независимого арбитра приобретает наиболее завершенное выражение. Руководя заседанием, судья не только обеспечивает процессуальную форму исследования обстоятельств дела, но и выступает гарантом полноты и всесторонности

доказывания. В этих целях закон наделяет его правом отклонять не относящиеся к предмету спора доказательства, прерывать объяснения сторон и других лиц, участвующих в деле. Кроме того, осуществляя организационно-распорядительные полномочия, суд обязан поддерживать надлежащий порядок в заседании, без чего невозможно отправление правосудия.

Традиционно судебное заседание с учетом целенаправленности совершаемых процессуальных действий принято делить на четыре составные части:

- 1) подготовительную;
- 2) рассмотрение дела по существу;
- 3) судебные прения;
- 4) постановление и оглашение судебного решения¹³⁸.

Следует обозначить основные вопросы и проблемы на стадии судебного разбирательства, которые будут являться предметом исследования по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет».

В рамках анализа стадии судебного разбирательства по делам о недобросовестном использовании сети «Интернет» представляется необходимым выделить ключевые аспекты, подлежащие дальнейшему исследованию:

- 1) процессуальные сроки рассмотрения данной категории дел;
- 2) особенности исследования и оценки доказательств по делам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет»;
- 3) процессуальная специфика судебного разбирательства в зависимости от категории интернет-споров.

Рассматривая вопрос о временных рамках судебного разбирательства, в первую очередь необходимо остановиться на принципе разумного срока судопроизводства. Данный принцип закреплен в статьях 6.1 ГПК РФ и 6.1 АПК

¹³⁸ См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. – С. 168-169.

РФ и подразумевает, что как само судебное разбирательство, так и последующее исполнение вынесенного постановления должны производиться без неоправданных задержек.

При определении разумного срока судебного разбирательства, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу.

Наряду с принципом разумности¹³⁹, процессуальное законодательство устанавливает и конкретные (исчисляемые) сроки рассмотрения дел. Так, в соответствии со ст. 154 ГПК РФ, гражданские дела должны быть разрешены судом общей юрисдикции в течение двух месяцев с момента поступления заявления, а мировым судьей – в течение месяца. В свою очередь, ст. 157 АПК РФ определяет, что рассмотрение дела в арбитражном процессе не может превышать шести месяцев со дня поступления заявления, причем в этот период входит как подготовка, так и принятие итогового решения.

Как отмечает, А.И. Стуконог, следует различать разумный срок и законный срок. Законный срок определен четко в законе, процессуальное законодательство устанавливает соответствующие предельно допустимые временные промежутки. Одной из главных характеристик законного срока судопроизводства является его определенность, конкретность, что не относится к разумному сроку. Само понятие «разумность» носит субъективный, размытый

¹³⁹ Стоит отметить, что выделение указанного принципа гражданского процесса не является общепринятым в теории цивилистического процесса, но мы в данном случае поддерживаем аргументы Т.А. Комаровой, выдвинутые ею в диссертационном исследовании, а затем в монографии относительно принципа разумности в гражданском судопроизводстве. См.: Комарова, Т. А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства / Т. А. Комарова. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2020. – С.33-36.

характер, требующий в каждом отдельном случае индивидуального подхода к его определению¹⁴⁰.

По мнению Т.А. Комаровой, принцип разумности в гражданском судопроизводстве заключает в себе, с одной стороны, соответствие предполагаемых к принятию норм права (в нашем случае – гражданского процессуального) не только нормам уже действующего законодательства, но и требованиям рациональности, оптимальности, сбалансированности частных и публичных интересов, экономическим и социальным условиям российского общества на конкретном этапе, а, с другой стороны, принимая во внимание различные степени гибкости правового регулирования процессуальных правоотношений, – обязанность судьи при отправлении правосудия помимо использования норм права (материального и процессуального) руководствоваться разумом, накопленными профессиональными и общекультурными знаниями, давать оценку действиям, доказательствам только после интеллектуального осмысления¹⁴¹.

На наш взгляд, разумный срок судопроизводства следует рассматривать как динамическую величину, производную от базового (законного) срока. Отправной точкой является срок, предписанный законом для определенной категории дел. Однако в процессе правоприменения разумный срок может фактически выходить за рамки законного срока, если этого требует сложность дела (например, необходимость проведения экспертизы), либо если производство по делу объективно не может быть продолжено (например, в случае его приостановления). Следовательно, разумный срок аккумулирует в себе как законодательный норматив, так и те неизбежные временные издержки, которые диктуются реальными обстоятельствами конкретного спора.

¹⁴⁰ См.: Стуконог А.И. К вопросу о понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве / А. И. Стуконог // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97-6. – С. 93.

¹⁴¹ Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Комарова. – Саратов, 2019. – С. 9.

По мнению Е.А. Летягиной, основной проблемой здесь является ситуация, при которой участники процесса по-разному могут оценивать одни и те же критерии разумности срока судебного разбирательства, и значит для одних срок судебного разбирательства будет разумным, а для других нет. Подобные разногласия также разрешаются в судебном порядке, однако и здесь есть проблемы. Например, большинство доказательств тех или иных критериев разумности срока судебного разбирательства носит косвенный характер, и не всегда напрямую свидетельствует о умышленном затягивании судебного процесса, влекущим несоблюдение разумного срока рассмотрения судебного дела¹⁴².

Анализ действующих процессуальных кодексов позволяет проследить дифференцированный подход законодателя к установлению сроков в зависимости от юрисдикции. Очевидно, что, устанавливая шестимесячный срок для арбитражных судов против двухмесячного для судов общей юрисдикции, законодатель исходил из предположения о более высокой сложности экономических споров, их документальной насыщенности и специфике доказывания. Примечательно, что эта дифференциация сохраняется и в механизмах продления: если в гражданском судопроизводстве срок может быть увеличен лишь на один месяц, то в арбитражном судопроизводстве предельный срок рассмотрения может достигать девяти месяцев, что предоставляет суду большую временную свободу для исследования сложных финансово-хозяйственных связей.

Представляется, что описанная дифференциация процессуальных сроков имеет прямую проекцию на дела, вытекающие из недобросовестного использования сети «Интернет». Поскольку значительная часть таких споров отнесена к компетенции арбитражных судов (в силу субъектного состава или экономического характера спора), они автоматически попадают в режим

¹⁴² См.: Летягина Е.А. Процессуальные сроки в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы // Теория и практика гражданских правоотношений: материалы II Межрегиональной науч.-практ. конф. (Красноярск, 21 дек. 2023 г.). Красноярск: Красноярский ГАУ, 2024. – С. 26.

шестимесячного (с возможностью продления до девяти месяцев) срока их рассмотрения и разрешения. Речь идет, в частности, о спорах о нарушении интеллектуальных прав в сети «Интернет», защите деловой репутации юридических лиц от порочащих сведений, распространенных в сети «Интернет», а также о пресечении недобросовестной конкуренции с использованием цифровых инструментов.

Представляется очевидным, что специфика доказывания, неопределенность в определении надлежащего ответчика и трансграничная природа интернет-отношений могут выступать в качестве объективных причин судебной волокиты, неизбежно увеличивая временные затраты на рассмотрение таких дел.

Дело № 2-560/2016, возбужденное на основании коллективного иска о защите прав субъектов персональных данных и признании деятельности интернет-ресурса незаконной, наглядно иллюстрирует комплекс факторов, объективно увеличивающих продолжительность судебного разбирательства. Сложность доказывания в данном деле выразилась в необходимости обращения к нотариусу для фиксации интернет-контента. Процесс также осложнился множественностью участников, включая привлечение Роскомнадзора, и неопределенностью круга ответчиков: при формальной подаче иска к конкретному лицу, из материалов дела следует наличие «неустановленных пользователей», что предполагает направление запросов хостинг-провайдерам для идентификации нарушителей¹⁴³.

Трансграничный характер интернет-правоотношений также оказывает влияние на продолжительность судебного разбирательства. В соответствии с ч. 3 ст. 253 АПК РФ, если участвующие в деле иностранные лица находятся за пределами РФ, их извещение осуществляется путем направления судебного поручения в компетентный орган иностранного государства. В таком случае срок рассмотрения дела продлевается на период, предусмотренный

¹⁴³ См.: Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-560/2016.01.2020. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

международным договором о правовой помощи для исполнения соответствующего поручения, а при отсутствии такого договора или соответствующего срока в нем – не более чем на один год.

Существенный пробел прослеживается в ГПК РФ: в отличие от арбитражного процесса, он не предусматривает специального механизма продления сроков рассмотрения дела при наличии иностранного элемента. Законодатель ограничился подробной регламентацией только одного аспекта – порядка рассмотрения дел с участием иностранного государства, не урегулировав должным образом вопросы извещения иных иностранных участников процесса.

М.А. Агаларова, в результате анализа особенностей участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве¹⁴⁴ высказала мнение, что для обеспечения права на рассмотрение судом дела в разумный срок необходимы упрощение процедуры извещения и сокращение сроков извещения иностранных лиц о гражданском судопроизводстве, а именно суду рекомендуется использовать такой способ, предусмотренный соответствующими актами, который наиболее быстро известит лиц, участвующих в деле. По ее мнению, следует применять свободную пересылку судебных документов почтой или курьерской службой непосредственно лицам, находящимся за границей, если соответствующее государство, согласно международным договорам, не сделало оговорку о запрете прямого извещения¹⁴⁵. Заметим с сожалением, что приведенное целесообразное предложение до настоящего времени законодателем не принято.

Стоит отметить, что обстоятельства вышеуказанных категорий дел могут как являться причиной для продления сроков рассмотрения, так и для их сокращения.

¹⁴⁴ См.: Агаларова М. А. Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве / под ред. О. В. Исаенковой. - Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 4-46.

¹⁴⁵ См.: Агаларова М.А. Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Агаларова. – Саратов, 2017. – С. 8.

Показательным примером выступают дела о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет». В отношении данной категории споров, как было отмечено ранее, законодатель предусмотрел возможность применения предварительных обеспечительных мер, регламентированных ст. 144.1 ГПК РФ, что в свою очередь позволяет оперативно заблокировать страницу сайта в сети «Интернет», содержащую искомый результат интеллектуальной деятельности и тем самым защитить своевременно защитить нарушенное право истца.

Как показывает практика, указанная норма права является недостаточно эффективной, поскольку при удалении нелегального контента или блокировке пиратских сайтов появляются новые информационные ресурсы, наполненные теми же объектами авторских прав¹⁴⁶.

Полагается, что внесенные законодателем изменения законодательства в отношении блокировки пиратских сайтов в сети «Интернет» являются недостаточными, так как при стремительном возникновении новых «зеркал» сайтов не реализуется защита права обладателя авторского и (или) смежного права.

В связи с этим был принят Федеральный закон от 22 июня.2024 г. № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации»¹⁴⁷, который упрощает процедуру блокировки так называемых «зеркал» сайтов, благодаря передаче полномочий принятия такого решения от Минцифры к Роскомнадзору.

¹⁴⁶ См.: Гончаров А.И., Иншакова А.О., Матыцин Д.Е. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. – С. 17

¹⁴⁷ Федеральный закон от 22.06.2024 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». // СЗ РФ. – 2024. – № 26. – ст. 3560.

Представляется, что применение предварительных обеспечительных мер не достигает в полной мере целей гражданского судопроизводства, поскольку действительная и исчерпывающая защита нарушенного права возможна лишь после вынесения судебного решения. В связи с этим приоритетное значение приобретает реализация именно судебной власти, а не использование административных механизмов, включая полномочия органов исполнительной ветви власти.

Согласно сведениям, полученным из банка судебной практики справочно-правовой системы «Гарант», Московским городским судом за весь период действия нормы, закрепленной в ст. 144.1 ГПК РФ, вынесено 109 231 определение о принятии предварительных обеспечительных мер. Столь значительный количественный показатель, на наш взгляд, свидетельствует о своего рода «конвейерном» характере рассмотрения данной категории дел.

В связи с вышесказанным и в целях решения задач гражданского судопроизводства, целесообразно дополнить ч. 2 ст. 154 ГПК РФ нормой, согласно которой дела о нарушении авторских и (или) смежных прав кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» рассматриваются и разрешаются до истечения месяца со дня поступления заявления в суд.

Подобная дифференциация сроков позволит, с одной стороны, обеспечить ускоренное рассмотрение данной категории дел с учетом их специфики и массового характера, а с другой – будет способствовать реализации принципа процессуальной экономии. Установление специального (сокращенного) срока подчеркнет исключительный характер соответствующих споров и позволит суду более эффективно распределять временные ресурсы.

Согласно ст. 157 ГПК РФ суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными

доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи.

Аналогичная обязанность суда закреплена в арбитражном судопроизводстве (ст. 162 АПК РФ).

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Как отмечает Д.Б. Абушенко, в основе судебного усмотрения лежат три основных мотива: справедливость, разумность, целесообразность¹⁴⁸.

В отличие от стадии подготовки дела к судебному разбирательству, где доказательства лишь представляются и оцениваются судом предварительно на предмет их процессуальной пригодности, судебное разбирательство предполагает их непосредственное исследование и итоговую оценку в целях разрешения дела по существу.

Положениями ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ закреплён принцип состязательности: каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Распределение бремени доказывания представляет собой фундаментальный аспект судебного разбирательства, вариативность которого обусловлена характером правоотношений и особенностями конкретного гражданского дела.

Априори бремя доказывания истца и ответчика существенно отличаются. Истец, как инициатор процесса, обязан обосновать и доказать обстоятельства, свидетельствующие, по его мнению, о нарушении принадлежащих ему прав. Ответчик же, реализуя принцип состязательности, вправе самостоятельно

¹⁴⁸ Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. – С. 73.

определять степень своего участия в доказывании: он может как проявлять доказательственную активность, так и занимать пассивную позицию. Императивность доказывания для истца проистекает из его инициативной роли в возникновении процесса. Диспозитивные начала, позволяющие стороне определять стратегию защиты, в отношении истца трансформируются в обязанность обоснования иска: отказ от доказывания тождественен отказу от самого требования, что делает обращение в суд процессуально бессмысленным.

В обоснование иска и возражений на него стороны могут приводить различные факты, однако обязанность доказывания всецело зависит от предмета доказывания. По этой причине распределение обязанности по доказыванию может охватывать исключительно факты, имеющие юридическое значение и входящие в предмет доказывания¹⁴⁹.

М.В. Андрианова отмечает, что предмет и бремя доказывания достаточно часто определены в нормах материального права, из чего следует, что сторонам и суду при разрешении этих вопросов следует руководствоваться не только процессуальным законом, но и иными нормами материально-правового характера¹⁵⁰.

Суд самостоятельно распределяет бремя доказывания между сторонами. Как считает Т.Т. Алиев, положения ст. 56 ГПК РФ закладывают «прочный фундамент» для судебного усмотрения в силу наличия в данных конструкциях элемента выбора, относительной определенности с одним лишь ограничителем – значимость обстоятельств дела¹⁵¹.

При формальном закреплении принципа свободы судебного усмотрения в вопросе распределения бремени доказывания, анализ судебной практики позволяет выявить сложившиеся правовые позиции (руководящие начала),

¹⁴⁹ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. – С. 11.

¹⁵⁰ См.: Андрианова М.В. Системность прав и обязанностей субъектов судебного доказывания: дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Андрианова. – Саратов, 2025. – С. 107.

¹⁵¹ Алиев Т.Т. Судейское усмотрение в цивилистическом процессе: теоретические и практические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 6. – С. 26–29.

которые устанавливают презумпцию распределения обязанностей по доказыванию. Указанные позиции коррелируют с категорией дела и определяют процессуальную активность сторон.

К примеру, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

В качестве иллюстрации дифференциации бремени доказывания можно привести правовую позицию, изложенную Верховным судом РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Согласно данному подходу, лицо, обращаясь в суд в порядке ст. 144.1 ГПК РФ, обязано подтвердить два ключевых обстоятельства: наличие у него исключительных прав на фильм и факт неправомерного использования этого объекта в сети «Интернет»¹⁵².

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд по жалобе истца оставил решение суда первой инстанции без изменений: компания TV TOKYO Corporation (истец) требовала от индивидуального предпринимателя Лозовой Ю.А. (ответчика) компенсацию в 50 000 рублей за продажу контрафактной игрушки. Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что affidavit, а также иные представленные истцом документы, лишь подтверждают существование спорных произведений в момент их оформления и указывают на то, что компания б считает себя обладателем исключительного права на спорные произведения изобразительного искусства. Таким образом, истец не представил в материалы дела сведения об обстоятельствах

¹⁵² См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 11.

возникновения авторского права у конкретного лица (создания спорных произведений) и передачи от данного лица (автора спорных произведений) исключительных прав компании¹⁵³.

Приведенная судебная практика наглядно демонстрирует основной принцип распределения бремени доказывания, закрепленный в процессуальном законодательстве: лицо должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Однако из искомого правила могут быть и исключения. Весьма показательным является дело № 5-КГ25-30-К2, в котором Верховный Суд РФ отменил постановления нижестоящих судов и указал, что недопустимо перекладывать на пользователей интернета проверку подлинности сайтов и распознавание «зеркал»: бизнесмены, как профессиональные участники рынка, сами должны следить за предложением в сети «Интернет» услуг от их имени. Суть спора заключалась в том, что потребитель нашел в интернете сайт сервисного центра, передала через курьера моноблок в ремонт. Техника была утеряна, а компания-ответчик заявила, что курьер у них не работает, а договор является поддельным. Верховный Суд РФ обращает особое внимание, что суды не дали оценки и не исследовали вопрос принадлежности ответчику сайта, через который потребитель заказала ремонт. Также судам следовало проанализировать переговоры и переписку истца с сервисным центром, указывает он. Однако вместо этого суды переложили бремя доказывания на плечи истца, который не располагает средствами для выявления ложного предложения услуг от имени ответчика¹⁵⁴.

Представленная судебная практика демонстрирует дуализм подхода к распределению бремени доказывания в зависимости от субъектного состава

¹⁵³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 апреля 2025 г. № 09АП-6954/25 по делу № А40-176044/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁵⁴ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 5-КГ25-30-К2 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

правоотношений. В споре между равными профессиональными участниками рынка суды последовательно применяют общее правило распределения бремени доказывания. Однако в спорах с участием потребителя, который заведомо является слабой стороной, Верховный Суд РФ допускает исключение из общего правила.

Представляется, что сформулированный Верховным Судом РФ тезис об особой ответственности «профессионального участника рынка» за мониторинг интернет-пространства выглядит неоднозначно и порождает определенные вопросы. Возлагая на предпринимателя обязанность по выявлению сайтов-двойников и «зеркал», суд исходит из презумпции наличия у бизнеса неких эксклюзивных технических или административных возможностей. Однако в действительности ни у одного, даже самого технологически оснащенного хозяйствующего субъекта, не существует «мгновенного детектора» поддельных сайтов. Мониторинг сети «Интернет» – это сложная, затратная и, главное, постфактумная процедура (реакция на уже случившееся событие). Следовательно, требование к предпринимателю «заранее отследить» незаконную копию своего ресурса зачастую технически неисполнимо, что ставит его в положение заведомо нарушающей стороны без вины.

Вероятно, более справедливым подходом было бы разделение понятий: предприниматель должен нести бремя реагирования, но не бремя превентивного технического контроля, поскольку последний на сегодняшний день невозможен даже для профессионалов. Похожий подход звучит в предложении Европейской комиссии о создании Закона о цифровых услугах (далее – DSA)¹⁵⁵. Статья 6 DSA определяет, что, несмотря на отсутствие требования осуществления общего мониторинга, поставщики услуг могут инициировать такую деятельность самостоятельно.

¹⁵⁵ См.: Digital Services Act (Regulation(EU) 2022/2065) // Digital Strategy of the European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 08.05.2026).

Полагаем, что при разрешении споров о причинение вреда в результате неправомерных действий лиц в сети «Интернет» наиболее релевантным был бы подход, звучавший в известном деле Полины Лурье против Ларисы Долиной. Суть его сводится к тому, что участник гражданского оборота обязан проявлять разумную осмотрительность при заключении сделок и совершении юридически значимых действий¹⁵⁶.

В контексте рассмотренного дела о сайте-двойнике уместно обратиться к понятию «киберсквоттинг», которое играет важную роль как в материально-правовом, так и в процессуальном аспектах.

Киберсквоттинг представляет из себя вид предпринимательской деятельности в интернете, суть которого заключается в регистрации доменных имен узнаваемых компаний и их последующей перепродажей заинтересованным в этом адресе лицам¹⁵⁷.

В доктрине киберсквоттинг подвергается классификации по различным основаниям. Так, П.Н. Сафонов и А.В. Зубач выделяют следующие его разновидности:

- 1) брендовый доменнинг – регистрация доменных имен, содержащих товарные знаки, фирменные наименования, имена физических лиц, наименования объектов авторских прав;
- 2) защитный киберсквоттинг – с целью не стать жертвой киберсквоттеров регистрация легальным владельцем сайта (товарного знака) всех доменных имен, близких, созвучных, похожих, связанных по смыслу с его собственным доменным именем;
- 3) обратный киберсквоттинг (имеет общие черты с рейдерством, пришедшем в Россию из США) – регистрация популярных сайтов без торговой

¹⁵⁶ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁵⁷ См.: Пираты доменных морей: кто такие киберсквоттеры [Электронный ресурс] URL: <https://www.reg.ru/blog/piraty-domennyh-morej-ko-takie-kiberskvottery/> (дата обращения: 10.08.2025).

марки на свое имя и через суд фактически захват популярного сайта (торговая марка имеет доминирование над доменным именем);

4) аукционный киберсквоттинг – перепродажа перспективных доменов среди киберсквоттеров на аукционах¹⁵⁸.

Помимо указанных выше разновидностей, исследователи обращают внимание и на иные формы киберсквоттинга.

Стоит отметить, что доменное имя в соответствии со ст. 1225 ГК РФ не является признаваемым средством индивидуализации юридического лица, что порождает множество вопросов в сфере защиты интеллектуальных и иных прав в сети «Интернет». При разработке части четвертой ГК РФ законодатель изначально планировал включить доменное имя в перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности, однако на этапе первого чтения соответствующая глава была исключена из законопроекта¹⁵⁹.

В современном гражданском обороте доменное имя приобрело значение своеобразного финансового актива. Посредством его использования владельцы сайтов, регистраторы и иные участники правоотношений извлекают имущественную выгоду, что позволяет рассматривать доменное имя в качестве разновидности имущественного права.

Вместе с тем, правовая квалификация доменного имени осложняется его интеллектуальной составляющей: наличие буквенно-цифрового обозначения в сети «Интернет» само по себе не свидетельствует о том, что такой объект является результатом интеллектуальной деятельности. Однако, по мнению Е.И. Гладкой, доменные имена – это автономные объекты отношений между субъектами рынка, позволяющие индивидуализировать товары, работы и услуги¹⁶⁰. ФАС Поволжского округа в своем Постановлении от 07.07.2011 г.

¹⁵⁸ См.: Сафоненков П.Н., Зубач А.В. Киберсквоттинг как объект правового регулирования // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 104–105.

¹⁵⁹ См.: Садовский П., Косовская И. Такие разные доменные споры. URL: <https://epam.ru/storage/files/documents/insights/545b5056c6c2c.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).

¹⁶⁰ См.: Гладкая Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – С. 109.

отметил, что доменное имя должно приравниваться к средствам индивидуализации, поскольку оно изначально создавалось для того, чтобы индивидуализировать информационный ресурс¹⁶¹.

Представляется бесспорным, что мотивом киберсквоттинга является извлечение выгоды, будь то законная перепродажа актива или противоправные действия. При этом, даже правомерные с точки зрения российского законодательства действия субъекта, не образующие состава преступления, неизбежно влекут за собой ущемление законных интересов третьих лиц.

Как утверждает Г.Г. Камалова, приобретении доменного имени, в отношении которого обладатель не имеет законного интереса, осуществляется: «с недобросовестным намерением получить прибыль от продажи, сдачи в аренду или лицензирования владельцу аналогичного или сходного средства индивидуализации; с целями помешать использовать его владельцу сходного средства индивидуализации, создать препятствия для деятельности конкурирующей организации; для размещения недостоверной информации, могущей повредить репутации правообладателя средства индивидуализации; для создания иллюзии финансовой, организационной или иной деятельности несуществующей организации; с намерением отвлечь потребителей от сайта владельца товарного знака в пользу своего сайта и иными. Доменное имя может быть зарегистрировано с целью последующего совершения мошеннических действий»¹⁶².

Отсутствие законодательного закрепления доменного имени в качестве средства индивидуализации порождает серьезную правовую коллизию: с одной стороны, киберсквоттинг очевидно нарушает имущественные и неимущественные права заинтересованных лиц, с другой – пострадавшие от него лица лишены эффективного процессуального инструментария для защиты своего нарушенного права. Действующее законодательство не содержит прямых

¹⁶¹ Постановление ФАС Поволжского округа от 07.07.2011 по делу № А57-10483/2010 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶² Камалова Г.Г. Проблемы противодействия злоупотреблению правом в информационной сфере // Правовая культура. – 2016. – № 4 (27). – С. 120-121.

норм, позволяющих квалифицировать домен как объект, подлежащий правовой охране наравне, например, с товарным знаком или коммерческим обозначением, что существенно осложняет судебную перспективу подобных споров.

Отсутствие легальной квалификации доменного имени в качестве средства индивидуализации влечет за собой неопределенность в определении материально-правовой природы объекта спорного правоотношения, что деструктивно влияет на формирование как предмета иска, так и предмета доказывания по делу. Истец лишается возможности четко обозначить, на какой именно объект гражданских прав посягает ответчик, а суд – установить юридически значимые обстоятельства, подлежащие включению в предмет доказывания, поскольку отсутствует нормативно закрепленный перечень признаков, позволяющих идентифицировать доменное имя в качестве охраняемого законом объекта.

Обзор судебной практики по делам о доменных спорах позволяет констатировать наличие устоявшихся подходов к формированию исковой аргументации. Истцы, инициируя судебное разбирательство, как правило, выстраивают свою правовую позицию на двух концептуальных основаниях: во-первых, на доказывании факта смешения доменного имени с товарным знаком истца, что создает угрозу введения потребителей в заблуждение относительно принадлежности средства индивидуализации; во-вторых, на квалификации действий ответчика в качестве акта недобросовестной конкуренции, противоречащего антимонопольному законодательству и принципам добропорядочного делового оборота.

Мотивация судов по данной категории дел базируется на квалификации нарушения исключительного права на товарный знак, которое выражается в фактическом использовании доменного имени, тождественного или сходного до степени смешения с охраняемым средством индивидуализации, применительно к товарам, однородным тем, для которых товарному знаку предоставлена правовая охрана. Однако в указанном случае возникает принципиальный вопрос о констатации факта правонарушения со стороны владельца домена в ситуации,

когда на соответствующем интернет-сайте отсутствует какая-либо информация о товарах. Поскольку товарный знак по своей правовой природе призван индивидуализировать конкретные товары (работы, услуги), при их фактическом отсутствии применение конструкции смешения утрачивает нормативное обоснование. В связи с указанной коллизией суды, как демонстрирует анализ практики, преимущественно смещают акцент в сторону квалификации действий ответчика как акта недобросовестной конкуренции, что позволяет преодолеть ограничения института товарных знаков в доменных спорах.

В качестве примера стоит привести постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2024 г. № 09АП-27822/24 по делу № А40-14947/2024. ООО «Айтистандарт» обращалось в суд с иском к Зыкову Олегу Владимировичу о запрете использования доменного имени, считая его сходным до степени смешения с их товарным знаком. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, и апелляционная инстанция оставила это решение в силе. Важным фактором стало то, что доменное имя было зарегистрировано Зыковым еще в 2000 году, до регистрации товарного знака «Айтистандарт». При этом суд посчитал, что «Айтистандарт» не предоставил достаточных доказательств нарушения своих прав, а действия ответчика не содержат признаков недобросовестной конкуренции¹⁶³.

Также показательным является постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2024 г. № 09АП-58479/24 по делу № А40-192727/2023. Суд оставил без изменений решение Арбитражного суда города Москвы от 2 августа 2024 года, отказавшего в удовлетворении иска индивидуального предпринимателя Савиной Елены Борисовны к Соколовой Софье Владимировне о защите исключительных прав на товарный знак «AllPhoto.ru». Истец утверждала, что ответчик незаконно использует ее товарный знак в доменном имени и на сайте, просила прекратить использование,

¹⁶³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2024 г. № 09АП-27822/24 по делу № А40-14947/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

передать права на домен и выплатить компенсацию. Суд апелляционной инстанции посчитал, что истец не предоставила достаточных доказательств недобросовестной конкуренции со стороны ответчика. В частности, не доказано, что действия ответчика приводят к смешению товарных знаков или наносят ущерб истцу¹⁶⁴.

Следовательно, в делах о киберсквоттинге прослеживается двойственная природа судебного разбирательства: предметом доказывания выступают как нарушение исключительных прав истца на товарный знак, так и наличие в действиях ответчика признаков недобросовестной конкуренции. Представляется, что в процессе разрешения данной категории споров судами была осуществлена адаптация (интерпретационная конкретизация) действующих законодательных норм применительно к специфике рассматриваемых правоотношений.

По нашему мнению, правовой статус доменного имени, выступающего ключевым элементом административной автономии в сети «Интернет» и основополагающим инструментом реализации частноправовых отношений в цифровой среде, характеризуется недостаточной степенью нормативной определенности. Указанный пробел в законодательном регулировании, в свою очередь, оказывает существенное влияние на процесс разрешения споров, возникающих вследствие недобросовестного использования интернет-пространства. Является целесообразным наделить доменное имя статусом средства индивидуализации путем дополнения ст. 1225 ГК РФ и гл. 76 ГК РФ соответствующими положениями касательно его правового статуса и особенностей охраны.

В рамках исследования доказательств, полученных из цифровой среды, помимо ранее рассмотренных скриншотов, представляется необходимым выделить специфические виды доказательств, обладающие самостоятельной доказательственной ценностью. Так А.Д. Кундич среди электронных

¹⁶⁴ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2024 г. № 09АП-58479/24 по делу № А40-192727/2023 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

доказательств выделяет электронные документы, сообщения электронной почты, аудио- и видеозаписи, информация с сайтов и социальных сетей, метаданные и лог-файлы¹⁶⁵. Также, Ю.А. Свирин справедливо отмечает, что в доктрине не решен вопрос о признании «цифровых данных» в качестве доказательств¹⁶⁶.

Все доказательства, полученные из цифровой среды, имеют разный правовой статус и значение в рамках рассмотрения дела. Помимо ранее рассмотренных электронных документов и электронных сообщений следует классифицировать следующие виды таких доказательств, в частности в зависимости от формы представления:

1) Аудио- и видеозаписи. Записи разговоров, видеоконференций, событий, происходящих в цифровой среде, которые хранятся в электронном виде. Они могут фиксировать не только содержание коммуникации, но и обстоятельства, сопровождающие событие (дата, время, место). Специфика аудио- и видеозаписей как доказательств, полученных в цифровой среде, придает им преимущественно вспомогательное значение, поскольку посредством указанных средств зачастую обеспечивается дублирование (верификация) ранее представленных доказательств. Как отмечает М.Н. Зарубина, предоставляя аудио- и видеозаписи на электронных или иных носителях, лицо обязано не только сообщить, когда, кем и при каких условиях они произведены, но и указать на отсутствие у них личного характера¹⁶⁷. Иллюстрацией использования аудио- и видеоматериалов в качестве доказательств по интернет-спорам служит Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2025 № 10АП-6432/25 по делу № А41-98213/2024. В рамках данного дела ответчик обосновывал свою позицию,

¹⁶⁵ См.: Кундич А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе // Этносоциум и межнациональная культура. – 2025. – № 7 (205). – С. 39–40.

¹⁶⁶ См.: Арбитражный процесс: учебник / Ю.А. Свирин. – М: КНОРУС, 2021. – С. 402.

¹⁶⁷ См.: Зарубина М.Н. Применение электронных доказательств в цивилистическом процессе / М.Н. Зарубина, И.Н. Бартош // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2023. – № 5(53). – С. 12.

приобщив к материалам скриншоты с электронных устройств и видеозаписи, зафиксировавшие факт проведения групповых онлайн-встреч¹⁶⁸.

2) Лог-файлы и метаданные. Это техническая информация, автоматически создаваемая электронными системами. Логи содержат сведения о действиях пользователей, времени входа и выхода, изменениях файлов. Метаданные могут указывать на дату создания, автора, историю изменений электронного документа¹⁶⁹.

3) Данные с электронных носителей. Жесткие диски, флеш-накопители, карты памяти, облачные хранилища – все эти устройства могут содержать файлы, документы, переписку, которые используются в качестве доказательств.

В рамках рассмотрения споров по интернет-деликтам представляется целесообразным проведение углубленного анализа метаданных как особого вида судебных доказательств. Метаданные представляют высокую исследовательскую ценность в рамках темы исследования, в связи с их неоспоримой специфичностью, которая выражается в способности объективно фиксировать технические характеристики, хронологию, авторство и цепочку модификаций цифрового объекта.

В российском законодательстве отсутствует единое для всей правовой системы понятие метаданных. К примеру, Национальный стандарт Российской Федерации «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных Дублинское ядро» (ГОСТ Р 7.0.10–2010) представляет следующее определение: «Метаданные (metadata) – структурированные данные, характеризующие информационный ресурс для целей его идентификации, поиска и управления им»¹⁷⁰. В другом Национальном стандарте «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому

¹⁶⁸ См.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2025 г. № 10АП-6432/25 по делу № А41-98213/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁶⁹ См.: Левенкова Е.С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 481–483.

¹⁷⁰ См.: ГОСТ Р 7.0.10-2010. Набор элементов метаданных Дублинское ядро. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084835> (дата обращения: 02.02.2026).

делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утвержден Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) понятие метаданных представлено несколько иначе: «Данные, описывающие контекст, содержание, структуру документов, обеспечивающие управление документами в информационной системе»¹⁷¹. Более краткое определение метаданных дает ст. 33 Закона Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности», согласно которой метаданные включают в себя информацию об основных характеристиках данных и копий данных¹⁷².

Таким образом, определение метаданных вступает в зависимость от регулируемых правовых отношений. Анализируя позицию ученых и вышеуказанные нормативно-правовые акты стоит отметить, что в очень узком понимании метаданные представляют из себя информацию о другой информации, или данные, относящиеся к дополнительной информации о содержимом или объекте. Вместе с тем, единое и четкое определение метаданных отсутствует даже у ученых в области информатики. Так, Т.Ф. Берестова отмечает, что явление метаданные – разнородно, а термин метаданные – многозначен (полисемичен)¹⁷³.

По сути метаданные представляют из себя уникальные цифровые следы активности интернет-пользователей, а именно: дата и время отправки, заголовок, адрес отправителя, адрес получателя, тип вложения, его объем и прочие характеристики, то есть информация, которая сопутствует содержанию¹⁷⁴.

По мнению Ю.А. Свирина, метаданные являются своеобразными «данными о данных», отображают информацию о создаваемых данных: место,

¹⁷¹ См.: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.10.2013 № 1185-ст «Об утверждении национального стандарта» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁷² См.: Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁷³ См.: Берестова, Т.Ф. Что скрывается за термином «метаданные»? / Т. Ф. Берестова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 1(49). – С. 10

¹⁷⁴ См.: Смирнов С. Метаданные: цифровые следы, которые мы (почти) не замечаем // Теплица социальных технологий. [Электронный ресурс] URL: <https://te-st.ru/2020/02/12/metadata/> (дата обращения: 10.02.2026).

время, автора¹⁷⁵. Роль метаданных в регулировании деликтных правоотношений в сети «Интернет» проявляется в двух основных аспектах: материально-правовом и процессуальном. В материально-правовом смысле метаданные, выступая в качестве цифрового следа пользователя, позволяют осуществить его идентификацию и, соответственно, относятся к категории персональных данных. В процессуальном аспекте метаданные приобретают значение самостоятельного доказательства, подлежащего исследованию и оценке при рассмотрении дела.

Анализ метаданных в материально-правовом аспекте, осуществляемый сквозь призму института персональных данных, закономерно актуализирует вопрос о соотношении рассматриваемого феномена с концепцией Big Data (больших данных). Наиболее подходящее определение Big Data, которое упоминает С.В. Мкртычев, основано на правилах трех V (Volume, Velocity, Variety) и звучит следующим образом: «Big Data – это большие объемы (Volume), высокоскоростные (Velocity) и/или вариативные (Variety) информационные активы, которые требуют эффективных с точки зрения затрат, инновационных форм обработки информации, обеспечивающих улучшенное понимание, принятие решений и автоматизацию процессов»¹⁷⁶.

В контексте правового регулирования Big Data, центральной проблемой выступает коллизия между коммерческими интересами субъектов предпринимательской деятельности и императивами обеспечения правовых режимов защиты информации, в том числе правами субъектов персональных данных.

В настоящее время отношения в области Big Data косвенно регулируются ФЗ «О защите персональных данных» и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». При этом каких-либо правовых норм,

¹⁷⁵ См.: Арбитражный процесс: учебник / Ю.А. Свирин. – М: КНОРУС, 2021. – С. 401.

¹⁷⁶ См.: Мкртычев С.В. Big data: подходы к определению и классификации // Информационные технологии в моделировании и управлении: подходы, методы, решения : III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Тольятти, 21–23 апр. 2020 г.). Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2021. – С. 255.

детерминирующих «Большие данные» и устанавливающих правила их регулирования, в законодательстве Российской Федерации, практически нет.

Ранее в российском правовом поле предпринимались попытки узаконить Big Data, но соответствующие законопроекты от 2018 г. и 2020 г. подверглись критике и не были приняты Государственной Думой Российской Федерации. Так, законопроект от 2020 г. был отклонен по причинам отсутствия в нем разграничения обезличенных данных и персональных данных, а также широкой формулировки «Больших данных», в связи с чем под указанное определение попадала любая общедоступная информация, а в реестре операторов мог быть зарегистрирован любой человек, имеющий доступ хоть к какой-то информации¹⁷⁷.

Наряду с отсутствием должного правового регулирования институт «Больших данных», работа с Big Data влечет для субъекта, обрабатывающего такие данные, риски, связанные с конфиденциальностью, потерей данных и мошенничеством. Встает очевидный вопрос о том, какую ответственность будет нести лицо, из базы данных которого были неправомерно заимствованы огромные массивы информации о пользователях/третьих лицах.

Дефиниция действующего законодательства о персональных данных предусматривает гражданскую, административную и уголовную ответственность за нарушение прав субъектов персональных данных, правил обработки персональных данных, а также требований к защите персональных данных.

Как было отмечено ранее, в российских судах сложилась практика объективного вменения вины за утечку персональных данных.

Также, в настоящее время отсутствует как правовая норма, так и устоявшаяся судебная практика, которые бы давали нам ответ о том, что входит в состав персональных данных. Тем более, важным аспектом архитектуры технологий больших данных является обработка и хранение метаданных (таких

¹⁷⁷ См.: Правительство отклонило законопроект Минкомсвязи о больших данных. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/03/27/826513-pravitelstvo-otklonilo-zakonoproekt> (дата обращения: 08.09.2025)

как IP-адреса, cookie-файлы) и цифровых следов пользователей, которые признаются наиболее рискообразующими объектами в контексте обеспечения защиты персональных данных.

Проводимый анализ позволяет констатировать, что правовой режим, регулирующий отношения в области персональных данных, и правовая природа обработки «Больших данных» демонстрируют существенную смысловую и нормативную дивергенцию. Более того, дух «Больших данных» вступает в системное противоречие с буквальными предписаниями действующего законодательства о защите персональных данных. Так, по мнению А.И. Савельева существующие законодательные ограничения по обработке персональных данных исключительно в соответствии с первоначально заявленными целями обработки, а также недопустимость объединения различных баз данных с первоначально заявленными и несовместимыми между собой целями обработки, вступает в противоречие с существующей технологией и бизнес-практиками, поскольку оно нивелирует те преимущества, которые предоставляют технологии «Больших данных»¹⁷⁸. По нашему мнению, действующие правовые нормы, регулирующие рассматриваемые нами правоотношения, создают деликтообразующие риски для организаций и предприятий, использующих технологию Big Data, в связи с дивергентностью правового духа Big Data и буквальным толкованием закона.

Дальнейшее развитие института «Больших данных» детерминировано необходимостью учета позитивного зарубежного опыта в области его правового регулирования. Так, в законодательстве Европейского союза «Большие данные» не выделены в отдельную категорию, но значительно расширено понятие персональных данных: они включают любую информацию об идентифицированном или идентифицируемом физическом лице, которая позволяет прямо или косвенно определить это лицо, включая имя,

¹⁷⁸ См.: Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху "Больших данных" (Big Data) / А. И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 55; Общий регламент по защите данных (GDPR). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (дата обращения: 05.03.2026).

местоположение, онлайн-идентификаторы, характеристики физической, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной и социальной идентичности этого человека¹⁷⁹.

Подводя итог, стоит сказать, что право на неприкосновенность частной жизни в реалиях развития информационных технологий во многом морально устарело, а правовое регулирование защиты информации требует изменений. Сложная архитектура технологии Big Data делает вызов действующему законодательству Российской Федерации в сфере защиты персональных данных. Современный уровень нормативного регулирования создает риски как для организаций, непосредственно реализующих технологию Big Data и обрабатывающих массивы информации о гражданах, так и для самих граждан, права которых могут быть нарушены вследствие незаконной обработки данных и утечки информации, что вызывает необходимость в четком определении правовой сущности и научно обоснованном решении на основе такового определения актуальных проблем правового регулирования «Больших данных» (Big Data).

В целях оптимизации правового регулирования цифровой среды представляется необходимым разработать комплексную государственную политику в области информационной безопасности, а также сформировать дифференцированный правовой режим для персональных и агрегированных массивов данных («Больших данных»).

Ключевым элементом такой реформы должна стать законодательная детализация критериев отнесения Big Data к персональным или обезличенным данным с последующей разработкой адекватных механизмов их защиты. Параллельно требуется установление специального режима гражданско-правовой ответственности хозяйствующих субъектов. Данный режим должен быть направлен на минимизацию рисков, возникающих вследствие неправомерного доступа к данным, в том числе по обстоятельствам, не

¹⁷⁹ См.: Правовые режимы информации в эпоху больших данных: сравнительно-правовое исследование. М.: Издательская группа «Закон», 2021. – С. 15

связанным с виновными действиями (бездействием) оператора. Наконец, имплементация указанных мер должна обеспечивать баланс между интересами развития цифровой экономики и обеспечения гарантий информационной безопасности.

Возвращаясь к доказательственной функции метаданных, необходимо отметить их преимущественно вспомогательную роль: они служат инструментом для подтверждения иных доказательств. Метаданные идентифицируют электронный документ, включая такие сведения, как дата и время создания или изменения файла или документа, имя автора, дата и время отправки данных.

Так, в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 31.05.2023 № С01-202/2023 по делу № А63-10133/2022 отмечено, что вывод суда первой инстанции об авторе фотографии основан на совокупности доказательств: наличии у лица исходного файла в высоком разрешении и факте публикации снимка в сети Интернет (<https://p2beep.livejournal.com/43500.html>). На исходном файле произведения, выполненного в форме цифрового фотоизображения автором в порядке ст. 1257 ГК РФ были указаны сведения о себе, как об авторе произведения, в метаданных EXIF (дополнительной текстовой информации, содержащейся в специальных полях файла с цифровым фотоизображением)¹⁸⁰.

Судебное познание и установление фактических обстоятельств, формирующихся в цифровой среде, а также сопряженная с этим процессуальная деятельность по исследованию и оценке электронных доказательств представляют собой комплексную правоприменительную задачу, характеризующуюся повышенным уровнем сложности. Специфика виртуального пространства, техническая опосредованность следообразования и необходимость применения специальных знаний для верификации цифровых носителей информации объективно создают дополнительные познавательные барьеры в правоприменительном процессе. В силу указанных обстоятельств при

¹⁸⁰ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2023 г. № С01-202/2023 по делу № А63-10133/2022 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

исследовании цифровых доказательств (в частности метаданных) суды нередко прибегают к содействию экспертов и (или) специалистов.

Показательным примером является Решение Московского городского суда от 22 октября 2025 г. по делу № 3-0006/2025. ООО «Издательство ДЖЕМ» обратилось в суд с исковым заявлением о защите исключительных прав на музыкальное произведение и фонограмму «American boy», используемые в составе аудиовизуального произведения «Песни от всей души. Специальный новогодний выпуск. Эфир от 31 декабря 2023 г.» в сети «Интернет». Так как для правильного разрешения заявленного спора было необходимо установить идентичность фонограммы, смежные права на которую переданы истцу по договору, фактически размещенной на странице сайта в сети «Интернет», зафиксированной видео-захватом на CD-диске, представленном истцом, что требует наличие специальных познаний в области музыковедения, определением Московского городского суда от 22 ноября 2024 года по делу была назначена судебная музыкальная фонографическая экспертиза¹⁸¹.

Также подходящей иллюстрацией является определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 апреля 2025 г. по делу № 8Г-6576/2025. ООО «Мировые лазерные системы» требовало от ООО «Астериус» и Теряева С.С. удалить фотографии с сайта и выплатить компенсацию. По данному делу одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств являлось выяснение того, являются ли изображения, размещенные на сайте <https://anlaser.ru>, идентичными фотографиями, находящимися на USB-флеш-накопителе с фотографиями, размещенными на сайте <https://mlsgroup.ru>, являются ли изображения, размещенные на сайте <https://anlaser.ru> (сайт ответчика), скопированными с сайта <https://mlsgroup.ru> (сайт истца), подвергались ли спорные фотографии переработке, обработке, являются ли изображения, размещенные на сайте истца <https://mlsgroup.ru>, идентичными для соответствующих слоев с изображениями

¹⁸¹ См.: Решение Московского городского суда от 22.10.2025 по делу № 3-0006/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

деталей, расположенных в файле «Обработанные фотографии, psd». Несмотря на проведение по делу судебной экспертизы, суд апелляционной инстанции, не обладая необходимыми специальными познаниями, не согласился с выводами экспертного заключения. При этом, в нарушение процессуальных норм, вопрос о назначении повторной либо дополнительной экспертизы перед сторонами поставлен не был. Вместо этого суд положил в основу своего решения заключение специалиста, которое противоречило результатам судебной экспертизы. В связи с вышесказанным кассационный суд отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение¹⁸².

Стоит отметить, что в указанном деле, суд отдал предпочтение консультации специалиста вместо заключения эксперта. Представляется, что по делам, вытекающим из деликтных правоотношений в сети «Интернет», приоритетное доказательственное значение должно придаваться заключению эксперта. Данный вывод обусловлен тем, что экспертное исследование представляет собой процессуальную форму применения специальных знаний, результатом которой является комплексный и верифицируемый анализ обстоятельств, имеющих значение для дела. Напротив, консультация специалиста, будучи вспомогательным средством, может быть использована судом лишь для уяснения вопросов, не требующих проведения отдельного исследования, и не должна подменять собой экспертное заключение. В то же время консультация специалиста, оспаривающая экспертное заключение, может служить основанием для назначения судом дополнительной или повторной экспертизы.

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что по делам об интернет-деликтах судебная экспертиза выступает в качестве необходимого процессуального инструмента, обеспечивающего реализацию принципа всесторонности и полноты исследования доказательств. Дефицит

¹⁸² См.: Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2025 г. по делу № 8Г-6576/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

специальных познаний в области информационных технологий у суда определяет необходимость обращения к эксперту как носителю таких знаний. В структуре экспертных задач по данной категории дел выделяются: идентификация автора (субъекта) цифрового контента как результата интеллектуальной деятельности; анализ электронных документов и сообщений на предмет их содержательного сходства; диагностика признаков фальсификации доказательств; верификация подлинности и целостности цифровой информации, служащей доказательством по делу; а также решение иных задач. В этом плане представляется заслуживающим внимания предложение Е.А. Дашевской и Ю.А. Свирина о введении обязательной технической экспертизы цифровых доказательств¹⁸³.

В дополнение к традиционным средствам оценки судебных доказательств, в юридической доктрине на протяжении ряда лет обсуждается потенциал технологий искусственного интеллекта. Так, высказано мнение о возможности применения искусственного интеллекта для сферы моделирования проверки судебных доказательств (особенно электронных), а также для установления обстоятельств, имеющих значение для дела¹⁸⁴.

Однако, ученые критикуют возможность использования искусственного интеллекта в цивилистическом процессе. Так, по мнению С.Ф. Афанасьева искусственный интеллект не является частью социальной конструкции и, следовательно, не может в одинаковой мере имитировать рациональный и

¹⁸³ См.: Дашевская Е.И., Свирин Ю.А. Правовые проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве: доказательственные аспекты и пути совершенствования законодательства // Юридическая наука. – 2025. – № 9. – С. 279.

¹⁸⁴ См.: Зарубина М.Н. Формы использования искусственного интеллекта при принятии судебных актов в цивилистическом процессе: юридическая доктрина и критический анализ // Законность и справедливость: к 85-летию Санкт-Петербургского городского суда: сб. науч. ст. по результатам Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26 сентября 2025 года). – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 150.; Сахнова Т.В. Искусственный интеллект в Е-правосудии: очевидное и вероятное // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. – С. 15-29.

эмоциональный интеллект¹⁸⁵. К указанному выводу С.А. Семикина и А.В. Кружалова добавляют, что «принятие решений судебными органами – это область высокой сложности, где сложная правовая экспертиза сочетается с когнитивной и эмоциональной компетентностью», где роль ИИ состоит в облегчении работы судьи, секретаря судебного заседания и обеспечении «комфорта» иных участников процессуальных правоотношений¹⁸⁶. Д.В. Степанов отмечает, что основной проблемой искусственного интеллекта является неопределенность его правового статуса и большое количество оценочных категорий в гражданском процессуальном законодательстве¹⁸⁷.

По нашему мнению, в условиях текущего развития искусственного интеллекта его использование в цивилистическом процессе целесообразно исключительно в рамках решения вопросов «канцелярского» характера, не требующих морально-нравственной оценки того или иного обстоятельства.

Как упоминалось ранее, среди «специфических» видов доказательств можно выделить лог-файлы (файлы журнала). Лог-файл представляет из себя документ, в котором строка за строкой записываются события, происходящие в системе или программе. Каждое событие фиксируется в момент, когда оно произошло. Если метаданные традиционно определяются как «данные о данных» (информация, описывающая иные сведения), то лог-файлы выполняют иную функцию: они представляют собой регистрационную запись действий пользователя, формируя его цифровой след в информационно-телекоммуникационной сети.

В современном судопроизводстве лог-файлы, как и метаданные, уже не являются технической новинкой. Они представляют собой вполне устоявшийся

¹⁸⁵ См.: Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах применения искусственного интеллекта с точки зрения современной правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 25.

¹⁸⁶ См.: Семикина С.А. «пределы» искусственного интеллекта цивилистического процесса в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей / С.А. Семикина, А.В. Кружалова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 85.

¹⁸⁷ См.: Степанов Д.В. Возможность использования искусственного интеллекта в гражданском процессе // Еромен. Global. – 2023. – № 39. – С. 77.

и широко применяемый источник информации, играющий важную роль в процессе судебного познания и формирования доказательственной базы.

Представление лог-файлов в качестве доказательств по делу часто упоминается в судебных постановлениях. Так, Арбитражный суд г. Москвы в своем решении от 24 октября 2025 г. по делу № А40-199620/2025 указывает, что в обеспечение доказательств по делу ответчик представил в материалы дела документ «Лог-файл CMS «1С-Битрикс Управление сайтом» от 19.05.2021», которыми ответчик заверяет суд об удалении спорной фотографии в 2021 году¹⁸⁸.

Также иллюстрацией является дело № 2-537/2026 о взыскании неосновательного обогащения. Согласно решению, истец в доказательство самостоятельного перевода денежных средств ответчику представил в дело лог-файлы, подтверждающие вход в мобильное приложение АО «ТБанк»¹⁸⁹.

Предоставление лог-файлов в качестве доказательства встречается и в делах о распространении диффамационных сведений. Так, в решении Арбитражного суда Республики Татарстан от 26 декабря 2025 г. по делу № А65-32362/2025 указывается, что ответчик представил в суд лог-файлы журнала событий, подтверждающие внесение корректировки в новость, содержащуюся на сайте¹⁹⁰.

Очевидно, что метаданные и лог-файлы представляют собой лишь частные случаи в обширном реестре электронных доказательств, помимо них, к категории «специфичных» носителей информации, вовлекаемых в орбиту судебного познания, относится множество иных объектов. К их числу относится онлайн-сервис «Wayback Machine», который хранит исторические снимки веб-страниц. Данный сервис может использоваться в целях доказывания фактов

¹⁸⁸ См.: Решение арбитражного суда г. Москвы от 24.10.2025 г. по делу № А40-199620/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁸⁹ См.: Решение Ленинского районного суда г. Омска Омской области от 03.02.2026 г. по делу № 2-537/2026 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁹⁰ См.: Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 26.12.2025 по делу № А65-32362/2025 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

распространения в сети соответствующей информации, которая на момент судопроизводства подверглась изменению или удалению. Суды также подвергают исследованию и оценке такие доказательства. Например, в деле определения СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 декабря 2024 г. по делу № 8Г-35787/2024 указывается, что с помощью Wayback Machine было установлено размещение ответчиком на своем Youtube-канале видеоролика, порочащего честь и достоинство истца¹⁹¹.

Важным при рассмотрении дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», также является вопрос исследования и оценки судом сведений, размещенных на сайтах в сети «Интернет», доступ к которым запрещен или ограничен на территории Российской Федерации.

Начиная с 2012 г., путем вступления в силу федерального закона от 28.07.2012 № ФЗ-139 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет»¹⁹², функционирует Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее – Реестр запрещенной информации). Данная автоматизированная система обеспечивает полное блокирование трафика и разрыв соединения с запрещенными сайтами в российском сегменте сети «Интернет».

Информация, размещенная на подобных сайтах, представляет собой сложный объект как с позиции пользователя, стремящегося получить к ней

¹⁹¹ См.: Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 по делу № 8Г-35787/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

¹⁹² См.: Федеральный закон от 28.07.2012 № ФЗ-139 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

доступ, так и с точки зрения судопроизводства, где такие сведения подлежат исследованию и оценке в качестве доказательств.

При этом внесение сайта или его отдельной страницы в реестр запрещенной информации влечет за собой единственное юридическое последствие для субъектов правоотношений в сети «Интернет», а именно – возникновение у оператора связи обязанности по блокировке данного ресурса. Указанное обстоятельство (блокировка) само по себе не должно предопределять развитие частноправовых отношений сторон в цифровой среде, поскольку данные отношения регулируются иными нормами и принципами. Следовательно, ключевое значение приобретает разграничение публично-правовой (административной) и частноправовой природы возникающих связей.

Вместе с тем, тезис о процессуальной нейтральности блокировки интернет-ресурсов представляется ошибочным. Ограничение доступа к сайту напрямую вторгается в сферу доказывания по делу: видоизменяет порядок фиксации доказательств, может привести к утрате доказательственной базы и, как следствие, повлиять на возможность объективного судебного разбирательства. Суд также обременен «сомнениями» в связи с тем, что информация, подлежащая доказыванию, находится на запрещенном интернет-ресурсе.

Также, не совсем представляется ясным как суду исследовать и оценивать доказательства, полученные с сайтов, которые не были внесены в реестр запрещенной информации, но при этом доступ к ним ограничен. Так, многие известные интернет-ресурсы, как например YouTube, согласно сведениям с интернет-сервисов проверки ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», не внесены в реестр запрещенной информации¹⁹³. При этом доступ к таким сайтам без VPN-сервисов или других способов обхода блокировок

¹⁹³ См.: Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [Электронный ресурс] URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).

представляется невозможным, что в настоящее время является общеизвестным фактом.

Правоприменительная практика в целом исходит из понимания того, что блокировка интернет-ресурсов носит публично-правовой характер и сама по себе не предрешает вопросов в частноправовой сфере, хотя отдельные исключения из данного подхода все же встречаются. Достаточно занимательным является дело № СИП-1091/2024. Истцы, не согласившись с предыдущими судебными актами подали кассационную жалобу, в частности указав, что судом не были исследованы все имеющиеся в деле доказательства. Суд пришел к выводу, что доказательства, на которые ссылается представитель истцов представлены суду не были, при этом в исковом заявлении приведен список интернет-страниц, которые, по мнению истцов, подтверждают искомые обстоятельства. Суд в своем постановлении отмечает, что подавляющее большинство ссылок указывает на интернет-страницы на сайте www.youtube.com, самостоятельный осмотр которых в настоящее время судом затруднен¹⁹⁴.

Тот факт, что доступ суда к заблокированному интернет-ресурсу для его непосредственного обозрения объективно затруднен (а зачастую и вовсе невозможен), представляется очевидным (общеизвестным) и не нуждается в дополнительном доказывании. Вместе с тем, данное обстоятельство порождает комплекс теоретически значимых и практически востребованных вопросов, касающихся правовой квалификации действий по фиксации информации с такого ресурса и определения места полученных таким путем сведений в системе доказательственного права.

Представляется, что предложенная нами ранее законодательная новелла – введение категории «электронные доказательства» – должна быть дополнена процессуальной нормой, регламентирующей порядок работы со сведениями, доступ к которым ограничен. Так, в ФЗ «Об информации, информационных

¹⁹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 февраля 2026 г. № Ф06-8652/25 по делу № А12-32863/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

технологиях и о защите информации» фигурирует такой термин, как «Программно-аппаратные средства доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен».

В связи с вышесказанным, целесообразно законодательно закрепить право суда и участников процесса использовать программно-аппаратные средства доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, в целях доступа к таким ресурсам в случаях, когда это необходимо для исполнения судебных полномочий.

Рассмотрение дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», имеет свою специфику, обусловленную цифровой природой противоправного поведения. В том числе интернет-деликты могут иметь преступный характер. Круг таких преступлений достаточно широк. В частности, к ним относятся: фрод (мошенничество), клевета, вымогательство, неправомерный доступ к компьютерной информации, преступное нарушение интеллектуальных прав и др.¹⁹⁵.

Несмотря на преступный характер действий лиц, следствием которого является рассмотрение дела в порядке уголовного судопроизводства, требования по обязательствам вследствие причинения вреда и определение размера вреда являются предметом гражданского иска.

В рамках дел о возмещении вреда, причиненного в результате преступления, гражданский истец имеет дополнительные права, установленные Уголовным процессуальным кодексом Российской Федерации¹⁹⁶ (далее – УПК РФ), в частности, ст. 44 УПК РФ дает ему право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием; участвовать с

¹⁹⁵ См.: Дмитриева А.А., Лошкарев А.В. О некоторых видах преступлений в интернет-пространстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-4 (44). – С. 23–26; Москальков А.В. О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 199–208.

¹⁹⁶ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – ст. 4921.

разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя и т.п.

При рассмотрении указанных категорий деликтов закономерно возникает процессуальный вопрос о соотношении гражданского и уголовного судопроизводства, а именно являются ли требования по обязательствам вследствие причинения вреда предметом гражданского разбирательства или такие требования рассматриваются в порядке уголовного судопроизводства.

При рассмотрении такого гражданского иска в рамках уголовного дела одной из проблем является вопрос об их совместном рассмотрении в рамках одного дела. Указанную проблему Верховный Суд РФ разъяснил в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»¹⁹⁷ (далее – Постановление № 23). Согласно п. 27 Постановления № 23 суду в ходе судебного разбирательства надлежит принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу, с тем чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены, не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Также, как отмечает, М.С. Матейкович, гражданский иск в уголовном судопроизводстве имеет смешанную материально-правовую природу и сугубо уголовно-процессуальный порядок разрешения¹⁹⁸.

Следует заключить, что гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства рассматривается тем же составом суда, что и уголовное дело, а результаты его рассмотрения фиксируются в приговоре. Вопросы о возмещении гражданского иска могут быть переданы на рассмотрение гражданскому суду

¹⁹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Рос. газета. – 2020. – 23 окт.

¹⁹⁸ Матейкович М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 105.

исключительно в случае соответствующей мотивировки судебного органа, описанной в приговоре.

По нашему мнению, вопросы возмещения вреда, причиненного преступлениями в сети «Интернет» (включая реальный ущерб, упущенную выгоду и компенсацию морального вреда), не всегда могут быть рассмотрены судом в рамках уголовного дела с необходимой полнотой и всесторонностью. В еще меньшей степени к этому готовы органы предварительного расследования. Данный вывод обусловлен частноправовой природой указанных требований, что предполагает иной, отличный от публично-правового, механизм доказывания и оценки обстоятельств. Полагается, что такое законодательное решение и позиция Верховного Суда РФ во многом предписаны принципом процессуальной экономии.

По мнению Г.П. Панфилова, неполнота регламентации межотраслевого взаимодействия гражданской процессуальной и уголовно-процессуальной формы приводит к нарушению прав потерпевших от преступлений, поскольку удовлетворение их требований возможно лишь в случае доказывания фактов совершения преступления и причинения вреда конкретным лицом на основании повышенного уголовно-процессуального стандарта доказывания. Решение указанной проблемы может быть осуществлено путем предоставления гражданскому истцу дополнительных прав в процессе, которые позволят возложить на него риск недоказанности оснований гражданского иска, или с помощью допущения возможности существования конфликта между приговором и решением по спору о возмещении вреда, постановленным или принятым в отношении одного и того же лица, то есть изменения подхода законодателя к межотраслевой преюдиции судебных актов¹⁹⁹.

Тем не менее, гражданские дела, вытекающие из преступных действий лиц в сети «Интернет», обладают определенным набором характеристик, кроющихся в особенности совершения указанных преступлений. Рядовые граждане не

¹⁹⁹ См.: Панфилов Г.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Г.П. Панфилов. – М., 2026. – С. 10.

имеют достаточных знаний и умений (которыми могут обладать органы предварительного следствия) для самостоятельного «расследования» преступлений в области интернет – мошенничества, распространения вредоносных программ и иных деяний. На основании этого, лицам, желающим возместить вред, причиненный преступными действиями, необходимо обращаться в соответствующие органы с заявлением о возбуждении уголовного дела, а также тесно контактировать с ними в процессе расследования.

Следующим этапом судебного разбирательства являются судебные прения (ст. 190 ГПК РФ, ст. 164 АПК РФ), которые состоят из последовательных речей лиц, участвующих в деле и их представителей.

Процессуальное законодательство четко регламентирует порядок выступления лиц, участвующих в деле в судебных прениях. При этом в ГПК РФ и АПК РФ существует разница в очередности выступлений, в гражданском процессе право выступления после истца принадлежит ответчику, тогда как в арбитражном процессе следующим выступает третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора.

Судебные прения подытоживают мнения участвующих в деле лиц, позволяют сторонам создать акцент на тех обстоятельствах дела и доказательствах, которые они считают по результатам рассмотрения дела по существу ключевыми. При этом лица, участвующие в деле, могут высказать свое аргументированное мнение относительно того, являются ли представленные ранее доказательства относимыми, допустимыми, достаточными и достоверными. В том числе судебные прения реализует основополагающие принципы процесса – состязательности и равноправия сторон.

Важно, что стороны и третьи лица, их представители в ходе судебных прений, доказывая правильность своей позиции, анализируют аргументы

процессуального оппонента, раскрывают несостоятельность приводимых им доказательств²⁰⁰.

Также, лица участвующие в деле, их представители, имеют право выступить с репликами в связи со сказанным. Право последней реплики всегда принадлежит ответчику, его представителю. Следует иметь в виду, что реплика – это не дополнение, не продолжение основной речи, а самостоятельная речь. Таким образом, под репликой подразумевается речь, более сжатая, конкретная, затрагивающая лишь самые существенные для дела моменты.

Участники судопроизводства по-разному оценивают важность судебных прений, в то время как одни считают свою позицию полностью изложенной и отказываются от дальнейших выступлений, то другие заблаговременно и скрупулезно готовятся к этой стадии заседания. Так, в одном деле о распространении сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, истец ходатайствовал об объявлении перерыва в судебном заседании в целях подготовки к судебным прениям. Данное ходатайство было отклонено апелляционным судом и в последствии судом округа, поскольку с учетом неоднократных отложений судебного заседания у представителей истца имелась возможность подробно ознакомиться с материалами дела и подготовить свою правовую позицию по рассматриваемому спору²⁰¹.

Стоит отметить, что лица, участвующие в деле, их представители, не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании. При этом суд, во время или после судебных прений имеет право возобновить исследование доказательств и вернуться к рассмотрению дела по существу, если признает необходимым выяснить дополнительные обстоятельства (ст. 191 ГПК РФ, ст. 164, 165 АПК РФ).

²⁰⁰ См.: Иванова Т.В. Правовая аргументация: учебное пособие для вузов / Т.В. Иванова, О.В. Никитина. – М.: Юрайт, 2020. – С. 12.

²⁰¹ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.06.2025 № Ф02-1479/25 по делу № А33-7044/2023 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

Например, Суд по интеллектуальным правам, исследуя дело о нарушении интеллектуальных прав и недобросовестной конкуренции, пришел к выводу, что истцом не были представлены доказательства, на которые он указывает как неисследованные. Президиум Суда по интеллектуальным правам прослушал аудиопротокол последнего заседания по делу и не выявил того, что в судебных прениях стороны ссылались на соответствующие интернет-ссылки и ходатайствовали о возобновлении исследования доказательств²⁰².

Последним этапом судебного разбирательства является вынесение и объявление судебного акта. Вопросы принятия, изложения, содержания, объявления и обжалования решения суда регламентированы ст. 193 и гл. 16 ГПК РФ и гл. 20 АПК РФ.

При принятии решения суда обеспечивается тайна совещания судей. Решение принимается судьями в совещательной комнате, в которой находятся только лица, входящие в состав суда, рассматривающего дело. Присутствие иных лиц в совещательной комнате не допускается.

Ключевым условием вынесения законного и обоснованного судебного решения является правильное применение норм материального права в совокупности с тщательным исследованием доказательств. Как справедливо отмечает М.В. Залоило, цифровая трансформация вносит фундаментальные изменения в национальный правовой порядок России. Это выражается не только в расширении сферы правового регулирования, но и в изменении соотношения его отраслей: процессуальное право, по мнению автора, в перспективе способно занять доминирующее положение по отношению к праву материальному²⁰³.

В стези указанного мнения стоит упомянуть о спорном для российского права судебном прецеденте. В современной российской юридической науке

²⁰² См.: Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.11.2025 № С01-1090/2025 по делу № СИП-1091/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. – правовой системы «Гарант».

²⁰³ Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 206.

возникает немало дискуссий по поводу значения и роли судебного прецедента в российском праве. Как известно, российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, в которой основным источником права является закон (нормативный правовой акт). В то же время прецедент в странах данной правовой семьи не является источником права, а то есть не создает норму права. Однако некоторые ученые-правоведы отрицают данную точку зрения и признают судебный прецедент источником права²⁰⁴, либо говорят о значимой роли прецедента в российской правовой действительности²⁰⁵.

Для начала стоит разобраться в понятии судебного прецедента. Принято считать, что судебным прецедентом является решение суда по конкретному делу, имеющее силу источника права (то есть устанавливающее, изменяющее или отменяющее правовые нормы). Однако прецедент понимается по-разному в отдельных правовых системах. Например, в Великобритании судебный прецедент строго обязателен, имеет принудительный характер, в Швейцарии же суд при определенных обстоятельствах «может действовать так, как если бы он был законодатель»²⁰⁶. Говорить о наличии классического судебного прецедента в его понимании странами общего права в Российской Федерации не имеет смысла, но если рассматривать судебный прецедент шире, то можно вести речь о его присутствии в российской правовой системе.

Прецедент как источник права в странах романо-германской правовой семьи формально не признается, но фактически используется²⁰⁷. Так, в РФ есть множество судебных актов, которые не являются источниками права, но влияют на существующие правоотношения.

²⁰⁴ См.: Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2004. - № 12. – С. 27-30.

²⁰⁵ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. – С. 118.

²⁰⁶ См.: The Swiss Civil Code of 10 December 1907. (Status as of 1 January 2026) English Version. Art. 1. [Электронный ресурс] – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения 01.03.2026).

²⁰⁷ Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. – 2006. – № 6 (114). – С. 105.

Так, роль прецедента в некотором смысле выполняют постановления Пленумов Верховного суда по отдельным вопросам правоприменения. Руководящая роль толкования правовых норм в данных постановлениях, а также Обзоров судебной практики, утвержденной Президиумом Верховного суда России, закреплена ст. 126 Конституции России.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ не только заполняют пробелы в законодательстве, но и обеспечивают единство судебной практики. Важность постановлений Пленума Верховного Суда РФ отмечена пп. «б» п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении», в котором сказано, что суду следует учитывать постановления Пленума Верховного Суда РФ, принятые на основании ст. 126 Конституции РФ и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих к применению в данном деле. Тем не менее Постановления Пленума Верховного Суда РФ чаще называют актами толкования, которые не создают новых правовых норм. Как утверждал Д.И. Мейер, толкование не должно выходить за рамки буквального содержания толкуемой нормы, ибо «всякое толкование закона, придающее словам его смысл, которого они не выражают, будет не толкованием, а искажением закона»²⁰⁸.

Применительно к рекомендательному характеру Постановлений Пленума Верховного Суда РФ также есть мнение Е.Г. Стрельцовой о том, что «проблема судебской независимости – это не только гарантии, предоставляемые государством, но и гарантии независимости от вышестоящих судов»²⁰⁹.

Тем не менее, трудно отрицать тот факт, что судебный прецедент в Российской Федерации, не создавая напрямую правовую норму, формирует некое правило поведения среди участников (в первую очередь

²⁰⁸ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: «Статут», 2003. - С. 57.

²⁰⁹ См.: Стрельцова Е.Г. Задачи вышестоящих судов // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М., 2006. – С. 410.

профессиональных) цифровых правоотношений. Субъекты правоотношений в сети «Интернет» в целях прогнозирования и минимизации рисков ориентируются не только на правовые нормы, но и их реализацию в процессе правоприменения, а также на разъяснения Верховного Суда РФ. Сложность и новизна регулирования цифровой сферы делают обращение субъектов к судебной практике не просто желательным, а вполне закономерным и оправданным шагом для понимания своих прав и обязанностей.

Отдельные аспекты применения норм материального и процессуального права, регулирующих цифровые правоотношения, получили свое разъяснение в судебных актах Верховного Суда РФ, среди которых: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и др.

Таким образом, судебное решение является не только актом правоприменения, но и в некоторой части судебным прецедентом, который устанавливает правоотношения между субъектами цифрового пространства.

В итоге, анализ судебной практики по делам, связанным с правонарушениями в сети «Интернет», свидетельствует о преодолении судами (как общей юрисдикции, так и арбитражными) «архаичности» доказательственного права. Преодолевая (зачастую с трудом) отмеченные правоведами²¹⁰ проблемные аспекты цифровых технологий в цивилистическом процессе, суды активно интегрируют в орбиту доказывания разнородные

²¹⁰ См.: Свирин Ю.А. Цифровые технологии в цивилистическом процессе // Реализация социальных прав и свобод человека и гражданина с использованием искусственного интеллекта : Материалы Международной научно-практической конференции (27 мая 2022 г.), Москва, 27 мая 2022 года. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – С. 114-118.

электронные источники: от сведений, полученных посредством онлайн-сервисов, до метаданных и лог-файлов. Вместе с тем, специфика цифровой природы таких доказательств обуславливает повышенные требования к проверке их достоверности и зачастую вызывает затруднения в рамках стандартной судебной процедуры. Учитывая изложенное, назначение судебной экспертизы в подобных категориях дел является не просто допустимым, а необходимым условием для всестороннего и полного установления фактических обстоятельств, поскольку позволяет квалифицированно интерпретировать техническую информацию.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное анализу процессуальных особенностей рассмотрения дел, вытекающих из недобросовестного использования сети «Интернет», позволило сформулировать ряд выводов, касающихся современного состояния и вектора развития отечественного цивилистического процесса в условиях цифровизации общественных отношений.

В ходе изучения предмета настоящего исследования сформулировано понятие сети «Интернет» и осуществлена систематизация основных категорий споров, вытекающих из деликтных обязательств в указанной информационно-телекоммуникационной среде.

Сеть «Интернет» выступает не просто новым средством коммуникации или способом фиксации юридически значимых действий, но формирует особую среду правоотношений, где классические категории субъекта, объекта, времени и места правонарушения подвергаются существенным изменениям.

Анализ стадийного движения гражданских дел данной категории в суде первой инстанции выявил устойчивую закономерность: эффективность судебной защиты на каждом этапе процесса лимитируется степенью адаптированности процессуального инструментария к специфике цифрового деликта.

Подсудность споров, вытекающих из деликтных обязательств в сети «Интернет», характеризуется широкой компетенций и предусматривает возможность их рассмотрения как судами общей юрисдикции, арбитражными судами, так и специализированными судами, в частности Московским городским судом и Судом по интеллектуальным правам. Вместе с тем представляется, что компетенция указанных специализированных судов не охватывает всей совокупности соответствующих правоотношений.

Институт определения надлежащего ответчика в условиях анонимности и особенности ответственности информационного посредника трансформируется

из технико-юридической процедуры в самостоятельную правовую проблему, от решения которой зависит доступность правосудия по рассматриваемым делам.

Отсутствие законодательной определенности в вопросах допустимости, относимости и достоверности сведений, полученных из сети «Интернет», а равно невключение категории «электронные доказательства» в перечень средств доказывания, закрепленный ст. 55 ГПК РФ и ст. 66 АПК РФ, обуславливает формирование противоречивой правоприменительной практики, в особенности применительно к требованиям о надлежащем удостоверении распечаток, полученных из сети «Интернет».

Центральное место в судебном разбирательстве занимают вопросы исследования и оценки доказательств, полученных из цифровой среды. Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что суды сталкиваются с специфичными доказательствами: скриншоты, аудио- и видеозаписи, метаданные, лог-файлы, сведения из онлайн-сервисов и т.д. В связи с этим особую значимость приобретает назначение судебной экспертизы по делам об интернет-деликтах. Сложность установления авторства цифрового контента, идентификации признаков фальсификации, верификации подлинности метаданных объективно требует применения специальных знаний.

Комплексное исследование нормативно-правовой базы, положений цивилистической доктрины и материалов правоприменительной практики по спорам, вытекающим из недобросовестного использования сети «Интернет», позволяет констатировать отсутствие выраженной динамики в развитии законодательства Российской Федерации в части регламентации гражданских правоотношений, осложненных цифровым элементом, а также соответствующего сегмента процессуального права. Вместе с тем, отсутствие такой динамики касательного правового регулирования указанных правоотношений обусловлено в первую очередь позитивными элементами правовой политики государства. Опережающая и недостаточно взвешенная адаптация процессуального права к текущей социально-экономической

конъюнктуре способна спровоцировать рост числа правовых коллизий и обусловить новые затруднения в практике реализации норм законодательства.

Представляется целесообразным осуществление точечной модернизации законодательства, направленной на изменение тех правовых норм, архаичный характер которых получил надлежащее подтверждение в доктринальных источниках и материалах судебной практики, а отсутствие адекватного нормативного регулирования таких норм влечет возникновение проблемных аспектов правоприменения.

В условиях недостаточной нормативной урегулированности цифровых правоотношений возрастает роль судебного толкования. Разъяснения Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики и правовые позиции по конкретным делам фактически выполняют функцию восполнения пробелов законодательства, формируя ориентиры для участников интернет-отношений и обеспечивая относительное единообразие правоприменения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1.1. Международные правовые акты

1. Общий регламент по защите данных (GDPR). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (дата обращения: 05.03.2026).

1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2026).

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации». – СЗ РФ. – 1997. – № 1. ст. 1.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 30, ст. 3012.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5, ст. 410.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. I), ст. 5496.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I), ст. 1.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921.

11. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» // Рос. газета. – 1992. – 29 июля.

12. Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» // Российская газета. – 1993. – 6 окт. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». СЗ РФ. – 2001. – № 23, ст. 2291.

14. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 12, ст. 1232.

15. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3434.

16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3448.

17. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3451.

18. Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» // СЗ РФ. – 2012. – № 31, ст. 4328.

19. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // СЗ РФ. – 2013. – № 27, ст. 3479.

20. Федеральный закон от 22.06.2024 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. – № 26, ст. 3560.

1.2. Зарубежные правовые акты

21. The Swiss Civil Code of 10 December 1907 (Status as of 1 January 2026). – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения: 01.03.2026).

1.3. Правовые акты, утратившие силу

22. Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу) // СЗ РФ. – 1995. – № 8, ст. 609.

1.4. Иные официальные документы

23. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024) // Рос. газета. – 1993. – 13 марта.
24. ГОСТ Р 7.0.10–2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных Дублинское ядро. – Москва: Стандартинформ, 2010. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084835> (дата обращения: 02.02.2026).
25. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.10.2013 № 1185-ст «Об утверждении национального стандарта». – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

26. Абушенко, Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе / Д.Б. Абушенко. – Москва: Норма, 2002. – 176 с.
27. Агаларова, М.А. Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве / М.А. Агаларова; под О.В. Исаенковой. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 150 с.
28. Арбитражный процесс: учебник / Ю.А. Свирин. – Москва: КНОРУС, 2021. – 530 с.

29. Боннер, А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – Москва: Проспект, 2014. – 616 с.

30. Вацковский, Ю.Ф. Доменные споры. Защита товарных знаков и фирменных наименований / Ю.Ф. Вацковский. – Москва: Статут, 2009. – 190 с.

31. Ильинская Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе / И.М. Ильинская, Л.Ф. Лесницкая; Всесоюз. ин-т юрид. наук. - Москва: Юрид. лит., 1964. – 163 с.

32. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под редакцией О.В. Исаенковой – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 183 с.

33. Комарова, Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства / Т.А. Комарова. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2020. – 160 с.

34. Кондратьева, Е.А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны / Е.А. Кондратьева. – Москва: Статут, 2014. – 160 с.

35. Халатов, С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе / С.А. Халатов. – Москва: НОРМА, 2002. – 205 с.

36. Шакарян, М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права / М.С. Шакарян. – Москва: ВЮЗИ, 1970. – 214 с.

2.2. Учебная и справочная литература

37. Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2017. – 752 с.

38. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. Москва: Статут, 2010. – 570 с.

39. Власов, А.А. Гражданский процесс: учебник для вузов / А.А. Власов. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2026. – 430 с.

40. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. Москва: Городец, 2007 – 720 с.

41. Гражданский процесс: учебник / 2-е изд.; под ред. С.В. Никитина. – Москва: РГУП, 2024. – 582 с.
42. Гражданский процесс: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Коваленко, д-ра юрид. наук, проф. А.А. Мохова, д-ра юрид. наук, проф. П.М. Филиппова. – Москва: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2008. – 448 с.
43. Гражданский процесс: учебник / С.Ф. Афанасьев, Л.В. Борисова, А.В. Габов [и др.]; под ред. А.В. Габова, В.Г. Голубцова, С.Ж. Соловых; ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. – Москва: Статут, 2024. – 748 с.
44. Гражданское право: Учебник / Антокольская М.В., Богачева Т.В., Глушкова Л.И. и др. / под ред. А.Г. Калпина и А.И. Масляева; М-во образования Рос. Федерации. Моск. гос. юрид. акад. – 2. изд., перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2000 – Ч. 1. 2002. – 535 с.
45. Гражданское процессуальное право России: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Т. Боннер, Н.А. Громошина, Р.Е. Гукасян и др. / отв. ред. Шакарян М.С. – Москва: Былина, 1996. – 400 с.
46. Гражданское процессуальное право России: учебник / Н.Д. Эриашвили, Л.В. Туманова, П.В. Алексий. – 5-е изд. – Москва: Юнити-Дана, 2015. – 575 с.
47. Жуйков, В.М. Проблемы гражданского процессуального права / В.М. Жуйков. – Москва: Городец, 2001. – 285 с.
48. Жуйков, В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В.М. Жуйков. – Москва: Городец, 1997. – 320 с.
49. Иванова, Т. В. Правовая аргументация: учебное пособие для вузов / Т.В. Иванова, О.В. Никитина. – Москва: Юрайт, 2020. – 191 с.
50. Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под редакцией О.В. Исаенковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 208 с.

51. Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М.Ю. Лебедев. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 421 с.
52. Мейер, Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. – Изд. 3-е, испр. – Москва: Статут, 2003. – 829 с.
53. Мельников, А.А. Курс советского гражданского процессуального права: в 2-х томах / редкол.: А.А. Мельников (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1981. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. – 1981. – 463 с.
54. Наумов, В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века / В.Б. Наумов. – Санкт-Петербург, 2016. – URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf> (дата обращения: 26.01.2024).
55. Новый краткий словарь иностранных слов / отв. ред. Н.М. Семенова. – Москва: Русский язык медиа, 2005. – 793 с.
56. Осокина, Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть: учебное пособие / Г.Л. Осокина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 616 с.
57. Осокина, Г.Л. Право на защиту в исковом производстве / Г.Л. Осокина / под ред. В.Н. Щеглова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 160 с.
58. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / Е.Я. Баскаков [и др.] / под ред. И.К. Пискарева. – Москва: Городец, 2005. – 512 с.
59. Поляков, И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда / И. Н. Поляков. – Москва: Юрид. бюро «Городец», 1998. – 172 с.
60. Правовые аспекты использования интернет-технологий / Д.В. Головеров, А.С. Кемрадж, Д.В. Морозов [и др.] / под ред. А.С. Кемрадж, Д.В. Головерова. – Москва: Кн. мир, 2002. – 410 с.
61. Рассолов, И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. Москва: Изд-во «НОРМА». 2003. – 336 с.

62. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2025. – 416 с.

63. Решетникова, И.В. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2018. – 1054 с.

64. Савельев, А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А.И. Савельев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 466 с.

65. Саенко, Л.В. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: учебник для вузов / Л.В. Саенко, Л.Г. Щербакова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2026. – 286 с.

66. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т.В. Сахнова. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.

67. Свирин, Ю.А. Гражданский процесс / Ю.А. Свирин. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2023. – 724 с.

68. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Городец, 2004. – 272 с.

69. Шерстюк, В.М. Судебное представительство по гражданским делам / В. М. Шерстюк. - Москва: Изд-во МГУ, 1984. - 115 с.

70. Юзефович, В.Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста / В. Б. Юзефович. – Москва: Инфотропик Медиа, 2012. – 240 с.

2.3. Статьи в научных журналах и изданиях

71. Абдульманов, А.А. Характеристика сети Интернет и ее значение в системе информатизации общества / А.А. Абдульманов, И.С. Кузьмин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 76-79.

72. Алексеев, С.С. О составе гражданского правонарушения / С.С. Алексеев // Правоведение. – 1958. – № 1. – С. 47–53.

73. Алиев, Т.Т. Судейское усмотрение в цивилистическом процессе: теоретические и практические аспекты / Т.Т. Алиев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 6. – С. 26–29.

74. Алиусманов, Б.Э. Объекты интеллектуальных прав в сети Интернет и их правовая охрана / Б.Э. Алиусманов // Теория и практика современной юридической науки: материалы VIII всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15 апреля 2021 г.). – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. – С. 10–13.

75. Афанасьева, Н.П. Предварительное судебное заседание / Н.П. Афанасьева // Современное право. – 2008. – № 8. – С. 56–58.

76. Афанасьев, С.Ф. О некоторых аспектах применения искусственного интеллекта с точки зрения современной правовой политики / С.Ф. Афанасьев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 21–27.

77. Берестова, Т.Ф. Что скрывается за термином «метаданные»? / Т.Ф. Берестова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 1 (49). – С. 7–11.

78. Богданова, Е.А. Хозяйствующий субъект в конкурентном праве / Е.А. Богданова, Г.А. Сорокина, С.В. Старцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4-2(103). – С. 218–223.

79. Боннер, А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета / А.Т. Боннер // Закон. – 2007. – № 12. – С. 85–98.

80. Брежнева, Н.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве / Н.А. Брежнева, Н.М. Тулина // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III международной научной конференции (г. Казань, май 2015 г.). – Казань: Бук, 2015. – С. 77–79.

81. Вепрев, С.Б. Об ответственности провайдера при распространении информации в сети интернет / С.Б. Вепрев // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 1 (19). – С. 51–53.

82. Волков, А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве /

А.В. Волков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3 (20). – С. 44–50.

83. Воронцова, И.В. Проблемы аутентификации и идентификации электронных доказательств на примере судопроизводственных правил зарубежных стран / И.В. Воронцова, М.Н. Зарубина // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии. – Казань: Отечество, 2020. – С. 173–177.

84. Гончаров, А. И. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов / А.И. Гончаров, А.О. Иншакова, Д.Е. Матыцин // Юрист. – 2022. – № 2. – С. 15–28.

85. Грызунова, Е. В. Интернет-страница как доказательство / Е.В. Грызунова // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 4 (32). – С. 71–88.

86. Дашевская, Е.И., Свирин, Ю.А. Правовые проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве: доказательственные аспекты и пути совершенствования законодательства // Юридическая наука. – 2025. – № 9. – С. 279 - 284.

87. Дмитриева, А.А. О некоторых видах преступлений в интернет-пространстве / А.А. Дмитриева, А.В. Лошкарев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-4 (44). – С. 23–26.

88. Жарова, А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет / А.К. Жарова // Бизнес-информатика. – 2011. – № 3 (17). – С. 60–65.

89. Загидуллин, М.Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» / М.Р. Загидуллин // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 120–130.

90. Зайков, Д.Е. Претензионный (досудебный) порядок разрешения споров (по материалам судебной практики) / Д.Е. Зайков // Гражданин и право. – 2016. – № 7. – С. 84–91.

91. Зайцева, Н.В. Поведенческие стандарты в системе частноправовых отношений / Н.В. Зайцева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 1 (59). – С. 97–119.

92. Залоило, М.В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196–209.

93. Зарубина, М.Н. Применение электронных доказательств в цивилистическом процессе / М.Н. Зарубина, И.Н. Бартош // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2023. – № 5(53). – С. 11-15.

94. Зарубина, М.Н. Формы использования искусственного интеллекта при принятии судебных актов в цивилистическом процессе: юридическая доктрина и критический анализ / М.Н. Зарубина // Законность и справедливость: к 85-летию Санкт-Петербургского городского суда: Сборник научных статей по результатам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 сентября 2025 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2025. – С. 148-153.

95. Зорькин, В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

96. Иванов, А.Л. Об основаниях участия прокурора в гражданском судопроизводстве / А.Л. Иванов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2009. – № 2 (32). – С. 40–45.

97. Иванов, А.Л. Прокурор как лицо, участвующее в деле в российском гражданском судопроизводстве: проблемы определения правового статуса / А.Л. Иванов // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 84–87.

98. Ивуть, Н.И. Возбуждение гражданского дела в суде первой инстанции: понятие и сущность / Н.И. Ивуть // Управление в социальных и экономических системах. – 2015. – № 24. – С. 147–149.

99. Исаенкова, О.В. Нерешенные вопросы доказательств / О.В. Исаенкова. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

100. Исаенкова, О.В. Перспективы, цели и задачи современного цивилистического процесса и медиации в России / О.В. Исаенкова // *Bulletin of the Academy of Justice*. – 2023. – № 3. – С.77-84.

101. Камалова, Г.Г. Проблемы противодействия злоупотреблению правом в информационной сфере / Г.Г. Камалова // *Правовая культура*. – 2016. – № 4 (27). – С. 115–123.

102. Качмазова, Д.М. Предпосылки права на предъявление иска / Д.М. Качмазова, М.Я. Хубецов, Э.С. Бутаева // *Право и государство: теория и практика*. – 2024. – № 3 (231). – С. 356–358.

103. Кобзаренко, Е.М. Установление надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети Интернет / Е.М. Кобзаренко // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2022. – № 6 (149). – С. 146–155.

104. Котлярова, В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе / В.В. Котлярова // *Арбитражный и гражданский процесс*. – 2019. – № 6. – С. 37–42.

105. Краснова, С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве / С.А. Краснова // *Журнал российского права*. – 2003. – № 3. – С. 62–67.

106. Кузнецов, Е.Н. Относимость и допустимость доказательств по делам, связанным с применением технологии блокчейн / Е.Н. Кузнецов // *Вестник гражданского процесса*. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 84–104.

107. Кундич, А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе / А.Д. Кундич // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2025. – № 7 (205). – С. 39–45.

108. Кушхов, Р.А. Проблема соотношения кондикционного и деликтного требований о защите гражданских прав / Р.А. Кушхов // *Право и политика*. – 2006. – № 7. – С. 15–20.

109. Лазарев, В.В. Место и роль суда в правовой системе / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2014. – № 10 (214). – С. 17–30.

110. Ласкина, Н.В. Судебные представители – лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? / Н.В. Ласкина // Современное право. – 2010. – № 3. – С. 94–98.

111. Леанович, Е.Б. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом / Е.Б. Леанович // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 39–44.

112. Левенкова, Е.С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах / Е.С. Левенкова // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 481–483.

113. Летягина, Е.А. Процессуальные сроки в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы / Е.А. Летягина // Теория и практика гражданских правоотношений: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции по актуальным проблемам частно-правовых отношений (Красноярск, 21 декабря 2023 г.). – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 24–28.

114. Максименкова, Ю.А. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет / Ю.А. Максименкова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8 (224). – С. 80–83.

115. Малютина, О.А. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция: коллизия или конкуренция норм / О.А. Малютина // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 498–500.

116. Марченко, М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6 (114). – С. 96–107.

117. Маслова, Т.Н. Проблемы правового регулирования института замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве / Т.Н. Маслова // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV Всероссийской научно-практической

конференции (Краснодар, 18 февраля 2016 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 232–237.

118. Матейкович, М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика / М.С. Матейкович // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 103–118.

119. Медведев, И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) / И.Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 1. – С. 57–64.

120. Мкртычев, С.В. Big data: подходы к определению и классификации / С.В. Мкртычев // Информационные технологии в моделировании и управлении: подходы, методы, решения: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (Тольятти, 21–23 апреля 2020 г.). – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2021. – С. 253–258.

121. Москальков, А.В. О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет / А.В. Москальков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 199–208.

122. Незнамов, А.В. Особенности компетенции по рассмотрению Интернет-споров / А.В. Незнамов; науч. ред. В. В. Ярков. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

123. Новиков, Р.В. К вопросу о классификации обязательств и критериях их разграничения в доктрине гражданского права / Р.В. Новиков // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Пермь, 02 апреля 2020 г.). – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2020. – Т. I. – С. 86–89.

124. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.

125. Потапенко, Е.Г. Механизм определения компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел / Е.Г. Потапенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2026. – № 1(168). – С. 138-147.

126. Проскурякова, М.И. Персональные данные: российская и германская национальные модели конституционно-правовой защиты в сравнительной перспективе / М.И. Проскурякова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 84–98.

127. Рузанова, Е.В. Понятие обязательства вследствие причинения вреда / Е.В. Рузанова // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 5-2 (45). – С. 109–113.

128. Савельев, А.И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника / А.И. Савельев // Закон. – 2015. – № 11. – С. 48–60.

129. Савельев, А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) / А.И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–67.

130. Сахнова, Т.В. Доказательственное значение специальных познаний / Т.В. Сахнова // эж-Юрист. – 2004. – № 21. – С. 4–5.

131. Сафоненков, П.Н. Киберсквоттинг как объект правового регулирования / П.Н. Сафоненков, А.В. Зубач // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 103–109.

132. Свирин, Ю.А. Цифровые технологии в цивилистическом процессе / Ю.А. Свирин // Реализация социальных прав и свобод человека и гражданина с использованием искусственного интеллекта: Материалы Международной научно-практической конференции (27 мая 2022 г.), Москва, 27 мая 2022 года. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – С. 114-118.

133. Свирин, Ю.А. Усиление роли прокуратуры и ограничение принципа независимости судебной власти / Ю.А. Свирин, Н.В. Филиппов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 4(67). – С. 51-54.

134. Семикина, С.А. «пределы» искусственного интеллекта цивилистического процесса в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей / С.А. Семикина, А.В. Кружалова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 81-87.

135. Степанов, Д.В. Возможность использования искусственного интеллекта в гражданском процессе / Д.В. Степанов // Еромен. Global. – 2023. – № 39. – С. 74-80.

136. Стрельцова, Е.Г. Задачи вышестоящих судов / Е.Г. Стрельцова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вып. 1 / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. – Москва: Статут, 2006. – С. 408–411.

137. Стуконог, А.И. К вопросу о понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве / А.И. Стуконог // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97-6. – С. 92–94.

138. Терещенко, Л.К. Информационные посредники в российском праве / Л.К. Терещенко, О.И. Тиунов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6. – С. 46–51.

139. Комкова, Г.Н. Юридизация интернет-пространства как способ повышения информационно-коммуникативной культуры граждан / Г.Н. Комкова, Н.В. Тюменева, Е.Н. Тогузаева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 34, № 2. – С. 151-155.

140. Туманова, Л.В. Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения / Л.В. Туманова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 4(84). – С. 186-198.

141. Туманова, Л.В. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений: традиции и новации / Л.В. Туманова // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – № 3 (39). – С. 52–57.

142. Федулова, С.Н. Правовой статус представителя в гражданском процессе / С.Н. Федулова // Адвокатская практика. – 2013. – № 1. – С. 26–28.

143. Холодова, Е.И. К вопросу о соотношении понятий «суд», «мировые судьи» и «мировая юстиция» / Е.И. Холодова // Международное и отечественное право: сборник научных статей по итогам VI Севастопольского юридического форума (Севастополь, 22–23 сентября 2023 г.). – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. – С. 22–26.

144. Хужина, А.В. Правовая природа сети Интернет: вопросы регулирования / А.В. Хужина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – № 1. – С. 101-107.

145. Чекмарева, А.В. Некоторые вопросы подготовки дел к судебному разбирательству в свете изменений гражданского процессуального законодательства / А.В. Чекмарева // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева, Саратов, 14 сентября 2019 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 404-408.

146. Ченцов, Н.В. Реализация судебной власти при отправлении правосудия по гражданским делам / Н. В. Ченцов // Проблемы административного судопроизводства: Международная научно-практическая конференция, Тверь, 19 апреля 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», Юридический факультет. – Тверь: Тверской государственный университет, 2017. – С. 122-130.

147. Шакарян М.С. К вопросу о понятии и составе лиц, участвующих в гражданских делах / М.С. Шакарян // – Москва: Труды ВЮЗИ. 1970. Т. 16 (ч. 2). – С. 160-195.

148. Шереметьева, А.К. Перспективы совершенствования правил подведомственности и подсудности по делам о защите интеллектуальных прав / А.К. Шереметьева // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 1146–1150.

149. Юлбердина, Л.Р. Обеспечительные меры в гражданском процессе / Л.Р. Юлбердина, Г. В. Хамидуллина // *Advances in Science and Technology*. – 2017. – № 11 (12). – С. 224–225.

2.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

150. Агаларова, М.А. Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Агаларова. – Саратов, 2017. – 22 с.

151. Андрианова, М.В. Системность прав и обязанностей субъектов судебного доказывания: специальность 12.00.15: дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Андрианова. – Саратов, 2025. – 175 с.

152. Гладкая, Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Гладкая. – Москва, 2015. – 213 с.

153. Залюкова, Г.И. Унификация участия прокурора в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.15: дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Залюкова. – Ульяновск, 2019. – 233 с.

154. Кобзаренко, Е.М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.М. Кобзаренко. – Саратов, 2022. – 24 с.

155. Комарова, Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Комарова. – Саратов, 2019. – 22 с.

156. Коренченко, Р.Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Е. Коренченко. – Саратов, 2024. – 23 с.

157. Кузбагаров, А.Н. Обязательства вследствие причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Кузбагаров. – Санкт-Петербург, 1998. – 202 с.

158. Малахов, С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Малахов. – Москва, 2001. – 173 с.

159. Митрофанова, М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Митрофанова. – Саратов, 2013. – 27 с.

160. Михайлова, Е.В. Правовой статус сторон в гражданском процессе Российской Федерации: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Михайлова. – Самара, 2004. – 28 с.

161. Мохов, А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: специальность 12.00.15: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Мохов. – Санкт-Петербург, 2005. – 380 с.

162. Панфилов, Г.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в гражданском процессе: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.П. Панфилов. – Москва, 2026. – 24 с.

163. Параскевова, С.А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы): специальность 12.00.03: дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Параскевова. – Москва, 2006. – 367 с.

164. Савинова, А.А. Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Савинова. – Москва, 2005. – 218 с.

165. Сидоров, Р.А. Представительство в гражданском процессе: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.А. Сидоров. – Тверь, 2003. – 32 с.

166. Трещева, Е.А. Субъекты арбитражного процесса: автореферат дис. ... д-ра юридических наук 12.00.15 / Е.А. Трещева. – Москва, 2009. – 47 с.

167. Чекмарева, А.В. Система субъектов гражданского судопроизводства: специальность 12.00.15: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Чекмарева. – Саратов, 2015. – 39 с.

III. Материалы правоприменительной практики

168. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. – 2005. – 15 марта.

169. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. – 2008. – 2 июля.

170. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Рос. газета. – 2008. – 2 июля.

171. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 6 мая.

172. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. – 2020. – 23 окт.

173. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. – 2023. – 19 дек.

174. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Рос. газета. – 2026. – 2 июня.

175. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

176. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 11.

177. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.04.2012 № 6-В12-1. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

178. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.02.2017 № 18-КГ16-194. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

179. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 5-КГ25-30-К2. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

180. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

181. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.11.2016 № С01-959/2016 по делу № А49-121/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

182. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2023 № С01-202/2023 по делу № А63-10133/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

183. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.11.2025 № С01-1240/2025 по делу № А41-68226/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

184. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.11.2025 № С01-1090/2025 по делу № СИП-1091/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

185. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2024 № 09АП-27822/24 по делу № А40-14947/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

186. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2024 № 09АП-58479/24 по делу № А40-192727/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

187. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2025 № 09АП-6954/25 по делу № А40-176044/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

188. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2025 № 10АП-6432/25 по делу № А41-98213/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

189. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2025 № 13АП-26469/25 по делу № А56-44190/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

190. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.06.2025 № Ф02-1479/25 по делу № А33-7044/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

191. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.02.2026 № Ф06-8652/25 по делу № А12-32863/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

192. Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2024 по делу № 8Г-12573/2024 [88-14058/2024]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

193. Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 по делу № 8Г-35787/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

194. Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2025 по делу № 8Г-6576/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

195. Решение Московского городского суда от 22.10.2025 по делу № 3-0006/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

196. Решение Московского городского суда от 19.11.2025 по делу № 3-1247/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

197. Решение Московского городского суда от 22.12.2025 по делу № 3-1453/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

198. Решение Московского городского суда от 15.01.2026 по делу № 3-0021/2026. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

199. Решение Городецкого городского суда Нижегородской области от 06.03.2017 по делу № 2-607/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

200. Решение Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 27.11.2017 по делу № 2-3794/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

201. Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16.01.2020 по делу № 2-560/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

202. Решение Старопромысловского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 21.06.2023 по делу № 2а-480/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

203. Решение Первоуральского городского суда Свердловской области от 24.01.2024 по делу № 2-88/2023. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/98z5vHqxK85b/> (дата обращения: 05.05.2025).

204. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 20.02.2024 по делу № 2-264/2024. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/u6gaQewWZlBj/> (дата обращения: 05.05.2025).

205. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.10.2025 по делу № А40-199620/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

206. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 26.12.2025 по делу № А65-32362/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

207. Решение Ленинского районного суда г. Омска Омской области от 03.02.2026 по делу № 2-537/2026. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

IV. Электронные ресурсы

208. Договор оказания услуг хостинга, размещенный на официальном сайте ООО «РЕГ.РУ». – URL: https://img.reg.ru/faq/dogovor_okazaniya_uslug_hostinga_site_170423.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

209. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. – URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).

210. Пираты доменных морей: кто такие киберсквоттеры // REG.RU: блог. – URL: <https://www.reg.ru/blog/piraty-domennyh-morej kto-takie-kiberskvottery/> (дата обращения: 10.08.2025).

211. Правительство отклонило законопроект Минкомсвязи о больших данных // Ведомости. – 2020. – 27 марта. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/03/27/826513-pravitelstvo-otklonilo-zakonoproekt> (дата обращения: 08.09.2025).

212. Смирнов, С. Метаданные: цифровые следы, которые мы (почти) не замечаем / С. Смирнов // Теплица социальных технологий. – 2020. – 12 февр. – URL: <https://te-st.ru/2020/02/12/metadata/> (дата обращения: 10.02.2026).

213. Садовский П., Косовская И. Такие разные доменные споры. URL: <https://epam.ru/storage/files/documents/insights/545b5056c6c2c.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).